

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2014

№ 2 (126)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2014

№ 2 (126)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиришман**, проф. (Украина)
- М. Гудерцо**, проф. (Италия)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
В. М. Амиров,
канд. филол. наук, доц.
- Ответственный секретарь
Л. А. Хухарева
- Члены редколлегии
- Б. Н. Лозовский**,
докт. филол. наук, доц.
- М. М. Ковалева**,
докт. филол. наук, проф.
- В. Ф. Олешко**,
докт. филос. наук, проф.
- И. В. Зиновьев**,
докт. филос. наук, доц.
- Э. В. Чепкина**,
докт. филол. наук, доц.
- Л. Л. Рыбцова**,
докт. социол. наук, проф.
- А. П. Чудинов**,
докт. филол. наук, проф.
- Т. А. Галеева**,
канд. искусствоведения, доц.
- Т. Ю. Быстрова**,
докт. филос. наук, доц.
- И. Б. Бритвина**,
докт. социол. наук, доц.
- В. В. Запарий**,
докт. ист. наук, проф.
- Г. Е. Зборовский**,
докт. филос. наук, проф.
- Р. Коул**, проф. (США)
- В. Батмаз**, проф. (Турция)
- Лей Юцзе**, проф. (Китай)

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

<i>Амири Л. П.</i> Игровой потенциал многозначности, или Один из способов «каламбурига» в современной рекламной коммуникации	6
<i>Бойчук А. Н., Зиновьев И. В.</i> Постановочные элементы в программах на криминальные темы федеральных российских телеканалов	13
<i>Булатова Э. В.</i> Смысловые и тональные визуальные знаки в креолизованном медиатексте	20
<i>Горина Е. В.</i> Манипулятивный потенциал конституирующих признаков Интернета	29
<i>Джазоян А. Е.</i> Блоги и пользовательский контент как новый формат осуществления интегративной функции СМИ	39
<i>Дзюба Т. А.</i> Две «исповеди» о национальной идентичности (В. Короленко, В. Антонович) в публицистической интерпретации С. Ефремова	49
<i>Краснова Т. И.</i> Квантор <i>все</i> в аффективном дискурсе (на материале газет русского зарубежья 1918–1921 гг.) ...	56
<i>Нахимова Е. А.</i> Прецедентные ситуации, связанные с деятельностью Наполеона Бонапарта, в российской национальной исторической памяти	71
<i>Старкова Г. И.</i> Молодежная пресса 1920–1930-х гг. в процессе социализации подрастающего поколения Удмуртии	80
ПЕДАГОГИКА. ОБРАЗОВАНИЕ	
<i>Дорошенко В. А., Москаленко М. Р.</i> Дисциплина «Концепции современного естествознания» в системе вузовского образования	88
<i>Зимина Л. Е.</i> Использование активных методов обучения при формирова-	

нии у студентов общекультурных и профессиональных компетенций .. 95

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Амбарова П. А.</i> Дисциплинарные и междисциплинарные подходы к определению понятия нелинейности	103
<i>Бритвина И. Б.</i> Трансформация культурных практик: коммуникации между поколениями	111
<i>Дидковская Я. В.</i> Динамика стратегий профессиональной карьеры молодежи в условиях трансформации модели профессионального самоопределения	117
<i>Певная М. В., Кузьминчук А. А.</i> Социологический анализ нормативно-правового регулирования волонтерства в США и России	131

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Виндекер О. С., Бердникова Д. В.</i> Мотивационные особенности студентов-психологов с разными имплицитными теориями интеллекта и личности	140
<i>Ломтатидзе О. В., Ершова И. А.</i> Исследование эмоционального отношения младших школьников к основным видам деятельности	149
<i>Разина М. В., Андреева Л. С.</i> Исследование родительского отношения к старшим и младшим детям в семье	157
<i>Кузнецов Д. В.</i> Психолого-педагогическая фасилитация старшеклассников в процессе самоопределения	167

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Костина Д. А.</i> Художественная выставка как способ коммуникации между	
--	--

эмигрантским и местным сообществами в 1920–1930-е гг. в Праге 176	
<i>Обухова И. Ф.</i> У истоков изучения готической архитектуры: Жак-Жермен Суффло и коллегиальная церковь Богоматери в Мант-ла-Жоли 182	
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДОСУГ	
<i>Семенов М. Д.</i> Михаил Лермонтов: взгляд в несостоявшееся будущее .. 191	
	ЗАМЕТКИ О КНИГАХ
	<i>Мясникова М. А.</i> Кино в контексте времени (рец. на кн.: Кириллова Н. Б. Кино Урала: от прошлого к будущему) 202
	<i>Олешко В. Ф.</i> Роль социально-гуманитарных наук в модернизации образования (рец. на кн.: Социально-гуманитарные науки в модернизации образования) 206
	S u m m a r y 209

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.161.1'37:659.1 + 316.774

Л. П. Амири

ИГРОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ МНОГОЗНАЧНОСТИ, ИЛИ ОДИН ИЗ СПОСОБОВ «КАЛАМБУРИНГА» В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена анализу неоднозначной интерпретации смысла рекламного текста за счет потенциала лексической системы языка. Создаваемый обыгрыванием многозначности слова механизм языковой игры рассматривается как экспрессивное средство манипулятивного воздействия на реципиента, выступающего в роли потенциального потребителя продукта.

Ключевые слова: рекламный текст; языковая игра; каламбур; намеренная неоднозначность.

Актуальность работы обусловлена активизацией игрового начала в рекламной коммуникации. В современной ситуации «бытовое общение, политика, средства массовой информации, реклама, художественная словесность — все оказывается подчиненным стихии игры. Игра становится способом самовыражения языковой личности, средством эффективной коммуникации, инструментом воздействия. Неудивительно, что в данной ситуации, в которой игра предстает как одна из основных характеристик культуры, внимание лингвистов все чаще обращается к различным сферам и способам ее проявления в языке и речи» [7, 17].

В рекламных текстах мы практически всегда имеем дело с приемами языкового манипулирования — использованием особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении; скрытого, значит, не осознаваемого адресатом [10, 77]. В задачу исследователя входит не просто анализ, но и реконструкция

АМИРИ Людмила Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (e-mail: liudmila.amiri@gmail.com).

© Амири Л. П., 2014

общей механики интерпретации текста. В связи с данным постулатом особую роль играет и то, что языковая игра выступает как вид лингвокреативной деятельности, «требующей от коммуникантов интерпретационной деятельности как в моделировании, так и в понимании нестандартной формы речи (способности получать удовольствие от самой возможности нарушать языковой прогноз)» [4, 70]. Интерпретация рекламного текста, как и ее прогнозирование, процесс сложный, но вполне предсказуемый, если помнить о том факте, что «интерпретация в филологии затрагивает две стороны: понять самому; объяснить и/или обосновать это понимание другим [5, 309].

Один из самых распространенных в рекламных текстах способов привлечения внимания основан на обыгрывании многозначности, или создании каламбура. Под каламбуром понимается «шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» [11, 490]. Языковое балагурство можно встретить практически в любом дискурсивном пространстве: на экранах телевизора, страницах книг и газет, в рекламных слогах и интернет-блогах.

Эффективность этого приема языковой игры объясняется тем, что многозначность слова не препятствует успешному функционированию и развитию естественного языка, даже самого узкого контекста бывает достаточно для прояснения оттенков значений многозначных слов. Данная разновидность языковой игры представлена неисчерпаемым арсеналом лексического состава языка, включающего сотни тысяч единиц слов, кроме того, «для обозначения новых предметов, явлений и ситуаций, входящих в сферу опыта, человек не изобретает новых знаков, а использует уже существующие, приспособлявая (модифицируя) их для выполнения новых функций» [8, 22].

Обыгрывание многозначности помогает выполнить один из главных принципов, предъявляемых к рекламному тексту, — передачу максимального количества информации на минимальном отрезке текста. «Феномен трансформации значения слов — довольно распространенное явление в рекламных текстах, сопровождающее приемы языкового манипулирования и разнообразные способы психологического воздействия на адресата. Подобные приемы активизируют внимание потребителей, делают восприятие рекламных текстов более запоминающимся, разбивают текст на быстро усваиваемые блоки, потому что таким образом нарушается стандартность текста, его обыденность, он становится оригинальным, интригующим» [6, 260].

Феномен обыгрывания многозначности чаще всего основан на столкновении прямых значений многозначного слова. При этом количество обыгрываемых и реализуемых значений многозначного слова зависит от контекста, в который его погружает авторский замысел. При создании рекламного текста чаще всего обыгрываются два значения слова. Однако нам известны примеры, в которых могут обыгрываться три и более значений, ср.: *Вы можете не понимать других языков, но ваш язык поймет вкус. Кухня без границ — доступна всем языкам мира. Кухня без границ — превосходна на всех языках* (реклама продукции «Кухня без границ»). Что касается слова *кухня*, то здесь также

обыгрываются два словарных значения: 1. Отдельное помещение с печью, плитой для приготовления пищи. 2. Подбор кушаний, характер пищи, питания [13]. Название продукта «Кухня без границ» также является примером обыгрывания контекстуальной омонимии. Слово *язык* имеет десять словарных значений, из которых были использованы следующие: 1. Подвижный мышечный орган в ротовой полости позвоночных животных и человека. 2. Этот же орган человека, при помощи которого он устно передает свои мысли, изъясняется. 3. Система словесного выражения мыслей <...> служащая средством общения в человеческом обществе <...> 6. *устар.* Народ, народность (нумерация приведена согласно словарю) [13].

В основе обыгрывания многозначности чаще всего лежит столкновение прямого и переносного значений слова: *НАКИПЕЛО? Защитить Вашу стиральную машину от разрушительной накипи и ее последствий Вам поможет Calgon* (реклама средства «Calgon»), ср.: 1. Скопляться на поверхности кипящей жидкости // оседать на стенках котлов и др. сосудов при нагревании, кипении и испарении воды из-за присутствия в ней различных примесей. 2. *перен.* Накопляться, переполнять (сердце, душу) [13].

В основе обыгрывания многозначности может лежать столкновение общеупотребительного, специального, литературного и жаргонного значений слова, ср.: *Не грузитесь! Доставим бесплатно!* (реклама магазина). В последнем примере обыгрывается как узуальное, ср.: 1. Принимать, забирать груз (во 2 знач.). 2. Садиться, помещаться куда-л. вместе со своим грузом, отправляясь куда-л. 3. Страд. к грузить, так и жаргонное словоупотребление, ср.: переживать за что-либо. *У вас поехала крыша???* *Наша фирма поможет вам: ремонт мягкой и жесткой кровли* (реклама строительной фирмы). Пример построен на обыгрывании слова *крыша*, обозначающего на жаргоне современной молодежи «голова, мозги, ум» [9, 296], а выражение *крыша поехала* имеет значение «сойти с ума». В данном контексте каждое слово использовано в своем прямом значении: *крыша* — «верхняя часть строения, покрывающая его и служащая защитой от атмосферных явлений», а *поехать* — «сдвинуться со своего места; начать скользить, поползти» [13]. Но когда эти слова сочетаются, они приобретают другое значение и иные ассоциации, что в данном случае мастерски использовано автором текста. Во многом данная интерпретация обусловлена наличием невербального сопровождения рекламного текста в виде изображения кровли, буквально съезжающей со своей основы.

Многозначность слова может быть реализована независимо от его частеречной характеристики, ср.:

— существительное: *Учите английский в идеальной компании!* (реклама языковой школы «English First»); *Хорошей дороги с хорошей компанией!* (реклама компании «СевДонКабель»). Слово *компания* имеет два словарных значения: 1. Общество, группа людей, проводящих вместе время или чем-то объединенных. 2. Капиталистическое, промышленное или торговое товарищество, объединяющее предпринимателей [Там же], и выступает как контекстуальный синоним;

— прилагательное: *ВАЗИЛИП Ваш сердечный друг* (реклама медицинского препарата «Вазилип» для пациентов с ишемической болезнью сердца), ср.:

1. Относящийся к сердцу // предназначенный для лечения болезней сердца.
2. Относящийся к сердцу; связанный с чувствами, настроениями, переживаниями человека // связанный с дружескими отношениями, чувством симпатии, общими интересами [13]. Слово сочетание *сердечный друг* определяется в словаре как «близкий друг» — лицо одушевленное, а в тексте речь идет о лекарственном препарате — предмете неодушевленном. Обыгрывая многозначность слова, автор манипулирует языковым сознанием потребителя, чтобы вызвать у него положительное отношение к препарату через ассоциацию с хорошим, близким другом;

— глагол: *РАСКУСИТЕ ВКУС НОВОГО ХРУСТЯЩЕГО ПЕЧЕНЬЯ «ПРИЧУДА»* (реклама печенья «Причуда»). Слово *раскусывать* дает возможность трактовать данный текст двояким образом именно благодаря его многозначности: 1. Кусая, разделить на части, куски. 2. *перен. разг.* Разобраться в ком-, чем-л. [Там же]. Ведь действительно печенье можно раскусить на части, а можно раскрыть секрет его приготовления;

— наречие: *Легко весить легко!* (реклама майонеза «Слобода»). Обыгрывание многозначности сопровождается использованием корневого повтора и синтаксического параллелизма, ср. наречие *легко*: 1. Незначительно по весу, 3. Без мучений, неудобств [12].

Обыгрывание многозначности языковой единицы часто основывается на базе высказывания, в рамках которого многозначное слово реализует свою многозначность, ср.: *КАЧЕСТВО У НАС В КРОВИ! Инвитро работает только с тест-системами ведущих мировых производителей!* (реклама лаборатории «Инвитро»). В словосочетании *в крови* обыгрываются два значения: 1. У человека и позвоночных животных: обращающаяся в кровеносной системе красная жидкость (жидкая ткань), обеспечивающая питание и обмен веществ всех клеток. 2. В крови — то, что присуще от рождения, заложено в характере [Там же]. *Живи по полной программе!* (реклама программы телепередач «Антенна»), ср.: программа как план деятельности (в данном случае — программа телепередач) и выражение «по полной программе» — на всю катушку. *Всем труба!* (реклама магазина «Евросеть»). В данном примере обыгрываются значения слова *труба* как обозначение мобильного телефона на современном жаргоне и *труба* «в знач. сказ., кому-чему и без доп. Прост. Гибель, конец» [Там же] как часть фразеологизма со значением «Всем конец!». Если реконструировать механизм интерпретации рекламного сообщения на материале приведенных выше примеров, то мы увидим, что при первом ознакомлении с рекламным текстом мы реагируем на переносное значение текста, и только при повторном (мысленном) ознакомлении с текстом мы обращаем внимание на его прямое значение, имеющее непосредственное отношение к рекламируемому объекту.

Прием обыгрывания многозначности языковой единицы всегда используется как способ обогащения смысловой нагрузки рекламного текста. Переносное значение, приобретаемое словом по тем или иным культурным и историческим причинам, как известно, может иметь не только общепотребительное, но и жаргонное значение. В современной языковой и культурной ситуации

обыгрывание жаргонных значений слов стало не только привычным, но и тиражируемым способом привлечения внимания рекламистами, ср.: *СВЯЗЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ* (реклама мобильной связи «Джинс»); *СВЯЗЬ БЕЗ БРАКА* (реклама мобильной связи); *Обставим всех!* (реклама мебельного салона «Мебеленд»), *Мы обставим всех!* (реклама мебельного салона, г. Ростов-на-Дону); *Мы обуем всю страну* (реклама фабрики обуви), *Мы обуем всех!* (реклама обувного магазина, г. Краснодар) [подробнее см.: 1, 2, 3].

В связи с приведенными выше примерами возникает вопрос о приемлемости — неприемлемости рекламного текста [1, 2, 3] и роли многозначности языковой единицы, вовлеченной в его создание, как языкового феномена и языкового приема. Однако речь должна идти не о запрете многозначности как приема, а о строгом выборе значений слов, отвечающих современным коммуникативным нормам. Неприемлемость рекламного текста обуславливается нарушением не литературной, а коммуникативной нормы, в частности обыгрыванием жаргонных слов с сексуальной подоплекой, ср.: *Индюк — Ну не петух же?!!* (реклама ресторана «Индюк»). Если мы обратимся к Малому академическому словарю, то увидим, что индюк — это действительно не петух, а: 1. Самец курицы. <...> или также можно отозваться о человеке с задиристым характером. 2. разг. О задиристом, запальчивом человеке, забияке [12]. Но дело в том, что на тюремном жаргоне слово *петух* обозначает пассивного гомосексуалиста, и это делает рекламный текст не просто неприемлемым, но и несколько инвективным.

Апелляция к теме сексуальности является не единственным способом создания текстов на грани фола, инвективных по своей природе. Так, рекламный текст может носить и более скрытый, завуалированный, но тем не менее инвективный характер, ср.: *Надоели овощи? Голосуй за ЯБЛОКО. Григорий Явлинский* (реклама предвыборной компании партии «Яблоко»). В данном примере обыгрываются значения двух слов — *овощи* и *яблоко*. На первый взгляд со словом *яблоко* все достаточно понятно и прозрачно, в данном случае имеет место речевая неоднозначность, создаваемая за счет лексической игры с омонимичными названиями: «Яблоко» как название партии и яблоко как название фрукта, противопоставленного овощам. Однако при дальнейшем рассмотрении инвективный характер текста становится более чем явным, ведь слово *овощ* имеет переносное значение — «человек, находящийся в вегетативном состоянии», а также разговорное — «человек бездействующий, пассивный в принятии решений». Так, партия «Яблоко» противопоставляет себя бездействующим властям, которые не хотят перемен и не хотят действовать сами.

Обыгрывание многозначности языковой единицы часто используется для создания эффекта обманутого ожидания, к которому также любят прибегать рекламисты, например: *Мой муж пьет, но я за него спокойна* (реклама фильтров «Аквафор»), ср.: *пить*: 1. *перех.* и *без доп.* Глотая, поглощать какую-л. жидкость. 2. Употреблять спиртные напитки [Там же]. Снятие намеренной неоднозначности и эффекта обманутого ожидания происходит за счет присутствующей в рекламном тексте невербальной составляющей — изображения

молодой улыбающейся женщины со стаканом чистой воды в руках и фильтром «Аквафор» на заднем плане.

Обыгрывание многозначности может сопровождаться реализацией приема буквализации. Прием буквализации прямого значения языковой единицы используется в текстах рекламной коммуникации достаточно часто, ср.: «Комбеллга» *предлагает построить для вас корпоративную сеть на основе ее собственной сети передачи данных. Собери компанию!* (реклама компании «Комбеллга»). Речь идет о буквализации значения, передачи значения языковой единицы в буквальном смысле. Так, буквализация значения *собирать* осуществляется за счет картинки, на которой изображена рука, складывающая из пазлов город. *Окунься в интересную работу! Дом для дома!* (реклама «Леруа Мерлен»). Невербальная составляющая рекламного текста представлена картинкой, на которой мы видим руку, окунающую кисть в краску зеленого цвета (кстати, цвет бренда «Леруа Мерлен»). Здесь буквализируется переносное значение глагола *окунуться*, сталкиваются его прямое и переносное значения, ср.: 1. Погрузиться в жидкость на некоторое (обычно короткое) время. 2. *перен.*, *во что*. Всецело отдаться какому-л. делу, какой-л. работе, деятельности и т. п. [12].

Ряд современных компаний делает прием буквализации своей визитной карточкой в ведении рекламной кампании, ср.: *Вот классный набор!* (реклама супермаркета «Зебра»). Оба значения слова *классный* актуальны и равнозначны для понимания рекламного текста. На сопровождающей текст картинке мы видим набор для школы из ручек, карандашей и пенала, т. е. функциональным по отношению к тексту является первое значение слова *классный*: 1. *Прил.* к *класс* (в 3 знач.), а оценочным — следующее: 4. Принадлежащий к высшему классу, разряду по квалификации, по мастерству в чем-л. <...> || *Разг.* Отличный [Там же]. Оно придает рекламируемому объекту большую привлекательность, так как в этом значении слово *классный* активно используется молодежью.

В современной ситуации невербальный компонент может быть представлен любым подручным материалом, выходящим за физические рамки самого рекламного текста. Например, компания «Икеа» снабдила автомобили гаража своей службы доставки рекламным текстом, напечатанным на боковой стороне грузовика, ср.: *ИКЕА Везет кому-то!* (реклама службы доставки «ИКЕА»), ср.: 1. *перех.* Передвигать, перемещать, заставлять перемещаться какие-л. средства передвижения, а также перемещать что-л. при помощи средств передвижения. 2. (*сов.* повезти) *безл.*, *кому*. *Разг.* Об удаче в чем-л. [Там же].

Анализ феномена многозначности языковой единицы на базе рекламной коммуникации доказывает тот факт, что игра с многозначностью является одним из самых эффективных способов сочинения рекламного текста, так как позволяет реализовать главный принцип его создания: минимум текста — максимум экспрессии. Обыгрывание многозначности расширяет смысловые границы и увеличивает объем плана содержания рекламного текста относительно его плана выражения, задействуя доступные и действенные ресурсы языковой системы через обыгрывание различных производных значений слова.

Феномен многозначности позволяет выбрать правильное, валентное для той или иной ситуации значение слова. Созданная таким образом неоднозначность рекламного текста не затрудняет его восприятия реципиентом, это объясняется тем, что в текстах рекламной коммуникации превалирует общеупотребительная лексика, известная всем представителям русского лингвокультурного сообщества.

Эффективность данного приема также объясняется тем фактом, что он часто нацелен на создание комического эффекта и эффекта неожиданности, т. е. на возбуждение у реципиента определенного интереса. Обыгрывание многозначности усиливает эффективность рекламного текста также в сочетании с другими вербальными (ср.: прием обманутого ожидания) и невербальными (использование поясняющей картинки, прием буквализации значения) приемами воздействия.

---

1. *Амири Л. П.* К вопросу о лингвистической экспертизе текстов рекламной коммуникации // В мире научных открытий (Красноярск). 2011. № 4.1 (16). С. 611–618.

2. *Амири Л. П.* Языковая игра – угроза экологичности общения в речевой культуре (на материале рекламной коммуникации)? // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград, 2013. С. 160–172.

3. *Амири Л. П.* Текстовые деликты, или «Шоковые» способы воздействия на потребителя в креолизованных рекламных текстах [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2013. № 2. С. 10. URL: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/491> (дата обращения: 12.10.2013).

4. *Гридина Т. А.* Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2012.

5. *Демьянков В. З.* Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиознатические) стратегии // Язык и культура: факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова / отв. ред.: Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М., 2001. С. 309–323.

6. *Ильясова С. В., Амири Л. П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.

7. *Кукс А. В.* Функционирование «речевой маски» в юмористическом выступлении // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 330. С. 17–19.

8. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

9. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

10. *Пирогова Ю. К.* Скрытые и явные сравнения: к вопросу о границах правды и лжи в рекламе // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 76–95.

11. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.

12. Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] : фундам. электрон. б-ка «Русская литература и фольклор». М., 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения: 12.11.2013).

13. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М. ; Л., 1950–1965.

Статья поступила в редакцию 19.12.2013 г.

УДК 654:621.397 + 659.1:17 + 82-312.4

А. Н. Бойчук
И. В. Зиновьев

ПОСТАНОВОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРОГРАММАХ НА КРИМИНАЛЬНЫЕ ТЕМЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ ТЕЛЕКАНАЛОВ

В статье рассмотрены основные виды постановочных элементов в современных российских телепрограммах на криминальные темы. Выявлены причины и следствия использования постановочных элементов в телепередачах на криминальные темы каналов «Россия 1», «Первый канал», «НТВ».

Ключевые слова: российское телевидение; телепрограммы на криминальные темы; постановочные элементы; инсценировка; «Россия 1»; «Первый канал»; «НТВ».

Современное российское телевидение невозможно представить без документалистики. В телепрограмме зритель может найти множество документальных передач: от биографических, повествующих о жизни выдающихся деятелей политики, кинематографа, шоу-бизнеса, искусства, до научно-популярных, в которых телеведущие рассказывают об освоении космоса, современных технологиях. Не обошли вниманием отечественные теледокументалисты и криминальные темы.

Отметим, что передачи на криминальные темы федеральных российских телеканалов собирают большую зрительскую аудиторию и имеют высокие рейтинги. В качестве примера мы приводим сравнительный рейтинг отечественных телепрограмм на криминальные темы за 11–17 ноября 2013 г. (табл. 1) [11].

Таблица 1

Рейтинг криминальных передач на федеральных телеканалах

Место в рейтинге	Передача	Телеканал	Рейтинг, %
19-е	<i>«Человек и закон» с Алексеем Пимановым</i>	Первый канал	5
22-е	<i>«Чрезвычайное происшествие. Обзор за неделю»</i>	НТВ	4,5
48-е	<i>«Следствие вели...» С Леонидом Каневским</i>	НТВ	3,4
66-е	<i>«Чрезвычайное происшествие. Расследование»</i>	НТВ	2,9

Документальные передачи криминальной тематики по праву можно назвать долгожителями отечественного телевидения, поскольку они пользуются

БОЙЧУК Антон Николаевич — студент исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: anton-boychuk@mail.ru).

ЗИНОВЬЕВ Илья Викторович — доктор философских наук, заведующий кафедрой телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: ziliv@mail.ru).

© Бойчук А. Н., Зиновьев И. В., 2014

большим спросом у зрителя. Одной из самых «долгоиграющих» передач на телевидении является «Человек и закон». На официальном сайте «Первого канала» подчеркивается, что «общественно-политическая программа “Человек и закон” выходит на главном телеканале страны уже 35 лет» [16]. Передача освещает самые громкие судебные дела, теракты, убийства, коррупционные скандалы, которые вызвали большой резонанс в обществе. Каждый сюжет в программе — отдельное журналистское расследование с комментариями и интервью участников различных историй, которые дают свою оценку тем или иным событиям.

Следует отметить также документальный сериал «Криминальная Россия», вышедший с 1995 по 2012 г. В передачах шла речь об уголовных делах серийных убийц, браконьеров, наркоторговцев, заказных убийствах и организованных преступных группировках. Первоначально передача выходила на телеканале «НТВ». Стоит добавить, что именно на этом канале были показаны лучшие выпуски. Интерес к первым выпускам программы был связан с тем, что страну захлестнула безработица, массовая бедность, зарождающиеся рыночные отношения, которые вызвали волну криминализации общества. С другой стороны, были преданы огласке многие детали уголовных дел, которые до этого нигде не освещались так подробно, как в данной передаче.

Еще одним циклом передач, который прочно занял свое место на отечественном телевидении, является «“Следствие вели...” С Леонидом Каневским». Тематика документального цикла не отличается от вышеперечисленных передач. Однако если в «Криминальной России» было небольшое количество выпусков о преступлениях, которые происходили в СССР, то в данной передаче советская эпоха является главной сценой для действий злоумышленников. Декорации, предметы советского быта, кинохроника того времени, видеоматериалы из архива МВД СССР — все эти детали придают особый шарм программе, погружая зрителя в реалии советского времени.

Для того чтобы понять ситуацию с освещением криминальных тем на современном отечественном телевидении, мы проанализировали сетку вещания федеральных телеканалов. В результате анализа, итоги которого мы приводим в табл. 2, были выделены телеканалы, которые транслируют передачи на криминальные темы. Это «Первый канал», «Россия 1», «5 канал», «НТВ», «ТВ Центр», «ТНТ».

Для дальнейшего анализа были выбраны телепередачи телеканалов «Россия 1», «Первый канал» и «НТВ» за период с сентября 2013 г. по январь 2014 г., поскольку именно эти каналы собирают наибольшую зрительскую аудиторию и имеют высокий рейтинг. В выпусках отобранных нами передач («Человек и закон», «Вести. Дежурная часть», «Честный детектив», «“Следствие вели...” С Леонидом Каневским») наиболее полно отражается специфика использования постановочных (игровых) элементов.

Постановочные элементы напрямую связаны с образным языком телеэкрана. Они заметно усиливают эмоциональную составляющую документального образа. Создатели телепередач активно прибегают к инсценировке — воссозданию реальных событий с помощью актерской игры, декораций и автор-

Таблица 2

Передачи на криминальные темы федеральных телеканалов

Телеканал	Передача
Первый канал Россия 1	<i>«Человек и закон» с Алексеем Пимановым</i> <i>Вести. Дежурная часть</i> <i>Честный детектив</i>
Россия 2	—
Россия 24	—
5 канал	<i>Место происшествия</i>
НТВ	<i>Чрезвычайное происшествие</i> <i>Чрезвычайное происшествие. Обзор за неделю</i> <i>«Следствие вели...» С Леонидом Каневским</i>
ТВ Центр	<i>Осторожно, мошенники!</i> <i>Линия защиты</i>
ТНТ	<i>Экстрасенсы ведут расследование</i>
ТВЗ	—
Домашний	—
Звезда	—
СТС	—

ской фантазии. К игровым элементам можно также отнести действия, воссозданные самими участниками событий под руководством режиссера.

Известный исследователь И. К. Беляев подчеркивал, что «инсценировка — это дурной вкус в документалистике, и прибегать к инсценировкам можно в исключительных и очень ограниченных обстоятельствах. Наигрыш смертелен в документальной картине. Малейшая фальшь сразу обнаруживается рядом с подлинным документом и лишает доверия зрителя» [2, 197]. С одной стороны, стоит согласиться с данным утверждением, поскольку при инсценировке действительно утрачивается доверие аудитории. Причем зрители и в дальнейшем будут с недоверием относиться к передачам подобного рода. Мы считаем, что при создании криминальных передач хорошим тоном является использование следственных материалов уголовного дела, видеосъемок допросов, интервью журналистов с преступниками, пострадавшими и свидетелями. Именно так поступают создатели передач «Человек и закон» и «Вести. Дежурная часть». В одном из выпусков передачи «Человек и закон» (эфир 08.11.2013) повествуется о взрыве в курганском суде, который прогремел 1 ноября 2013 г. Помимо интервью с приставом, который был непосредственным участником данного события, в распоряжении авторов программы оказались видеосъемки скрытой камерой [14].

С другой стороны, нельзя воспринимать слова И. К. Беляева об «исключительных и очень ограниченных обстоятельствах» слишком категорично, так как не всегда у создателей телепрограммы есть достаточный объем хроникального видеоматериала, который они могли бы использовать. Поэтому нередко

режиссеры-документалисты и журналисты применяют постановочные элементы. Например, в передаче «Вести. Дежурная часть» (эфир 28.09.2013) речь идет о событии, которое случилось в октябре 1995 г. в Мордовском университете. Во время лекции, которую Олег Еникеев читал студентам строительного факультета, в аудиторию ворвались вооруженные бандиты и застрелили преподавателя. Параллельно с рассказом журналиста об этом происшествии идет видеоряд с инсценировкой тех самых событий, где показывается, как два вооруженных человека заходят в аудиторию и убивают Еникеева. Помимо реконструкции убийства, в передаче использовались кадры оперативной съемки задержания преступников, интервью со следователем, начальником местного управления уголовного розыска, а также фотографии с места чрезвычайного происшествия [3].

Однако при использовании игровых элементов, особенно при полномасштабной инсценировке, следует соблюдать большую осторожность, потому что можно попросту «заиграться», т. е. увести зрителя в субъективный мир авторской интерпретации событий. Поэтому создатели документальных телепередач должны ориентироваться на существующие текстовые, звуковые и видеодокументы, используя игровые элементы лишь в качестве вспомогательных связей между ними. Так, в программе «Честный детектив» в выпуске под названием «Предатель» (эфир 21.12.2013) инсценируется расправа над экипажем инкассаторской машины. Инсценировку дополняют фотодокументы уголовного дела, а также интервью с преступниками [10]. Еще одна программа, где создатели используют инсценировку в качестве дополнения к основному хроникальному материалу, — «Вести. Дежурная часть». В выпуске программы, вышедшем в эфир 18 января 2014 г., зритель видит постановочное воспроизведение того, как машина сбивает женщину с детской коляской. Основой стала видеосъемка скрытой камерой этого дорожно-транспортного происшествия [6].

В данных примерах игровые элементы становятся связующим звеном между документами. Здесь инсценировка смотрится достаточно органично и выступает в качестве дополнительного, а не основного звена телепередачи.

Но бывают случаи, когда инсценировка представляется неуместной. В качестве примера приведем серию «Дело гуманоидов» (эфир 30.11.2013) из цикла передач «Следствие вели...» С Леонидом Каневским» [7]. В середине передачи ведущий делает отступление от основной линии сюжета и, переодевшись в костюм неземного существа, начинает рассказывать о том, как инопланетян в своих произведениях представляли советские писатели-фантасты. В этом случае, на наш взгляд, инсценировка смотрится нелепо и смешно. И это может оттолкнуть зрителя от экрана.

Немаловажная составляющая инсценировки — актерская игра. Как правило, актерам отводится роль потерпевших, свидетелей и следователей, которые рассказывают о случившемся криминальном инциденте. Также актер может выступать в роли преступника. И здесь следует обратить внимание на часто используемый прием: когда актер играет эту роль, зритель, как правило, не видит его лица, в кадр попадают лишь особые приметы, которые назвали свидетели или потерпевшие. В серии «Шкатулка смерти» (эфир 16.11.2013)

программы «Честный детектив» речь идет о серийных маньяках, которые орудовали в Нижнем Новгороде. Реконструкция преступлений проводилась с помощью актеров. Когда в передаче показывали само преступление, то цветная картинка сменялась на черно-белую. Зритель не видел лиц преступников [17]. Этот прием используется для того, чтобы держать аудиторию в напряжении до самого конца программы.

В качестве удачного примера можно отметить игру актеров в серии под названием «Союз четырех» (эфир 08.09.2013) из цикла «“Следствие вели...” С Леонидом Каневским». В этой серии ведущий программы рассказал, как председатель колхоза заметил в кукурузных зарослях примятую колею. Он решил идти по следу и наткнулся на машину, стоявшую посреди поля. В машине были тела двух мужчин с огнестрельными ранениями. Отыскалась и вторая свидетельница, которая сообщила следователю, что сначала она услышала глухие выстрелы с поля, а через несколько минут увидела красный мотоцикл. Свидетельницу в этой передаче очень достоверно сыграла актриса [12].

Актерская игра характерна и для передачи «Вести. Дежурная часть». Центральным персонажем выпуска, вышедшего в эфир 16 ноября 2013 г., стала предпринимательница, которая убила собственного мужа. Спустя полгода от имени покойного супруга она провела сделку с недвижимостью. Для нотариуса бизнес-леди поставила целый спектакль: роль смертельно больного, а на самом деле уже убитого мужа попросила сыграть своего знакомого. Всю эту ситуацию, основанную на документах, в телепередаче инсценировали довольно подробно. Зрители, например, видят, как коммерсантка обматывает бинтами лицо своего поделщика, чтобы нотариус ничего не заподозрил [4]. В другой передаче «Человек и закон» (эфир 20.09.2013) по показаниям матери погибшего младенца была реконструирована картина трагического события. С помощью актеров зрителям представляют подробную картину произошедшего. Ребенок подавился фасолью и начал задыхаться. Родители повезли его в больницу, где столкнулись с равнодушием и халатностью врачей [13].

Неотъемлемая часть инсценировки — воссоздание деталей, характеризующих место действия. В телепередачах на криминальные темы присутствуют городские улицы, различные помещения — банки, офисы, квартиры. Представленные на экране разнообразные детали помогают зрителю почувствовать атмосферу тех мест, где совершались преступления. Кроме того, в инсценировке авторы могут акцентировать внимание на отдельных деталях, чаще всего на орудиях убийства. К примеру, в серии «Адская посылка» (эфир 05.10.2013) цикла «“Следствие вели...” С Леонидом Каневским» восстановлена обстановка советского почтового отделения: невзрачно одетые люди, стоящие в очереди, на фоне агитационных плакатов. При этом создатели выпуска привлекли внимание зрителей к смертельной посылке в белой бумаге, которую отправляет девушка [1].

Воссоздание деталей обстановки является одним из важных образных средств, используемых в передачах «Честный детектив» и «Вести. Дежурная часть». В серии «Доверенность на тот свет» (эфир 18.01.2014) программы «Честный детектив» авторы на основе интервью с пострадавшей от «черных»

риэлторов пенсионеркой смогли восстановить хронологически точную последовательность действий злоумышленников, намеревавшихся завладеть квартирой. В инсценировке режиссер показывает зрителям подписание договора о продаже квартиры и подробно знакомит с квартирой потерпевшей [9]. В одном из выпусков «Вести. Дежурная часть» (эфир 30.11.2013) инсценируется перестрелка, главной деталью которой является автомат Калашникова, снятый крупным планом [5]. В программе «Человек и закон» (эфир 13.12.2013) телезрители узнают о школьнике из села Гладышево, которого одноклассники привязали к футбольным воротам, а потом начали бить в него мячом. Авторы передачи представили инсценировку произошедшего инцидента, сделав упор на футбольную сетку и мяч [15].

Еще одна составляющая инсценировки, которая является основой всякого художественного образа, — это фантазия сценариста и режиссера. С одной стороны, данный элемент имеет свои преимущества: режиссер и сценарист с его помощью могут сделать более разнообразным видеоряд, что привлечет не очень притязательных зрителей. С другой стороны, может произойти искажение реальных событий, что, несомненно, вызовет недоумение и недоверие у подготовленной аудитории. Поэтому создатели должны пытаться найти как можно больше документальных источников, которые они могут использовать в передачах, не прибегая к искусственно выдуманным кадрам.

Фантазия режиссера и сценариста используется в передаче ««Следствие вели...» С Леонидом Каневским». В одном из эпизодов серии «Джентльмены неудачи» (эфир 06.01.2014) женщину, выходящую из комиссионного магазина, грубо толкает мужчина. Между ними происходит нелिцеприятный разговор. Имело ли место данное событие на самом деле, мы можем только догадываться, поскольку документальных подтверждений этого события в передаче представлено не было [8]. Что касается остальных рассматриваемых передач, то в них мы не обнаружили игровых кадров, не подтвержденных документально.

Отметим, что в программах «Честный детектив», «Вести. Дежурная часть», «Человек и закон» постановочные элементы не являются основными в сюжетах. Их каркас — хроникальный видеоматериал, звуковые и текстовые документы, а игровые составляющие используются как вспомогательные связи. Кроме того, создатели стремятся проводить свои собственные журналистские расследования.

Таким образом, можно утверждать, что постановочные элементы активно используются российскими журналистами и документалистами в телепередачах на криминальные темы. Основные цели включения в телепрограммы игровых элементов: во-первых, восполнение нехватки видеоматериалов, интервью с участниками событий, допросов, когда игровые элементы выступают в качестве связующего звена между документальными свидетельствами; во-вторых, привлечение внимания как можно большей зрительской аудитории за счет более зрелищного представления криминальных историй.

С нашей точки зрения, инсценировка в теледокументалистике смотрится нелепо, когда нет документальных источников, хроникального видеоматериала.

ла, который мог бы ее подтвердить. Создатели документальных телепередач, в том числе на криминальные темы, не должны забывать, что профессии журналиста и режиссера-документалиста основаны на разыскании, творческом осмыслении и представлении достоверной информации. Иначе документалистика может превратиться в некое подобие игрового кино, которому присущи совершенно иные критерии профессионализма.

1. Адская посылка [Электронный ресурс] // «Следствие вели...» С Леонидом Каневским. 05.10.2013. URL: <http://www.ntv.ru/peredacha/sledstvie/m2320/o189117/> (дата обращения: 21.01.2013).
2. *Беляев И. К.* Спектакль документов: Откровения телевидения. М., 2005.
3. Вести. Дежурная часть. 28.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/5204/episode_id/644163/video_id/644163/viewtype/ (дата обращения: 21.01.2013).
4. Вести. Дежурная часть. 16.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/5204/episode_id/704238/video_id/704238/viewtype/ (дата обращения: 21.01.2014).
5. Вести. Дежурная часть. 30.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/5204/episode_id/930060/video_id/927886 (дата обращения: 21.01.2014).
6. Вести. Дежурная часть. 18.01.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/5204/episode_id/960372/video_id/961999/viewtype/picture (дата обращения: 21.01.2014).
7. Дело гуманоидов [Электронный ресурс] // «Следствие вели...» С Леонидом Каневским. 30.11.2013. URL: <http://www.ntv.ru/peredacha/sledstvie/m2320/o201917/> (дата обращения: 9.12.2013).
8. Джентльмены неудачи [Электронный ресурс] // «Следствие вели...» С Леонидом Каневским. 06.01.2014. URL: <http://www.ntv.ru/peredacha/sledstvie/m2320/o218016/> (дата обращения: 21.01.2014).
9. Доверенность на тот свет [Электронный ресурс] // Честный детектив. 18.01.2014. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/5133/episode_id/678618/video_id/678618/viewtype/picture (дата обращения: 21.01.2014).
10. Предатель [Электронный ресурс] // Честный детектив. 21.12.2013. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/5133/episode_id/943855/video_id/946136/viewtype/picture (дата обращения: 21.01.2014).
11. Рейтинг телепрограмм в России [Электронный ресурс]. URL: <http://allcharts.ru/tv/russia/rating.htm> (дата обращения: 21.01.2014).
12. Союз четырех [Электронный ресурс] // «Следствие вели...» С Леонидом Каневским. 8.09.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntv.ru/peredacha/sledstvie/m2320/o185498/> (дата обращения: 21.01.2014).
13. Человек и закон. 20.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1tv.ru/prj/chelzak/vypusk/25847> (дата обращения: 21.01.2014).
14. Человек и закон. 08.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1tv.ru/prj/chelzak/vypusk/27065> (дата обращения: 21.01.2014).
15. Человек и закон. 13.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1tv.ru/prj/chelzak/vypusk/27876> (дата обращения: 21.01.2014).
16. Человек и закон. Информация о проекте [Электронный ресурс]. URL: http://www.1tv.ru/projects_in_detail/si=21 (дата обращения: 21.01.2014).
17. Шкатулка смерти [Электронный ресурс] // Честный детектив. 16.11.2013. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/5133/episode_id/697670/video_id/697670/viewtype/picture (дата обращения: 21.01.2014).

Статья поступила в редакцию 10.03.2014 г.

УДК 070:81'42 + 811.161.1'37

Э. В. Булатова

СМЫСЛОВЫЕ И ТОНАЛЬНЫЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ ЗНАКИ В КРЕОЛИЗОВАННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

В статье представлен ряд классификаций визуальных знаков: выделены знаки с денотативным значением и знаки, коннотативно осложненные; гомогенные и гетерогенные; динамические и статические; ключевые и неключевые; смысловые и тональные. Охарактеризованы ключевые смысловые и ключевые тональные знаки, описаны практики их выделения в медиатексте. Сделаны выводы о специфике использования визуальных знаков в региональной прессе.

Ключевые слова: ключевой знак; визуальный знак; тональность; медиатекст; смысловая структура текста.

Исследователи (В. В. Колодий, Е. Мещеркина-Рождественская, В. В. Савчук и др.) отмечают растущую роль визуальности в формировании современного социального опыта. Данный процесс получил наименование визуального, или иконического, поворота. Его проявления видят не только в «резком росте визуализации информационных потоков» [11, 28], в «увеличении визуальных репрезентаций», «вытеснении нарратива», но и в «меняющемся автоматизме восприятия реальности» [6, 12, 21], в том, что, как отмечает В. В. Колодий, «человек начинает видеть покадрово, что порождает фрагментарность восприятия, калейдоскопичность видения, приводя к развитию “культуры быстрого вращения глаз”» [Там же, 15]. Визуальность называют «доминантой современной социальности и культуры и инструментом социального познания» [Там же, 11], а нашу эпоху — цивилизацией образа, эпохой «оптикоцентризма» [15, 10, 13].

При этом роль иконических образов оценивается неоднозначно. Так, по мнению Е. Л. Мжельской, «визуализация информации в печатных изданиях — это не только дань времени, но и насущная необходимость, поскольку фотография... обладает свойством документальности, точности и достоверности. Язык фотоизображения обширен и лаконичен, информативен и эстетичен» [12, 3]. С другой стороны, В. В. Савчук отмечает, что «фотообраз только на поверхности дает картину видимого, а в действительности дает конструкцию взгляда, т. е. то, как нечто может быть увидено, а также четкую инструкцию, на что нужно смотреть и как выглядеть» [15, 17]. Как указывает Сьюзен Зонтаг, образы из копий реальности превратились в задающие реальность модели [цит. по: 15, 29].

Все отмеченное выше, а также то обстоятельство, что «визуальное сообщение оказывает более сильное эмоциональное воздействие на читателя» [12, 3],

---

БУЛАТОВА Элина Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: elina2824@yandex.ru).

«визуальные образы укореняются в сознании прочнее, нежели... понятия» [6, 4], заставляют обратить внимание на практики их производства, в частности — на характер используемых в медиатекстах визуальных знаков.

«Философский энциклопедический словарь» определяет знак как «материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношения» [19, 166]. Визуальные знаки можно классифицировать по разным основаниям. В самом общем виде (не только применительно к медиатекстам) их можно разделить на:

1) знаки, несущие денотативное значение, и знаки, несущие денотативное и коннотативное значения. По Р. Барту, денотативные визуальные (иконические) знаки передают «буквальное», перцептивное, т. е. непосредственно воспринимаемое сообщение, а коннотативные — символическое [1, 304]. Однако необходимо учитывать тот факт, что коннотативное значение не существует без денотативного. Заметим, что в лингвистике коннотация — дополнительное значение, факультативная окраска языковой единицы: стилистическая, эмоционально-оценочная, историческая. Применительно к анализу креолизованного медиатекста речь может идти о двух видах его визуальных компонентов: а) эмоциогенных (порождающих эмоции), несущих эмоциональный заряд; б) неэмоциогенных, нейтральных, не несущих эмоционального заряда. В первом случае визуальный компонент образуют знаки, обладающие денотативным и коннотативным значениями, во втором — денотативным. Таким образом, визуальный коннотативно осложненный компонент медиатекста — это в первую очередь компонент эмоционально окрашенный, рассчитанный на эмоциональное прочтение (хотя возможны и другие типы коннотаций: например, историческая в архивных фотографиях); визуальный денотативный компонент — нейтральный;

2) гомогенные и гетерогенные визуальные знаки. Гомогенные (однородные (денотативные или коннотативно осложненные), цельные, например, картина, фотография и пр., не являющиеся коллажем) могут выполнять несколько функций, реализуемых тем не менее одним целостным элементом. В текстах с гетерогенными визуальными компонентами (разнородными (денотативными и/или коннотативно осложненными), составными, не представляющими собой единое неделимое целое) разные части/элементы визуального звена могут выполнять разные функции. Например, составные иконические компоненты рекламных сообщений могут включать денотативное представление предмета рекламы, выполняющее, как правило, информативную и иллюстративную функции, и коннотативные визуальные аргументы, выполняющие аттрактивную, экспрессивную, аргументирующую и прочие функции;

3) динамические и статические визуальные знаки. Примером динамических, или кинетических, знаков могут служить определенные жесты (вспомним язык жестов балета). Для детальной характеристики статических знаков можно воспользоваться классификацией Ч. Пирса (уточненной авторами «Краткого философского словаря»), согласно которой выделяются символические (эмблемы, знамена, гербы) и иконические (копии, изображения

предметов) знаки [14, 75–97; 7, 105]. Последние характерны для прессы. Пограничную ситуацию, на наш взгляд, создают индексальные знаки Ч. Пирса: являясь по характеру динамическими, процессуальными, они в момент измерения (симптомов, показаний приборов и пр.) некоторое время пребывают в статике;

4) ключевые и неключевые визуальные знаки. Информация, передаваемая по каналам СМИ, может быть ранжирована по степени значимости для постижения смысла сообщения. Соответственно, возможно выделение ключевых и неключевых знаков текста. Согласно Словарю русского языка, «ключевой — 3. *перен.* Наиболее значительный в каком-либо отношении» [17, 61]. Соответственно, ключевой текстовый знак (в том числе визуальный) — наиболее значительный в каком-либо отношении элемент текста, сообщения. О характере этих знаков и практике их выделения мы скажем ниже;

5) смысловые и тональные визуальные знаки. Могут быть ключевыми и неключевыми. Под ключевым смысловым текстовым знаком мы понимаем двусторонние материально-идеальные единицы разной семиотической природы, репрезентирующие ключевые смыслы текста. Ключевой смысл, в свою очередь, понимается как значимый компонент основного содержания публикации, без которого адекватное восприятие текста затруднительно или невозможно. В креолизованных сообщениях электронных СМИ для выражения ключевых смыслов могут использоваться вербальные, визуальные и аудиальные знаки, в текстах печатных СМИ — вербальные и визуальные знаки.

Тональные ключевые знаки — компоненты публикации, имеющие большое значение для создания тональности, особого настроения.

Представленный ряд классификаций визуальных знаков, на наш взгляд, не является конечным и может быть продолжен. Заметим, что один и тот же знак можно охарактеризовать по разным основаниям. Например, строгие, официальные фотографии директора театра, сопровождающие передовые статьи газеты «Екатеринбургский театр оперы и балета», — денотативные, однородные, статичные, неключевые смысловые знаки, но играющие определенную роль в создании деловой тональности.

В связи с выделением ключевых и неключевых знаков возникает необходимость определения параметров, по которым мы можем отнести визуальный знак к одной из указанных групп. Вопрос о делении **смысловых иконических знаков** на ключевые и неключевые может быть решен с помощью обращения к смысловой структуре текста. Вслед за Т. М. Дридзе [5] и Л. М. Майдановой [8] мы понимаем смысловую структуру текста как логический каркас, определяющий отношения между предметными, событийными и аналитическими элементами содержания. Знаки, образующие основные элементы смысловой структуры текста (главную мысль — ГМ; констатирующие тезисы — КТ; аналитическую оценку ситуации, вывод — АОС), относятся, по нашему мнению, к ключевым, а участвующие в образовании развивающих тезисов и второстепенных элементов (фона (подводки) к теме и иллюстраций к тезисам) — к неключевым.

Практику использования визуальных знаков мы рассматривали на примере публикаций региональной корпоративной газеты «Екатеринбургский театр оперы и балета». Анализ показал, что:

1) специфика иконических визуальных знаков заключается в их полифункциональности: такие знаки способны одновременно играть роль разных элементов смысловой структуры сообщения. Так, у визуальных компонентов чаще всего можно наблюдать совмещение функций фона и иллюстраций. Красочные фотографии, демонстрирующие яркие моменты спектаклей, в первую очередь воспринимаются адресатом, выполняют аттрактивную функцию, «подводят» читателя к теме. Вместе с тем отсылка к изображению возможна и в вербальной части публикации, таким образом, иконические элементы реализуют и иллюстративную функцию.

Например, в рубрике «Дебюты» ноябрьского номера за 2011 г. размещена креолизованная публикация «Октябрь-ноябрь», фоном которой служат фотографии сцен из спектаклей «Снегурочка» и «Шахерезада» (визуальные элементы). ГМ: «Первые месяцы театрального сезона были отмечены появлением на сцене молодых перспективных солистов». Два из четырнадцати констатирующих тезисов текста подкрепляются иллюстрациями. КТ 3: «Активно заявила о себе и третья оперная дебютантка — Ольга Пешкова. В “Апельсинах” она спела партию Николетты, через неделю 23 октября — Фею Росы в “Гензель и Гретель”, а вскоре дело дошло и до главных партий — 8 ноября Ольга представила публике Папагену в “Волшебной флейте”, а 12 ноября — Снегурочку». Иллюстрация к КТ 3: фотография сцены из спектакля с подписью «Снегурочка — Ольга Пешкова» (визуальный элемент). КТ 4: «Сразу две главные партии появились в репертуаре Екатерины Панченко. 20 ноября она станцевала главную балеринскую партию в “Лебедином озере”, а чуть раньше, 30 октября, в “Шахерезаде” публика смогла оценить ее новую Зубиду». Иллюстрация к КТ 4: фотография сцены из спектакля с подписью «Зубида — Екатерина Панченко» (визуальный элемент).

Таким образом, основная информация передается вербально (ГМ и КТ выражены эксплицитно). Визуальные элементы публикации являются неключевыми в плане выражения смысла: выполняют роль фона и иллюстраций, при этом наглядно представляют некоторых «молодых перспективных солистов», названных в качестве предмета речи. Однако последнее обстоятельство не дает оснований для рассмотрения данных элементов в качестве визуального эквивалента ГМ. Фотографии могут быть «изъяты» из состава креолизованного текста без ущерба для смысла;

2) описанная выше ситуация характерна для текстов со вспомогательной, неключевой (в плане выражения смысла) ролью изображения. Также необходимо отметить наличие в анализируемом издании публикаций с ведущей ролью изображения (фотоотчетов, фоторепортажей в особой рубрике «Фотоальбом»), в которых иконический компонент является ключевым смысловым знаком текста, поскольку участвует в формировании главной мысли, тезисов и вывода.

Так, в мартовском номере (2012 г.) в указанной рубрике представлены 17 фотографий (занимающих 4 полосы), на которых запечатлены яркие сцены

из спектакля «Граф Ори». В нижней части последней полосы мелким шрифтом перечислены артисты, занятые в спектакле. Таким образом, вербальная часть креолизованного текста минимальна: включает в себя заголовок публикации «Граф Ори» (предмет речи автора) и подписи к фотографиям. Отметим, что в случае имплицитного выражения основных элементов смысловой структуры — ГМ, КТ и АОС главным средством их выделения при анализе являются экспериментальные методики (опрос респондентов), на основе которых строится смысловая структура.

ГМ публикации: «Опера “Граф Ори” — интересная/яркая/замечательная постановка». Заметим, что предмет речи выражен вербально, эксплицитно, а его основной анализируемый признак выражен визуально, т. е. с языковой точки зрения — имплицитно, и выделяется на основании анализа интенции автора (его задачи — представить спектакль в наиболее выигрышном свете, чтобы аудитория захотела его посетить), а также ответов респондентов и варьируется в указанном диапазоне. Констатирующие тезисы «интересная/яркая/замечательная постановка, так как герои оказываются в забавных/смешных/драматических ситуациях», «так как использованы необычные декорации», «так как привлекают внимание необычные, яркие костюмы», «так как в спектакле принимают участие иностранные артисты, а также заслуженные артисты России» (последний тезис выражен вербально: в виде подписей к фотографиям) и АОС «спектакль “Граф Ори” стоит посетить / он заслуживает внимания зрителей» также выделяются из ответов респондентов.

Таким образом, большая часть элементов смысловой структуры публикации (все основные элементы, кроме предмета речи, названного в заголовке, и последнего констатирующего тезиса) имеет визуальное выражение, что позволяет нам говорить о том, что основной ее смысл выражен визуально и изъятие визуальных знаков из состава креолизованного текста невозможно (возможно их сокращение, замена одной фотографии на другую, но вообще удалить визуальный компонент нельзя). Визуальные знаки являются ключевыми смысловыми знаками публикации.

Выше мы отмечали, что помимо смысловых ключевых знаков можно выделить **тональные ключевые знаки**. Рассмотрим данное явление подробнее. В силу того что понятие «тональность» применительно к печатному тексту недостаточно разработано, приведем некоторые дефиниции.

Лексема «тон» определяется в Словаре русского языка как «7. Характер звучания речи, манера произношения (или письма), выражающие чувства говорящего, его отношение к предмету речи, особенности душевного склада и т. п.», а лексема «тональность» имеет значение «3. *Иск.* Основная эмоциональная настроенность литературного произведения, пьесы, образа и т. п.» [18, 379, 380]. Т. С. Брыжина и О. А. Могилевская определяют тональность как «эмоционально-стилевой формат общения» [4, 5; 13, 5]. По мнению М. П. Брандес, каждое произведение обладает своим интонационным строем, своей системой тональностей [3, 112–113]. Под основной стилистической тональностью произведения исследователь понимает общую эмоциональную атмосферу высказывания, его общий эмоциональный настрой и отмечает, что тональность по-

вестования выражается в интонации, которая наслаивается на словесную ткань высказывания и позволяет судить о типе экспрессии [3, 267]. В исследовании Т. В. Матвеевой понятие тональности соотносится с понятием субъективной модальности. Тональность определяется как «эмоционально-экспрессивное содержание», «текстовая категория, в которой находит отражение психологическая установка автора», «функционально-семантическая категория, связанная с языковыми категориями эмоциональности... усиления и волеизъявления» [10, 27].

Заметим, что в практике анализа фотоизображений понятие «тональность» используется также в значении: «4. *Иск.* Основной, преобладающий цвет, колорит, сочетание тонов на картине, способствующие созданию той или иной эмоциональной настроенности» [18, 380]. Так, Е. Л. Мжельская говорит о тональных ритмах, тональной доминанте кадра [12, 43]. «Оперируя тонами, фотограф предопределяет семантику снимка — создает желаемый смысл. Например, если в кадре господствуют темные тона, он ощущается драматичным, напряженным, преобладание светлых тонов делает снимок лиричным, нежным. Совокупность тонов, производящих определенное воздействие на зрителя, называется тональностью кадра» [Там же, 95].

М. П. Брандес выделяет 3 типа основного тона произведения: высокий, нейтральный, сниженный [3, 112–113], а также указывает, что основную тональность определяют три основных способа повествования: эпический, драматический, лирический. Эпический рассказчик передает интонацию изображаемого с известным отдалением от него, с некоторой сдержанностью. «Деловое» изображение определяет и вторую специфическую особенность эпической экспрессии, а именно объективность, отсутствие заинтересованности, нейтральность изложения, а отсюда бесстрастный, иногда сухой тон [Там же, 268]. Драматическая экспрессия как определенная форма организации эмоций характеризуется такими качествами, как страстность, спонтанность, импульсивность, взволнованность, возбужденность, полемичность, внутренняя напряженность [Там же, 271–272]. Основу лирической экспрессии составляет настроение, т. е. эмоционально-психологическое состояние героя: передаются его переживания, движение чувств [Там же, 273–275].

Л. М. Майданова и С. О. Калганова, применительно к таким газетным жанрам, как заметка, говорят и о нейтральной тональности произведения, не содержащего эмоционально-оценочных компонентов, эмоционально не окрашенного [9, 18]. Т. В. Матвеева также замечает, что в информативных жанрах создается тональность объективности. «Подчеркнутое внимание к фактической стороне дела создает психологическую картину деловитости, отстраненности от личных эмоций — и это тоже определенная тональность» [10, 92]. Использование нейтральных языковых элементов позволяет создать «тон убедительной достоверности, правдивости, далекой от патетики и эмоциональных деклараций, столь чуждых современному читателю» [Там же, 96].

Необходимо отметить, что выделение нейтральной тональности противоречит приведенным выше определениям тональности как «эмоционально-экспрессивного содержания», поскольку эмоция «нейтральной» быть не может.

Соответственно, тональный текстовый знак, по нашему мнению, может быть охарактеризован как элемент произведения, являющийся маркером определенной манеры, способа представления материала, формирующий его основную эмоциональную/безэмоциональную настроенность, т. е. участвующий в создании тональности произведения. Заметим, что настроение определяется в психологии как «более или менее устойчивое, продолжительное, без определенной интенции эмоциональное состояние человека, окрашивающее в течение некоторого времени все его переживания. <...> Настроение характеризуется эмоциональным тоном (положительным — веселое, жизнерадостное, повышенное или отрицательным — грустное, подавленное, пониженное)» [2, 326].

На основании изложенного мы считаем возможным выделить нейтральную и экспрессивную (окрашенную) тональности медиатекстов. А экспрессивная тональность, в свою очередь, может быть охарактеризована в виде следующих дихотомий и трихотомий: 1) положительная — нацеленная на создание положительных эмоций (радость, интерес, энтузиазм, мечтательность и пр.) / отрицательная — рождающая у адресата отрицательные эмоции (огорчение, страх, раздражение, враждебность и пр.); 2) стилистически повышенная / сниженная; 3) эпическая / драматическая / лирическая тональность. Список дихотомий может быть продолжен. Указанные тональности могут существовать в тексте «в чистом виде» или в различных сочетаниях. Кроме того, тональность произведения может быть охарактеризована по нескольким основаниям одновременно (например, повышенная отрицательная драматическая тональность характерна для ситуации «благородного негодования», лирическая минорная — для «светлой грусти», сниженная положительная свойственна текстам с комической окраской и т. д.).

Иконический компонент креолизованного медиатекста в тональном отношении также может быть нейтральным или экспрессивным. Визуальные ключевые знаки экспрессивной тональности участвуют в моделировании эмоциональных ситуаций, выделенных П. Фрессом и Ж. Пиаже (новизны, необычности, внезапности; заражения эмоциями; условного раздражителя и пр. [20, 133–145]). По классификации Р. Барта, это коннотативно осложненные изображения. Визуальные ключевые знаки нейтральной тональности не участвуют в создании эмоциональных ситуаций. По классификации Р. Барта, это денотативные изображения.

Кроме того, визуальные тональные знаки могут быть разделены на содержательные и формальные. Заметим, что, по наблюдениям Т. В. Матвеевой, журналисты реже используют средства «открытой тональности» (экспрессивные единицы всех языковых уровней, стилистические фигуры и пр.), а чаще «действуют через факт» (факты отбирают и выстраивают в той последовательности, которая обеспечивает тональное восприятие) или путем фиксации эмоций героев [10, 97]. Описанная ситуация характерна и для формирования визуального звена креолизованного медиатекста. К содержательным тональным иконическим знакам мы относим следующие элементы содержания визуального произведения: 1) целостные изображенные предметы (например, дети или животные, вызывающие умиление, и пр.) или их детали (улыбка,

жест, поза человека и пр.); 2) ситуации (например, яркие сцены из спектаклей, заражающие эмоциями, вызывающие интерес и пр.); 3) явления (природные или социальные: наводнение на Амуре; события в Киеве и пр.). К формальным тональным знакам мы относим следующие элементы формы визуального произведения: 1) композицию, которая определяется такими параметрами снимка, как перспектива, масштаб изображения (крупность плана), ракурс, кадрирование (формат), характер освещения, использование теней, колорит; 2) живописные эффекты (длинные и короткие выдержки, зуммирование, поворот объектива и др.). (Подробнее об элементах формы фотоизображения см.: [12, 16].) Содержательные визуальные тональные знаки мы относим к ключевым, формальные — к вспомогательным, неключевым тональным знакам.

Обратимся к публикации «Екатеринбургская опера: возвращение к Вагнеру» (Екатеринбургский театр оперы и балета. 2013. Окт.). Визуальный компонент креолизованного текста (фотография сцены из спектакля «Летучий голландец»), несмотря на свои солидные размеры (3/4 полосы), является неключевым в смысловом отношении, поскольку выполняет роль фона и иллюстрации. ГМ («Долгожданной премьерой — оперой “Летучий голландец” Рихарда Вагнера — открылся 102-й сезон Екатеринбургского театра оперы и балета») и тезисы заметки об уникальности постановки для нашего театра («Спектакль появился в репертуаре театра впервые за его теперь уже 100-летнюю историю», «“Летучий голландец” — первая опера Вагнера, зазвучавшая в нашем театре на немецком языке», «Постановку посвятили 200-летию со дня рождения великого немецкого композитора») выражены эксплицитно, вербально, вычлняются из подписи к указанной фотографии.

Несмотря на свою вспомогательную смысловую роль, визуальный элемент — важное средство создания тональности. Ключевым (содержательным) тональным знаком является представленная ситуация: фигура Голландца с Сентой на руках и ряд темных фигур, обращенных спиной к зрителю. Мы понимаем, что произошла трагедия (приведшая к катарсису), даже если не знакомы с либретто (заметим, что в этом случае адресат оказывается еще и в эмоциональной ситуации препятствия, поскольку у него рождаются вопросы о сюжете произведения). Вспомогательными, неключевыми тональными знаками являются элементы формы: крупный план, приглушенный свет, мрачные оранжево-багровые и темные тона.

Анализ публикаций газеты «Екатеринбургский театр оперы и балета» показал, что, во-первых, в издании представлены денотативные (чаще всего это безэмоциональные фото к интервью), а также осложненные коннотациями визуальные знаки (чаще всего представляющие героев, которые испытывают эмоции и заражают ими читателя). Большая часть фотографий эмоционально окрашена — является экспрессивными тональными ключевыми знаками. Примерное процентное соотношение указанных знаков: денотативных изображений — 20 %, коннотативно осложненных — 80 %. Во-вторых, практически все материалы издания являются креолизованными, при этом большая их часть представляет собой тексты со вспомогательной, неключевой (в плане

выражения смысла) ролью изображения. Вместе с тем имеются публикации с ведущей ролью изображения (изображение — смысловой ключевой визуальный знак): фотоотчеты, фоторепортажи, размещаемые в рубрике «Фотоальбом».

Описанная ситуация соответствует задаче издания — познакомить читателя с сотрудниками театра и с наиболее яркими моментами постановок, что в конечном счете должно способствовать увеличению числа посетителей спектаклей. И с этой задачей издание успешно справляется: 78 % респондентов отметили, что после знакомства с изданием им захотелось посетить театр оперы и балета, при этом некоторые признавались, что подобного желания у них раньше не возникало.

-
1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.
  2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб., 2006. 672 с.
  3. *Брандес М. П.* Стилистика текста : теоретический курс. М., 2004. 416 с.
  4. *Брыжжина Т. С.* Пародийная тональность: дискурсивный статус и функциональные типы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.
  5. *Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
  6. *Колодий В. В.* Визуальность как феномен и ее влияние на социальное познание и социальные практики : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2011. 27 с.
  7. Краткий философский словарь. М., 1998. 400 с.
  8. *Майданова Л. М.* Практикум по современному русскому литературному языку. Екатеринбург, 2007. 528 с.
  9. *Майданова Л. М., Калганова С. О.* Практическая стилистика жанров СМИ. Екатеринбург, 2006. 336 с.
  10. *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990. 172 с.
  11. *Мещеркина-Рождественская Е.* Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность : сб. науч. ст. Саратов, 2007. С. 28–43.
  12. *Мжельская Е. Л.* Фоторедактирование. М., 2013. 176 с.
  13. *Могилевская О. А.* Динамика идеологической тональности в российских и американских публицистических статьях : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 21 с.
  14. *Пирс Ч. С.* Логические основания теории знаков. СПб., 2000. 352 с.
  15. *Савчук В. В.* Философия фотографии. СПб., 2005. 256 с.
  16. *Сёмова Л. В.* Основы фотосъемки. М., 2013. 128 с.
  17. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1981–1984. Т. 2 : К.–О. 1983. 736 с.
  18. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1981–1984. Т. 4 : С.–Я. 1984. 794 с.
  19. Философский энциклопедический словарь. М., 1998. 576 с.
  20. Экспериментальная психология : пер. с фр. / ред.-сост. Поль Фресс и Жан Пиаже ; предисл. и общ. ред. А. Н. Леонтьева. М., 1975. Вып. 5. 282 с.

Статья поступила в редакцию 15.03.2014 г.

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТИТУИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ИНТЕРНЕТА

Статья посвящена вопросам манипулирования эмоциями и сознанием пользователя в интернет-среде. Своеобразие исследования заключается в том, что манипулятивная природа Интернета выводится из основополагающих признаков виртуального пространства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Интернет; дискурсивная система Интернета; манипуляция; когнитивность; вариативность; интерактивность; психологичность; социологичность.

Манипулятивный эффект в массовой коммуникации изучается настолько давно, что кажется каждый, кто сегодня знакомится с журналистскими текстами, заранее ждет манипуляции, подвоха, воздействия или внушения. Современный адресат давно и много слышит о воздействии слов, журналисты долго и громко рассказывали о своей особенной власти, а ученые усердно исследовали, обосновывали, классифицировали и называли приемы манипулирования сознанием и эмоциями. Пользователь Интернета пусть не настолько образован, чтобы применять научные термины, но он интуитивно разбирается в средствах создания образов, навязывания сведений, передачи оценок. Он даже интуитивно использует их в своих комментариях, постах, сообщениях на форумах в Интернете. Приемы воздействия/манипуляции воспринимаются как опасные, но выявление их, определение их места, роли, наличия, на наш взгляд, для современного адресата массмедиа становится нормальным, привычным делом, даже обязательным, например, если это касается публикаций на политическую тему или телепередач на острые социальные темы.

Широкое распространение суждения «нами манипулируют» приводит к тому, что журналистов часто обвиняют в пропаганде, т. е. оценивают пропаганду (а следом и всех журналистов) негативно. Пропаганда понимается как вмешательство в личное пространство, как внешнее давление, непозволительная корректировка внутреннего, личного, частного под всеобщее, требуемое и безличное. Протест аудитории против пропаганды очевиден и понятен. Однако сложность проявляется в том, что когда журналист пытается показать проблему изнутри, раскрыть определенную точку зрения достаточно глубоко, чтобы она была ясна и понятна каждому читателю, журналиста нарекают пропагандистом и критикуют его «однобокий» текст. В автора летят камни: «необъективно», «односторонне», «нарочито узко», «манипулятивно» и т. п. Как только журналист желает показать объективную картину и демонстрирует разные точки зрения, расширяет палитру оценок, раскрывает весь диапазон проблемы —

его тут же обвиняют в размытости положений, в отсутствии четкой линии мышления, потому что адресат привык следовать точной формулировке, а широта рассуждений пугает, она требует от читателя самостоятельности. Адресату необходимо самому выбирать точку зрения и иметь мужество следовать ей. Разумеется, проще обвинить журналиста в безответственности и нежелании помочь своему читателю определиться, упрекнуть в отсутствии ценностей и точности в суждениях.

Такой же двойкой оказывается возможность свободы выбора информации адресатом во Всемирной сети. С одной стороны, читатель волен сам решать, откуда ему получать сведения в Интернете (СМИ, блоги, соцсети, порталы, форумы и т. д.). И журналисты не могут препятствовать читателю. Наоборот, именно такая свобода, такое разнообразие источников, конкуренция должны подстегивать пишущих, заставлять их делать продукт более качественным и привлекательным. С другой стороны, оказавшись среди информационного шквала, адресат становится беспомощным. Информации чрезвычайно много, сведения об одном и том же факте часто даются по-разному, факты бывают искажены, следовательно, усиливается ощущение обмана, дезинформации и пропаганды. И в журналистов снова летят камни уже за то, что читатель чувствует себя брошенным среди беспокойного информационного моря. Но стоит изданию только начать подсказывать адресату что к чему, что ложь, а что правда — журналисты тут же из безответственных авторов превращаются в злобных пропагандистов, продажных писак и т. д. Как видно, при всех раскладах журналисты оказываются виновными и обязанными своим читателям.

Роль журналиста в современном мире незавидна, однако в Интернете, кроме текстов СМИ, предусмотрено достаточно средств, которые могут способствовать воздействию на аудиторию, и не одни только журналисты в результате окажутся замеченными в пропаганде и манипулировании аудиторией. Новизна нашего подхода заключается в том, что манипулятивные явления, существующие в Сети, мы связываем с конституирующими признаками самого Интернета [2, 3, 7, 8]. К таким определяющим признакам мы относим: когнитивность, интерактивность, вариативность, а также психологичность и социологичность. Названные черты Сети основываются не только на гуманитарном содержании виртуального пространства, но и на технических средствах, его организующих. Серьезными средствами, способствующими организации интернет-поля, становятся средства дискурсивной защиты. Итак, мы говорим о том, что признаки Сети определяют манипулятивную природу Интернета. Рассмотрим названные черты.

Во-первых, это когнитивность, жизнеподобие Сети, ее многотемность, разнообразие гуманитарного содержания. Интернет становится технически организованной копией жизни, понятной, близкой для аудитории. Имитирование реальности в Сети настолько гармонично, естественно, богато, что виртуальная реальность часто заменяет пользователям настоящую жизнь, это отмечает-ся во многих исследованиях психологов, социологов и лингвистов [2, 3, 6, 8]. Интернет предлагает информацию на любую тему, в невероятном объеме, ярко, красочно, со звуком и видеорядом. В то же время разнообразные стороны

жизни по-разному представлены в Интернете: что-то в том виде, в каком существует в реальности, а что-то трансформируется и приобретает новые грани. Сеть отражает все, что окружает человека в реальной действительности, следовательно, дискурсивное поле Интернета устроено сложно, как и дискурс самой жизни. Составной характер дискурса Сети подразумевает, что глобальный дискурс Интернета комплектуется из множества субдискурсов по принципу «частное — целое». При этом структура каждого субдискурса такова, что он, в свою очередь, тоже может делиться на частные составляющие, еще более мелкие субдискурсы. Таким образом, сложный дискурс Интернета, основанный на многотемности, на жизнеподобии, находится в постоянном движении, делении на многие компоненты. Образно данную структуру можно представить в виде трехмерного дерева, где мощное основание — ствол — это глобальный дискурс Интернета, а отростки, листья — это субдискурсы и их частные составляющие.

Дискурсивное дерево постоянно трансформируется и ширится. Интернет находится в непрерывном процессе изменения, это подвижная, растущая система. Все субдискурсы и частные дискурсы взаимодействуют, что приводит к мощному междискурсивному влиянию. Это свойство мы назвали термином «когнитивное взаимодействие» [2, 6]. Когнитивное взаимодействие подразумевает одновременное сосуществование принципиально разных субдискурсов на одном поле (например, на одной интернет-странице), их взаимодополнение, контраст и т. п. Сосуществуя, разные субдискурсы показывают свою взаимосвязь, образуют сложное поле сетевого пространства, подчеркивают его жизнеподобие. Составная дискурсивная система Интернета сложна, раскидиста, но упорядочена и сжата благодаря гипертекстовым элементам. Гиперссылки помогают глобальному дискурсу сохранять стройность, а пользователю обеспечивают относительно удобную навигацию в сложном пространстве Сети.

Манипулятивность сложной дискурсивной интернет-системы заключается в том, что взаимодействие субдискурсов в ней может быть запланированным, намеренным. В этом случае на одном смысловом поле аудитории представляется информация разных типов, не просто дополняющая одна другую, а целенаправленно подобранная, выделяющая некий текст, суждение, мысль, идею, предмет речи, предназначенные для пропаганды или рекламы. Такое явление (по сути манипулятивное) мы назвали приемом «когнитивного столкновения». Когнитивное столкновение — это выразительный прием, построенный на намеренном сочетании разных когнитивных зон, разных субдискурсов, для усиления воздействующего эффекта, для манипулирования процессами создания интерпретационного текста со стороны адресата информации [2, 6, 7].

Кроме того, структура сложного дискурса Сети такова, что пользователь постоянно находится в состоянии подразумевания, ожидания, предчувствования информации. Мы имеем в виду, что на видимой части дискурсивного поля, на открытой странице, в развернутом интернет-окне представлена только малая часть существующей в Сети информации. Большая часть сведений для пользователя скрыта на виртуальных страницах, находящихся «за кадром»,

подразумеваемых за гиперссылками. В этом тоже есть манипулятивный потенциал: это усиливает ощущение объема информации, ее бесконечности, что может ослабить силы адресата в случае информационного давления. Даже в ситуации ухода от новостей, от надоевших сведений, в период игнорирования сообщений пользователь чувствует их наличие. Адресат оказывается в информационной ловушке, поскольку знает, что на любой странице может быть информационный раздражитель, но как избежать встречи с ним — этого пользователь может не знать. Зато авторы новостей всегда в курсе, где, как и когда разместить новость, чтобы адресат практически не мог от нее увильнуть [4, 5]. Это позволяют сделать и сама составная система глобального дискурса, и техническая сторона виртуального пространства.

Во-вторых, манипулятивная природа Сети скрывается в принципиально новой коммуникативной модели, которая активна только на дискурсивном поле Интернета. Сеть — это такое техническое подобие жизни, которое серьезно корректирует представления человека об опосредованной коммуникации. Один из внутрисистемных признаков виртуального пространства — интерактивность — показывает инициативность пользователя, вскрывает новую роль адресата в процессе коммуникации [7, 8, 10]. Активность коммуникаторов, особенно динамичность адресата, становится главной чертой коммуникативной модели «автор — Интернет — адресат». Пользователь приобретает возможность стать автором, а автор периодически получает роль адресата, когда знакомится с откликами на свои сообщения. Автор и адресат — это два состояния одного и того же пользователя в Сети во многих текстовых образованиях (СМИ, соцсети, форумы и т. д.). Интерактивность также обеспечивает развитие Сети, ее изменчивость и предъявляет пользователю требование приспосабливаться к ней, к ее техническим особенностям, занимать то место, которое отведено каждому в Сети (как и в жизни). Например, каждый в Сети проходит обязательную регистрацию, получает логин и пароль, оставляет о себе определенные сведения, занимает в итоге некое пространство в Сети, которое выглядит особым образом и диктует пользователю свои правила.

Манипулятивность интерактивности видится в том, что пользователю даются новые возможности, позволяющие не просто быстро получать информацию и реагировать на нее, но и самому ее создавать. Каждый пользователь имеет возможность стать автором наполнения Интернета, его гуманитарного содержания. И при этом можно видеть результаты своей работы, получать оценки других пользователей, оценивать их действия и т. д. Интернет-пространство, таким образом, — это кипящий котел коммуникации, в котором автор и адресат — это двуликий Янус. Манипулятивность отражается еще и в том, что ответственность за пропаганду, манипулирование, воздействие, раздражение аудитории несет не только автор СМИ, но и комментирующий публикацию читатель. В этом случае пропагандисты, субъекты воздействия получают возможность провоцировать аудиторию, вызывая на конфликт, на детальное обсуждение проблемы, на такое обсуждение, в результате которого части пользователей будет навязана, внушена определенная информация. Это манипулятивная возможность, например, для журналистов или для провока-

торов. Полемика, конфликтное взаимодействие, повышенная эмоциональность, оскорбления — все это часто проявляется именно в обсуждении материала, в репликах конкретных читателей, а не в спокойном материале журналиста. Провоцируя обсуждение в комментариях к материалу, автор может не только раскрыть часть «неудобной», некрасивой, чересчур откровенной, запрещенной и т. п. информации, но и переложить ответственность за сказанное на пользователей Сети.

Манипулятивным эффектом становится и тот факт, что недовольство читателей, возникшее при участии в процессе комментирования, переносится на работу журналистов по принципу обобщения: «Раз я недоволен после комментирования прочитанного, значит, журналисты влияют на мое сознание». В этом случае манипулятивный потенциал коммуникативного процесса бьет по представителям СМИ.

В-третьих, манипулятивная природа Интернета существует на базе широкой вариативности предлагаемых сведений. Теория варианта и инварианта в Сети очень актуальна. Она отражает различные способы подачи информации [7, 10]. Существование множества способов выражения информации в Сети определяет широкую вариативность предлагаемых сведений. Вариативность приводит к тому, что каждый пользователь ищет и находит сведения, понятные и интересные именно ему. Один и тот же факт предлагается в Сети в виде научного сообщения, и студенческого исследования, и бытовой беседы, и журналистского материала, и видеосъемки, и поста в соцсети, и сообщения в блоге и т. д. Разнообразие подачи одного факта — залог того, что максимальное количество пользователей познакомится с ним, сформирует отношение к нему, узнает авторскую позицию, сможет поучаствовать в дискуссии и т. д. Кроме того, вариативность обеспечивает доступность изложения. Каждый пользователь выберет то, что ему понятно и близко, следовательно, каждый получит не только сведения, но и удовольствие от самого факта доступности и ясности информации. Результатом становится состояние спокойствия адресата от факта понимания сути вещей.

С другой стороны, вариативность приводит к тому, что объем сведений непрерывно растет. Интернет превращается в огромную библиотеку, в которой невероятное количество источников дублирует одни и те же сведения, буквально или с разными оттенками, дополняя иллюстрациями или искажая факты. И несмотря на то, что «библиотечная система» отрегулирована, пользователю приходится вырабатывать иммунитет к объемам сведений и учиться различать правду и ложь в шквале получаемой информации. Более того, информационные объемы, возникающие в результате неограниченного представления вариантов новости, раздражают адресата, пугают его и отталкивают. Избыточность сведений становится навязчивой, вызывает равнодушие и к определенной проблематике, и к процессу отслеживания новостей вообще. На возникающей волне безразличия пользователь оказывается невнимателен, пассивен, следовательно, становится привлекательной жертвой для манипулятора.

В-четвертых, манипулятивными в Интернете, на наш взгляд, являются средства дискурсивной защиты [1, 9, 10]. Теория дискурсивных защит — это

теория, вскрывающая набор элементов, приводящих к качественной, продуктивной, менее конфликтной работе пользователя в Сети. Это теория, объясняющая, как может быть защищен интернет-пользователь от недопонимания, коммуникативных неудач, от неверной интерпретации предлагаемых сообщений, потерянности среди гигантского количества информации, заложенной в Сети. Средства дискурсивной защиты — это конкретные приемы, задействованные в Сети, которые помогают человеку ориентироваться в пространстве Интернета, облегчают работу со сложной дискурсивной системой виртуального мира. Авторы сообщений в Интернете успешно применяют средства дискурсивной защиты, чтобы установить доверительные отношения с читателем, усилить воздействующий эффект на его разум и эмоции. Средства дискурсивной защиты подчеркивают некоторые названные нами выше манипулятивные эффекты, помогают им реализоваться.

К средствам дискурсивной защиты мы относим композиционно-речевые (сегментация/интеграция, компрессия, ссыльно-отсылочные элементы, повторы, семиотическое варьирование, внутренняя политекстуальность, текстовые элементы и параграфемные средства) и собственно технические элементы, существующие в компьютере, а не на сетевом пространстве (курсор мыши, элементы рабочего стола и т. п.).

Сегментация и интеграция информации касается разделения сведений на самостоятельные блоки и объединения получившихся блоков в единое составное произведение. Сегментирование и интегрирование информации помогает читателю увидеть структуру издания, разобраться с богатым содержанием СМИ, сориентироваться в том, отвечает ли оно его интересам. Сегментация и интеграция информации позволяет воспринять максимально широкое поле сведений, предложенных авторами, на одной плоскости, рассмотреть все аспекты информации, а затем, выбрав наиболее привлекательные, открыть отдельное окно, страницу в Интернете, чтобы узнать подробности, детали интересующих новостей. С одной стороны, это средство удобной навигации, с другой стороны, это гарантия наличия на одном плоскостном модуле большого количества сведений (часто ненужных адресату), например, почтовый ящик пользователя не только позволяет получать и отправлять письма, но и заставляет обратить внимание на новостные и рекламные блоки, которые часто носят навязчивый характер, однако на подсознательном уровне запоминаются адресатом.

Компрессия позволяет сжать информацию до уровня отсылочного элемента, способного скрыть огромную часть сведений за активным сигналом — гиперссылкой. Компрессия помогает сжать объемы информации и разместить их на видимой, обозримой площади (на открытом модуле, одной интернет-странице). Компрессия защищает пользователя Интернета от хаоса среди потоков сведений, создает приятные условия для нахождения информации, способствует структуризации самой системы Интернета, что тоже оказывает определенное воздействие на эмоции и сознание адресата. Информация, предлагаемая без раздражающих моментов, воспринимается аудиторией более доброжелательно, при удобной навигации пользователь склонен меньше раздражаться, встречая постороннюю информацию.

Ссылочно-отсылочные элементы — это компрессированные части составного текста, раскрывающие подробную информацию одного из сегментированных компонентов на отдельной самостоятельной плоскости. Они позволяют сделать просторы обозримыми, активизируют деятельность адресата, который вынужден додумывать информацию, скрытую на виртуальных плоскостных модулях. Так подключаются воображение адресата, его аналитические способности: у читателя появляется возможность сравнения текстовых сообщений, их одновременного просмотра. Кроме того, ссылочно-отсылочные элементы приводят к формированию гиперссылочного чтения, сопоставимого с заголовочным. Читатель часто получает знание о реальности только по заголовкам, анонсам, лидам — гиперссылочным частям сетевого СМИ. В итоге составной текст издания тоже превращается в ссылочный текст, обрывочный, заголовочный. В этом скрывается манипулятивный эффект, поскольку так у адресата остается ощущение знания информации, но совершенно отсутствует понимание ее сути, ориентация в деталях. Такое пассивное, гиперссылочное чтение приводит к тому, что знания адресата о событиях становятся множественными и поверхностными, а это делает читателей более податливыми, менее вдумчивыми. Следовательно, возникает некая масса одинаково плохо мыслящих людей, удобных для манипулирования.

Повторы обеспечивают доступность информации и максимальную ее распространенность на дискурсивном поле Интернета. Повторы сведений связаны с вариативностью, а также с возможностью адресата делиться информацией (например, делиться ссылками на интересные страницы в соц-сетях, блогах, дублировать понравившуюся информацию в электронных письмах и т. д.).

Семиотическое варьирование показывает, что в Интернете одновременно взаимодействуют знаки разных семиотических групп: математические значки, знаки пунктуации, тексты, видеоряд, аудиофайлы, любые изображения, анимация, мемы и т. д. Креолизация виртуального сообщения очень велика, что делает сообщения действенными. Элементы разных знаковых систем позволяют не только передать факты, но и сформировать к ним отношение, подчеркнуть особые ракурсы, важные для восприятия авторской мысли. Знаки разной семиотической природы способствуют выражению эмоций автора, подчеркивают его отношение к описываемому, часто передают иронию и сарказм, уточняют статус материала (развлекательный, информационный, пропагандистский и т. п.). Семиотическое варьирование помогает автору добиться желаемого эффекта, произвести на читателя большее впечатление, а читателю варьирование знаков позволяет разобраться с природой материала, избежать коммуникативной неудачи в понимании публикации автора.

Внутренняя политекстуальность — это средство, вскрывающее прием когнитивного столкновения. Внутренняя политекстуальность демонстрирует сочетание разных когнитивных сфер, разных субдискурсов в пространстве Сети. Например, на новостном портале одновременно взаимодействуют субдискурсы: «новости», «культура», «спорт», «экономика», «прогноз погоды», «коммерция», а также тематические форумы, конкурсы, опросы и т. д. Все это

представлено на одной плоскости, но раскрывается в многомерном, нелинейном пространстве Интернета с помощью гиперссылок.

Текстовые компоненты — это оформление сегментированных частей составного текста (рубрики, подрубрики, анонсы, заголовки, лиды, врезки), это словесное представление изображения (наименования смайлов, мемов, сокращений, описательный перевод заимствованных слов и т. д.), жаргонизмы или элементы из «языка падонкафф». Словесное выражение, описательные обороты повышают изобразительность сообщений, делают материалы более понятными адресату, избавляя его от пестроты нетекстовых символов.

Параграфемные средства дискурсивной защиты касаются нюансов композиционно-пространственного оформления сообщений в Интернете. Рамки разделительного или выделительного характера, зачеркивания, изображения и фотографии, звездочки, математические знаки и знаки препинания, иконки разных программ или сайтов, шрифты, цветовое выделение, смена регистра — все это помогает пользователю ориентироваться в статусе информации. Например, увидеть разницу между подчеркнутой смысловой частью текста и гиперссылкой. Параграфемика обеспечивает графическую выразительность интернет-сообщений, указывает читателю на содержательные аспекты информации. Допустим, заголовок красного цвета активизирует внимание, создает ощущение главенствующей новости.

Средства дискурсивной защиты направлены на защиту адресата от помех, конфликтов, неудач при работе в Сети, но они же ориентированы и на то, чтобы у манипулятора в руках оказались современные инструменты воздействия на адресата.

Кроме прочего, Интернет изначально психологичен и социологичен. Психологичность и социологичность — два признака дискурса Интернета, вскрывающие его связь с внешними обстоятельствами, они демонстрируют, что Сеть влияет на реальность, изменяет общество, трансформирует личность пользователя. И психологичность, и социологичность Интернета подробно изучаются представителями соответствующих наук. Социологичность показывает особенности влияния Интернета на социум: формирование сообществ в интернет-пространстве и их деятельность; способность пользователей планировать действия, общаться, распространять влияние и воздействовать друг на друга. Также указывается распространенность Интернета в определенных социальных кругах, влияние Интернета на развитие человечества в целом, на взаимоотношения людей внутри отдельных групп и т. д.

Психологичность предусматривает обращение к изучению изменения психологии пользователей Сети. Подробно изучаются процессы самопрезентации, зависимости, потери ориентации в результате смещения границ виртуального и реального, эмоционального отношения к контенту, изменения и формирования типов сознания пользователей. Рассматривается проблема хронических изменений, происходящих в структуре личности активного пользователя Сети, подчеркивается манипулятивный характер Интернета, влияния Сети на подрастающее поколение и выработка особых процессов восприятия мира, особого отношения к жизни, образования новых и трансформации

вечных морально-нравственных принципов в Сети. Все это говорит о том, что многие стороны Всемирной паутины оказываются манипулятивными по природе, и это связано не только с деятельностью представителей сетевых СМИ.

Манипулятивная сила интернет-пространства связана с его конституирующими признаками. Сама природа Интернета, его организация изначально манипулятивна. И в целях воздействия на аудиторию авторами сообщений эксплуатируются именно основополагающие черты Сети. При этом пользователь по-разному чувствует себя в интернет-мире. Следует отметить, что привычный мир, отраженный в Сети, не вызывает больших напряжения или эмоций, чем сама жизнь. Возникает отмеченная исследователями усталость: физическая или моральная (от количества информации). В случае же информационного давления, информационной атаки, усиленного внимания к определенной теме пользователь Сети оказывается в непривычной для себя обстановке и переживает целую палитру чувств и реакций. Следует отметить, что при информационной атаке в центре внимания оказывается определенная тема, которая детально, много, часто муссируется в Интернете. Пользователь получает сведения из СМИ, от друзей, знакомых, чужих людей, из блогов, соцсетей, даже форумы по интересам могут дать толчок рассуждениям по актуальному поводу. Человек оказывается в новостной западне, из которой вырваться крайне трудно (можно остаться в неведении, прослыть равнодушным, оказаться за бортом происходящего, глупее остальных и т. п.). Таким образом, при информационной атаке, при манипулятивном давлении человек меняет свое отношение к новостям. Он начинает выискивать, более внимательно изучать новости, обращаться к ним чаще обычного, искать дополнительные сведения, сравнивать суждения из разных источников и т. д. Начинается борьба за понимание сути происходящего. Начинается активный поиск информации.

Далее человек меняет представление о других пользователях Сети. Адресат внимательно изучает отзывы своих знакомых, друзей и чужих лиц относительно актуальной темы и часто выясняет, что многие из них думают совсем не так, как он сам. Этот конфликт интересов высвечивает людей с новой стороны. Человек наблюдает, кто и как умеет высказываться, принимать участие в диалоге, дискуссии, кто и как аргументирует свой ответ, кто какие точки зрения разделяет и т. д. Если в качестве примера взять всколыхнувший мир украинский кризис, то в социальных сетях хорошо было видно, как пользователи демонстрировали изменение отношения друг к другу. Информационная атака заставляет людей говорить о том, чему при обычном ходе жизни внимания уделяется мало (без особой нужды мы не обсуждаем ежедневно и в деталях вопросы национализма, единства и братства народов, военной мощи стран и т. д.). Острый конфликт и массированное его обсуждение приводит к тому, что мир довольно быстро делится на группы по-разному думающих людей, причем разделение мира на группы происходит без учета родственных или дружеских связей. Люди распределяются в группы «за» или «против», а также в группу равнодушно относящихся и к самой проблеме, и к уже сформировавшимся командам. Причем если представители противоположных взглядов непримиримы по отношению друг к другу, то к кучке равнодушных обе

противопоставленные группы относятся с одинаковым презрением и примерно одинаковой долей агрессии. Три группы вступают в активное словесное противостояние, если оценивать их деятельность по материалам в Интернете. В результате активного обсуждения темы и разделения собеседников пользователь Сети меняет свое поведение. Это отражается в сути его собственных выступлений. Пользователь выбирает для себя какую-либо позицию: активно-гуманистическую (выкладывает свои соображения с целью привести всех к разумному диалогу, избежать конфликта и мирно решить возникшие вопросы); активно-агрессивную (многочисленные и часто грубые формы отстаивания определенной точки зрения); пассивно-наблюдательскую (большая степень равнодушия, свои сообщения выкладываются редко, полноты сведений нет); активную позицию молчания (такие пользователи всегда в курсе дела, они внимательно следят за событиями, но предпочитают не высказывать свое суждение, хотя могут делиться чужими сообщениями, демонстрируя перепостами свои предпочтения).

Итак, в ситуации информационной атаки пользователь Сети меняет отношение к новостям, меняет отношение к другим пользователям, меняет поведение. В качестве яркого примера информационной атаки мы использовали тему украинского кризиса 2014 г.: массированное обсуждение революции на майдане сделало идеологически окрашенными слова «Украина», «майдан», «Крым». Внимание к актуальной теме оказалось настолько сильным, что буквально за две недели пользователи Сети успели пережить страх, панику, беспокойство от непонимания ситуации и разделения мира на идеологические лагеря, усталость и равнодушие к проблеме. Через две недели люди стали реагировать на украинский кризис с меньшей активностью, например, в Фэйсбуке появились сведения о том, как заблокировать новости, содержащие слова «Крым», «Украина», «майдан», «революция», и начать снова «постить кошечек». При возникновении равнодушия, пассивности и усталости от информации пользователь Сети становится весьма уязвимым для обмана, манипулирования, пропаганды. Информационная атака строится благодаря всем названным выше манипулятивным средствам (которые являются определяющими признаками самого Интернета): когнитивности (жизнеподобию), интерактивности (активизации роли адресата), вариативности изложения информации, средствам дискурсивной защиты, а также психологичности и социологичности.

---

1. Горина Е. В. Воздействующий потенциал теории дискурсивных защит в интернет-СМИ // Вестн. Гуманит. ун-та (Екатеринбург). 2013. № 2 (2). С. 155–161.

2. Горина Е. В., Лазарева Э. А. Когнитивность как внутренний признак дискурса Интернета // Новое в когнитивной лингвистике XXI века : сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. Киев, 2013. С. 157–163. (Сер. Концептуальные исследования ; вып. 20).

3. Горина Е. В., Лазарева Э. А. Структурно-содержательные признаки дискурса Интернета (на примере субдискурса о событии «Падение метеорита») // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. : Филология. Искусствоведение. 2013. № 21 (312). С. 315–319.

4. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М., 2012. 328 с.

5. Интернет-СМИ: теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной. М., 2011.

6. Лазарева Э. А., Горина Е. В. Когнитивное взаимодействие и когнитивное столкновение в Интернете // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 48–56.

7. Лазарева Э. А., Горина Е. В. Определяющие внутрисистемные признаки Интернета // СМИ в условиях информационной глобализации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 25–26 апр. 2012 г.) / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2013. С. 88–90.

8. Лазарева Э. А., Горина Е. В. Структурная модель и свойства дискурсивной системы Интернета // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 41–47.

9. Лазарева Э. А., Горина Е. В. Теория зачит А. А. Реформатского в современных средствах массовой коммуникации // Там же. 2010. № 4 (81). С. 135–143.

10. Скворцов О. Г., Лазарева Э. А., Горина Е. В. Дискурс Интернета : моногр. Екатеринбург, 2009. 177 с.

Статья поступила в редакцию 14.03.2014 г.

УДК 070:366.636 + 316.773.3 + 004.5 + 004.428.4

А. Е. Джазоян

БЛОГИ И ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ КОНТЕНТ КАК НОВЫЙ ФОРМАТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНТЕГРАТИВНОЙ ФУНКЦИИ СМИ

Развитие технологий интерактивности в сетевой среде, вовлечение потребителей СМИ в создание, обсуждение и распространение контента массовой информации оказали трансформирующее влияние на индустрию. Предлагаемая работа рассматривает вопросы трансформации интегративной функции СМИ под влиянием технологий «пользовательского контента» (UGC — user generated content) и развития альтернативных способов массовой коммуникации.

Ключевые слова: СМИ; интерактивность; web 2.0 журналистика; пользовательский контент.

Одним из свойств массовой информации на протяжении многих лет считалась централизованность новостного потока, за которым следовало его массовое распространение, не предполагавшее диалог с получателем, его возможность ответа и обратного воздействия на отправителя [6]. Способность СМИ к единой системе воздействия регулярно использовалась и продолжает использоваться в интересах государственной пропаганды и/или в так называемых «черных» пиар-технологиях частных компаний. «Гражданская журналистика» XXI в. стала разрушать идею одностороннего воздействия и привела к децентрализации информационного потока.

ДЖАЗОЯН Ашот Егишеевич — президент медиаконгресса «Содружество журналистов», г. Москва (e-mail: info@mediacongress.ru).

© Джазоян А. Е., 2014

Впервые понимание, что простые интернет-пользователи способны информировать быстрее, чем профессионалы, пришло при трагических событиях в США 11 сентября 2001 г. Несмотря на то, что классические медиа обеспечили круглосуточное освещение террористических актов, людям все равно не хватало информации, либо шедшей от привычных медиумов, либо размещенной на официальных сайтах. Кроме того, ни одно СМИ не могло вместить в свои сообщения все, что происходило в этот момент, и таким образом, не отвечало на разнообразные запросы граждан, желающих знать больше, чем любая редакция могла себе представить. В результате популярные блогеры, так же взволнованные происходящим, как и любые рядовые граждане, стали собирать всю информацию, которую они могли найти в Сети, включая, в первую очередь, рассказы очевидцев [4]. После событий 11 сентября 2001 г. в течение довольно небольшого времени рассказы о личном опыте, об увиденном, о чувствах и переживаниях людей буквально заполнили весь Интернет. Эти рассказы начали привлекать внимание не только простых интернет-пользователей, но и профессиональных журналистов. Довольно быстро стало понятно, что использование постов и блогов — упрощенный и короткий путь к материалам, которые действительно могут заинтересовать массовую аудиторию.

Точно так же и в российском Интернете, в котором только начинали развиваться сообщества блогеров, но при этом уже существовали онлайн-издания, рассказы очевидцев о значимых событиях, записанные в форме дневника, стали играть определенную роль и в развитии общества. Первым таким трагическим событием в истории российского Интернета стал захват заложников в театре на Дубровке: «Когда террористы захватили “Норд-Ост”, многие пользователи Интернета регулярно наблюдали не только за сообщениями СМИ, но и за блогами москвичей, среди которых быстро нашлись такие, кто проживал поблизости или получал оперативную информацию “оттуда» [14]. К сожалению, сегодня лишь по косвенным признакам можно определить, как это было, поскольку большинство данных в силу разных причин не сохранилось. Тем не менее именно в пространстве «Живого журнала» (LiveJournal) неоднократно писалось в те дни: «Зачем мне СМИ? У меня есть лента фифа» (даже большая часть таких записей сохранилась лишь в кэше Яндекса, так как многие блогеры «Живого журнала» в 2002 г. сейчас им уже не пользуются).

«Лента фифа» — это был способ объединить всех русскоязычных пользователей «Живого журнала» — платформы создания интернет-дневников с возможностью комментариев, разработанной Б. Фитцпатриком в 1999 г. Русскоязычные пользователи стали писать в «Живой журнал» (далее — ЖЖ) лишь в 2001 г. Постепенное распространение «инвайтов» (вначале, чтобы стать пользователем, нужно было получить «приглашение» от уже зарегистрированных блогеров) привело к популяризации ЖЖ как ресурса в 2002 г. «Становится ясно, что ЖЖ перетягивает на себя едва ли не всех наиболее активных сетевых авторов; подписные листы и форумы остальных сайтов постепенно вымирают — существуя на отдельных площадках, они уже не могут конкурировать с универсальным и глобалистским ЖЖ. Благодаря своей уникальной воз-

возможности объединять разные ресурсы (дневники) на одной странице (ныне развившейся в технологию RSS) LiveJournal увел к себе всех, кто хотел коммуницировать. Остальные площадки теперь уже посещались в основном ради новостей (новостные сайты), образования (библиотеки, галереи, архивы), покупок (онлайн-магазины) или по рабочим нуждам, но общаться публика шла в ЖЖ. «Где все» [10]. Именно тогда «жж-юзер» Антон Монахов создает пользователя «fif», в друзья которого записываются все русскоязычные пользователи. «Лента фифа», т. е. записи всех друзей-юзеров, и становится новым источником информации. Во время событий на Дубровке возникает даже специальное сообщество на базе данной ленты, в котором, собственно, и транслировались эти частные свидетельства (к сожалению, очень многие данные были уничтожены, так как когда жж-юзеры покидали сообщества, их «дневники» либо уничтожались ими самими, либо их имена «перепродавались» новым пользователям, что означало удаление архива). Сегодня, когда существуют Твиттер и хэштеги, в этом явлении уже нет ничего удивительного, но русскоязычный ЖЖ именно тогда стал социальной сетью, в которой работали те принципы распространения информации, которые в 1994 г. обличал Дуглас Рашкофф, называя их «медиавирусами» [13].

Облегченный доступ к «свидетельствам очевидцев» и желание пользователей создавать контент вокруг информационных сообщений довольно быстро стали популярной идеей поддержания интереса к онлайн-версиям традиционных СМИ. User generated content (UGC — контент, создаваемый потребителям) рассматривался вначале как ключ к сохранению и расширению аудитории. Для серьезного обсуждения идеи UGC необходимо было нечто большее, чем просто возможность публиковать записи в рамках одной платформы или открытия персональных страниц. Вначале из идей блогов, новых технологий в Интернете (появление java, которая позволяла показывать новые данные без необходимости обновлять страницу) и стремительного развития мобильных телефонов (появление камер и возможности подключения к Интернету, новых процессоров и программ внутри телефона, т. е. смартфона) выросла концепция web 2.0¹. Она предполагала отказ от идеи статичной и доступной любому пользователю в любой точке мира информации в пользу концепции ресурсов, позволяющих создавать нечто общее и ценное в результате коллективных усилий. Наиболее ярким примером первых и, возможно, на сегодняшний день самых значимых в гуманитарном плане событий стало появление «Википедии» в 2001 г. Web 2.0, особенно в отношении «свободной энциклопедии», восходит к идеям Стюарта Бранда, редактора-основателя журнала WIRED и одного из ключевых теоретиков новой информационной эпохи. Желание людей принимать участие в создании информационной повестки в чем-то упрощало работу профессиональных представителей СМИ, так как позволяло

---

¹ Хотя впервые термин web 2.0 появляется в работе ДиНуччи в 1999 г. (*DiNucci D. (Fragmented Future // Print. 1999. Is. 53. С. 222–223)*), популярным его сделала статья Тима О'Рейли, опубликованная в 2007 г.: *O'Reilly T. What is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software // Communications & Strategies. 2007. № 1. P. 17.*

получать «свидетельства» и обнаруживать значимые истории, в какой-то степени не выходя из офиса.

Постепенно крупные СМИ, ориентированные именно на мгновенное информирование, стали обзаводиться собственными каналами сюжетов от «гражданских журналистов». Так, например, CNN запустил программу «Ай-репорт» [16] в 2006 г., РИА-Новости — «Ты — репортер» [20] в 2010 г. Стоит отметить, что эти ресурсы предполагают не бескорыстный обмен информацией — авторы «эксклюзива» или просто популярного видео получают финансовое вознаграждение или некие баллы (как в проекте «Ты — репортер»), которые можно обменивать на призы.

Онлайн-платформы, которые зарабатывают на использовании блогов интернет-пользователей как основы своего контента, часто обвиняют в «паразитировании» на деятельности СМИ и сравнивают их с пиратами. «Паразитами» подобные ресурсы назвал Роберт Левин, автор книги «Проехать зайцем: как цифровые паразиты захватили медиабизнес и как нам отвоевать его назад» [23]. Он утверждает, что использование роботизированных способов агрегации контента и бесплатного труда блогеров вокруг новостей, «созданных» профессионалами, разрушает индустрию средств массовой информации.

Одним из объектов критики Левина стал успешный проект Арианны Хаффингтон «Хаффингтон Пост» [19], который сегодня уже вышел за пределы США и открыл 9 редакций сайта для разных стран мира на разных языках, включая среди прочего японскую версию и арабскую. «Хаффингтон Пост» изначально (2005) был задуман как платформа для персонального блога. Однако, почувствовав желание людей делиться друг с другом своими мыслями и переживаниями, А. Хаффингтон привлекла, воспользовавшись своими личными связями, знаменитых авторов, что позволило превратить блог в заметный медиабизнес. К 2007 г. у сайта было больше трех с половиной миллионов посетителей в месяц, они ежемесячно оставляли на страницах сайта 250 тыс. комментариев. По оценкам на 2008 г. стоимость «Хаффингтон Пост» как бизнеса составляла 100 млн долл. США [26]. В 2011 г. «Хаффингтон Пост» был куплен холдингом «Америка онлайн» (AOL) за 315 млн [21].

На самом деле, использование метода агрегации новостей на сайте блогеров (которое так возмущает сторонников идеи регулирования распространения новостей авторским правом) было продиктовано тем, что для обсуждений, которые являются смыслом и целью подобных проектов (*коммуникация между пользователями, а не распространение информации из разных источников*), необходимы поводы: редакция сайта нужна, в частности, для «оживления» аудитории, поэтому использовались механизмы сбора информации из СМИ. Об этом, в частности, пишет известный журналист и профессор факультета журналистики Университета Нью-Йорка Д. Джарвис, объясняя необоснованность претензий «Нью-Йорк Таймс» и журнала «Таймс» к «Хаффингтон Пост»: «Хаффингтон Пост создал стоимость — мы знаем, сколько точно, это девятизначная сумма, — привлекая людей, пишущих бесплатно (потому что им хотелось, и потому что они видели в этом ценность). Хаффингтон обесценивает дорогостоящую работу, которую делаем мы, журналисты, разве нет? Нет —

как ее бесплатные авторы, она ценит что-то еще. Она ценит отношения, которые у нее складываются с людьми, ранее известными как аудитория» [22].

В статье «Кто боится Арианны Хаффигтон?» Джарвис объясняет, чем отличаются такие проекты от СМИ и почему они не должны рассматриваться как угроза бизнесу СМИ и даже как противопоставление: они управляются как сообщества людей, которые хотят общего обсуждения, т. е. того, что традиционные СМИ по своей природе никогда не могли предоставить.

И тут стоит добавить одно наблюдение и в отношении вышеупомянутой «ленты фифа»: большая часть сообщений в этой «ленте», которая вроде как освобождала пользователей от необходимости смотреть, например, телевизор, в основном была ретрансляцией сообщений из средств массовой информации, а свидетельства очевидцев занимали не так много места (например, сохранившиеся на данный момент дневники пользователей под никами (псевдонимами) Pallada [2], Lair [1], Warsh [5]).

«В минувший понедельник известный американский социологический центр Pew Internet & American Life Project обнародовал данные своего последнего исследования блогowego пространства — он изучал, насколько сильно американские блогеры внедрились в информационное поле США и действительно ли они составляют серьезную конкуренцию “традиционным” СМИ. Специалисты центра анализировали информационную среду, сформировавшуюся в ходе прошедших в прошлом году выборов президента США, и пришли к выводу, что “гражданские журналисты” поделили пространство с “обычными”, но никак не вытеснили их. Выяснилось, что, как правило, СМИ выступают первоисточниками тех или иных сведений, а блогеры обеспечивают им масштабную “информационную поддержку”, — писал в 2005 г. обозреватель одного из первых российских онлайн-СМИ «Лента.ру» Сергей Рублев [14].

В основном так же обстоит дело и сегодня. Большая часть значимой информации, распространяемой в социальных сетях, все равно создается профессиональными СМИ. Некоторые «срочные» новости, естественно, так или иначе поступают от частных пользователей, не задействованных в профессиональной работе СМИ, но, с другой стороны, как справедливо отмечают авторы книги «Новости в Интернете», в этом нет ничего особенного: «Люди создают новости. Так было всегда. До появления формализованных медиаорганизаций руку человека в распространении новостей было хорошо видно. Новости и любая другая информация распространялась от человека к человеку не всегда аккуратно, но довольно проворно» [25]. Как бы очевидно это ни звучало, но тем не менее «видимость руки» в прошлом, на которую указывают Д. Тьюксбери и Д. Риттенберг, лишь свидетельствует о том, что у традиционных СМИ исчезла монополия на распространение информации, но вовсе не на ее создание в значимом для общества объеме. Единичные по сравнению с профессиональными резонансные сообщения, безусловно, играют некую роль, но при этом «создание новостей» все равно остается прерогативой информационных агентств и традиционных СМИ.

В этом плане показательны некоторые российские проекты, которые изначально задумывались по такой же модели: создать определенное пространство

в Интернете для людей, где они могут обсуждать темы, их объединяющие, в рамках качественной профессиональной дискуссии. Одним из таких проектов стал «Слон» (2009). Изначально он замышлялся как профессиональный аналитический ресурс, посвященный преимущественно экономике и бизнесу: «Мы точно не делаем ни очередную ленту новостей вроде Infox или bfm, ни клон какого-либо иностранного сайта, ни интернет-подобие печатного издания», — заявлял в момент его создания главный редактор «Слона» Леонид Бершидский. «Главные темы ресурса — экономика и бизнес. Мы делаем этот проект, потому что видим, что почти всем интернет-СМИ пока не хватает профессионализма, присутствующего лучшим деловым изданиям, выходящим на бумаге, — пишет Л. Бершидский. — А этим самым бумажным изданиям не хватает гибкости, чтобы по-настоящему приспособиться к изменившимся условиям. То есть к ситуации, в которой новости — расхожий товар, одинаковый у многих, а понятие “аналитика” дискредитировано. К ситуации, в которой люди читают и воспринимают текст иначе, чем раньше. К ситуации, в которой социологи, измеряя аудиторию бумажной газеты, на самом деле “ловят”, в основном, читателей ее сетевой версии, “принимающих” новости с экрана айфона и служебного компьютера» [3]. Вначале создатели проекта называли его «фабрикой мнений», по сути, платформой блогов экспертов, которые могут не только выразить свое мнение по тому или иному поводу, но и, вызвав дискуссию, поддержать ее: «Slon.ru, по определению авторов проекта, — это фабрика мнений об экономике, бизнесе, политике и жизни среднего класса. Мнения “изготавливают” ньюсмейкеры, блогеры и штатные журналисты проекта. Кроме “Прямой речи”, журналистских колонок и такого традиционного способа высказывать мнения, как интервью, на Slon.ru есть блоги. Их ведут как известные предприниматели и эксперты, так и люди, которые, по мнению редакции Слона, станут “звездными” блогерами» [Там же]. На протяжении некоторого времени владельцы «Слона» инвестировали средства в создание «высококачественной аудитории», которая не только пишет заметки и колонки, но и активно участвует в обсуждении. То, что создатели ресурса ориентировались именно на «Хэффингтон Пост», подтвердил Бершидский, в частности, когда сообщал о своем уходе: «Некоторые вещи получились хорошо: на пике формы “Слон” — это действительно профессиональный opinion channel, который только в силу моих скромных профкачеств не превратился в русский Huffington Post. Ну и да, мы первыми в России создали настоящую редакцию, работающую целиком удаленно и при этом производящую качественный и достаточно обильный контент. До сих пор мало кто осмеливается двигаться в этом направлении, а зря». Тем не менее по ряду причин сегодня «Слон.ру» — это зарегистрированное онлайн-издание с редакцией и офисом, декларирующее своей целью не «фабрику мнений», а информирование: «Сайт Slon.ru — это надежный источник информации о бизнесе, экономике и политике. Наша цель — объяснить, что происходит вокруг нас, наш слоган — “Slon объясняет”. Мы публикуем факты, которые интересны деловой аудитории, и мнения авторов, чья позиция нам близка» [17].

Другой российский проект, возникший на основе UGC, в отличие от «Слона», смог и создать свою аудиторию, оставаясь на долгое время именно пло-

щадкой для обсуждений, и развить на этом бизнес, и занять довольно значимое место в определенном сегменте российской (в первую очередь московской) жизни. Это проект «Лук эт ми» (Look At Me), развившийся постепенно в издательский дом «ЛАМ». Сайт «Лук эт ми» начинался (2006) как блог об уличной моде, позволяя пользователям загружать и обсуждать свои «луки», т. е. то, как они одеты. Сайт стал местом общения для аудитории, которая условно ассоциировала себя с понятием «хипстер». Так как за этим понятием стояла не только определенная манера одеваться, но и интерес к брендам, а также и к более общим явлениям (айфон, молескин, артхаусное кино и пр.), то к 2007 г. из обсуждения фотографий вырастает более широкая платформа: «Весной 2007 г. Вася (Василий Эсманов, один из создателей) решил, что раз эти люди прикольные, то можно попробовать их не только фотографировать, но про них писать, делать интервью. В то время начался бум социальных сетей. И летом, когда мы продумывали первую версию Look At Me, мы решили добавить туда социальную сеть. А про что любая соцсеть? Про общение, знакомства и про то, чтобы найти человека, с которым можно куда-то сходить или заняться сексом. Look At Me, каким мы его сделали на этапе запуска, идеально решал эти задачи. Мы набрали в команду молодых людей, в основном непрофессионалов», — объясняет процесс запуска основатель и генеральный директор Алексей Аметов [24]. Работа с непрофессиональными авторами дала неожиданный эффект для эмоциональной, в противоположность традиционным СМИ, блогосферы: материалы, размещавшиеся на сайте, не навязывали никакого мнения читателям, они больше походили на стандарты «объективной журналистики», а не на страстные посты блогеров. Парадоксальным образом, как признает Василий Эсманов, писать бесстрастно оказалось проще с точки зрения возникшей редакционной политики: «Одна из претензий к Look At Me — что у нас нет выраженного собственного мнения. И наш The Village сам по себе тоже очень холодный. В нем нет страсти. Это из-за того, что в какой-то момент у нас было мало денег, а нам нужно было много редакторов, и мы набирали очень молодых перспективных ребят с небольшим опытом. Жесткий, обезличенный стандарт позволял нам быстро взять человека, который начинал делать предсказуемый продукт стабильно хорошего качества. Когда ты даешь неопытному человеку возможность писать эмоционально, у тебя начинается полный ад. “Этим грустным осенним вечером я брела по Покровке и набрела на новый ресторан, а там злой официант ранил меня в самое сердце”».

«ЛАМ» сегодня — это издательский дом, в который входят несколько сайтов, которые не являются официально зарегистрированными СМИ, а называются «интернет-изданиями и сообществами читателей».

Интересно, что на «Хаффингтон Пост» ориентировался и созданный в 2011 г. PublicPost. По замыслу этот совместный проект информационного агентства «Интерфакс», Сбербанка и лично Алексея Венедиктова, главного редактора радиостанции «Эхо Москвы», должен был совмещать новости и «интеллектуальные блоги», как назвала их главный редактор «Паблик пост» Наргиз Асадова [12]. «Поэтому наша платформа будет строиться как Huffington Post — проект, который доказал свою состоятельность и успешность и в этом году

собирается открыться в тринадцати странах. Это очень успешная платформа. Мы отводим блогам и профессиональному контенту редакции одинаковое место, чтобы они друг друга дополняли. Как блоги могут быть реакцией на работу журналистов, информагентств и расследований, так и записи в блогах могут стать и уже становятся источниками информации и стимулом для журналистов. Идет взаимное обогащение», — так объясняла принципы работы нового ресурса Н. Асадова в интервью Е. Мостовщикову на другом портале «мнений» «Опенспейс» [11]. В том же интервью Н. Асадова добавляет: «Мне нужны блогеры, для которых писать в блог — это потребность души. Когда ты пишешь, потому что тебе хочется и надо, получается одно, а когда тебе за это платят, — совсем другое. Мы будем давать возможность людям писать о том, что им важно, давать им платформу для донесения информации». Этот расчет на «бескорыстных» блогеров, лежавший в основе редакционной стратегии, и идея об абсолютной ценности СМИ как средства распространения информации довольно быстро обернулся скандалом: сами блогеры возражали против того, что их тексты использовались в этом СМИ без их согласия [7]. В июне 2013 г. проект был закрыт то ли по политическим причинам, как предполагали его сотрудники, то ли по экономическим, так как за полтора года своего существования сайт не смог набрать более 100 тыс. просмотров в месяц [15].

После событий в Египте в 2011 г. возможности социальных сетей для масштабных объединений людей ради значимых целей стали уже очевидны любому. В связи с этим стали развиваться платформы «гражданских инициатив», т. е. вид социальных сетей, которые должны объединять граждан с целью обсуждения значимых для общества проблем и даже поиска их решения. Таким проектом в России, например, является «Йополис» (2012): «Мы надеемся, что Йополис поможет гражданам научиться быть осознанней и активнее, использовать свой голос, знания и опыт, чтобы влиять на жизнь вокруг», — говорится на сайте [18]. Различные возможности подписей онлайн-петиций, т. е. упрощенного обращения к политическим лидерам той или иной страны, уже давно применялись. Возможности Интернета в развитии методов демократии в сторону максимальной компьютеризации при волеизъявлении граждан (электронное правительство, демократия 2.0) обсуждаются и в отечественной, и в зарубежной науке. «Йополис» пытается совместить все сразу: это и платформа для общения (социальная сеть по локальному признаку), и механизм формирования обращения к властям, и платформа для распространения актуальной и социально значимой информации (как СМИ). Показательно, что в течение года у «Йополиса» появилось собственное издание: городская газета «Ситибум» (не зарегистрированная как СМИ).

В свое время создание пространства для обсуждения стало одним из факторов успеха «Хаффингтон Пост». Нельзя не отметить, что чрезмерное возвышение ценности информирования, а не создания тем для обсуждения, заставило «Слон» изменить концепцию издания; то же самое противоречие поставило под сомнение оправданность замысла «Паблик Пост». Сложно однозначно оценить на данном этапе правильность стратегии платформы «Йополис», но стоит отметить, что «традиционных» журналистов всегда тянет обратить энер-

гию пространства для общения в сторону развития регионального СМИ (в данном случае — «Ситибум»). Между тем, как верно отмечает Д. Джарвис, не стоит ставить знак равенства между местным СМИ и местным дискуссионным клубом. Блогосфера и возникшие благодаря ей ресурсы смогли реализовать интегративную функцию СМИ в том виде, в каком до появления Интернета ни одно издание не могло себе этого представить.

Подчеркнем еще раз, подобные издания, зачастую не зарегистрированные официально, не выполняют в той мере, в которой это делают профессиональные СМИ, ни функцию информирования, ни функцию просвещения (т. е. предоставление квалифицированного анализа событий подменяется мнением), они создают пространство для обсуждения, даже если поводом для этого обсуждения являются агрегированные новости или профессиональные (скопированные или специально написанные) заметки. В то же время решение вопроса, что должны сделать традиционные СМИ для реализации этой интегративной функции в ее новом понимании, в частности, ради повышения посещаемости собственных сайтов, остается достаточно актуальной задачей.

1. Автор *Lair* «О жестокости» [Электронный ресурс] // LiveJournal. 2002. 24 окт. URL: <http://lair.livejournal.com/2002/10/24/> (дата обращения: 05.02.2014).

2. Автор *Pallada* «Крышу рвет» [Электронный ресурс] // LiveJournal. 2002. 24 окт. URL: <http://pallada.livejournal.com/2002/10/24/> (дата обращения: 05.02.2014).

3. Бершидский вывел Слона [Электронный ресурс] // Открытые медиановости. 2009. 19 мая. URL: <http://www.omn.ru/?p=7837> (дата обращения: 05.02.2014).

4. *Боннер Р.* The Media and 9/11: how we did it // The Atlantic Magazine. 2011. Sept.

5. *Варшавчик С.* «Я не люблю две вещи...» и другие записи того же дня [Электронный ресурс] // LiveJournal. 2002. 24 окт. URL: <http://warsh.livejournal.com/2002/10/24/> (дата обращения: 05.02.2014).

6. *Волков А. А.* Филология и риторика массовой информации // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.

7. Гнев блогера. Запуск нового блога-СМИ PublicPost обернулся блого-скандалом. [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2011. 29 нояб. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/11/29/publicpost> (дата обращения: 05.02.2014).

8. «Леонид Бершидский запускает “Слона” — новое интернет-издание о бизнесе» [Электронный ресурс] // Состав.ру. 2009. 10.02. URL: <http://www.sostav.ru/news/2009/02/10/33/> (дата обращения: 05.02.2014). Записи в «Живом журнале» Л. Бершидского, где этот текст был изначально опубликован, уже уничтожены.

9. Леонид Бершидский покинул «Слон» [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2011. 18 февр. URL: <http://lenta.ru/news/2011/02/18/bersh/> (дата обращения: 05.02.2014).

10. *Майзель Е.* Беда коммунизма — ЖЖ как зеркало русской революции [Электронный ресурс] // Искусство кино. 2010. № 6. URL: <http://kinoart.ru/ru/archive/2009/06/n6-article15> (дата обращения: 05.02.2014).

11. *Мостовщиков Е.* Наргиз Асадова: «Это не Живой Журнал, да» [Электронный ресурс] // Опенспейс.ру : сетевое изд. 2011. 28 нояб. URL: <http://os.colta.ru/media/net/details/32219/?attempt=1> (цит. по архиву, сохранившемуся на сайте «Кольта») (дата обращения: 05.02.2014).

12. Новостной сайт PublicPost начал работу [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2011. 28 нояб. URL: <http://lenta.ru/news/2011/11/28/publicpost/> (дата обращения: 05.02.2014).

13. *Раикофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / пер. с англ. Д. Борисова. М., 2003.
14. *Рублев С.* Гражданская журналистика на службе интересов общества [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2005. 18 мая. URL: <http://lenta.ru/articles/2005/05/17/blogs/> (дата обращения: 05.02.2014).
15. Руководство Public Post объяснило причины закрытия проекта [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2013. 8 июля. URL: <http://lenta.ru/news/2013/07/08/ppost/> (дата обращения: 05.02.2014).
16. Сайт проекта CNN [Электронный ресурс]. URL: <http://ireport.cnn.com/> (дата обращения: 05.02.2014).
17. Сайт издания «Slon» [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/about/> (дата обращения: 05.02.2014).
18. Сайт издания «Йополис» [Электронный ресурс]. URL: <http://yopolis.ru/> (дата обращения: 05.02.2014).
19. Сайт издания Huffington Post [Электронный ресурс]. URL: <http://www.huffingtonpost.com/> (дата обращения: 05.02.2014).
20. Сайт проекта РИА-Новости «Ты – репортер» [Электронный ресурс] URL: <http://www.youreporter.ru/> (дата обращения: 05.02.2014). Доступ может быть закрыт в ближайшее время в связи с ликвидацией ФГУП РАМИ «РИА Новости».
21. AOL купил одно из самых влиятельных американских онлайн-СМИ [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2011. 7 февр. URL: <http://lenta.ru/news/2011/02/07/aolhp/> (дата обращения: 05.02.2014).
22. *Jarvis J.* Who's afraid of Arianna Huffington? [Электронный ресурс] // Buzzmachine. 2011. Апр. 3. URL: <http://buzzmachine.com/2011/04/03/whos-afraid-of-arianna-huffington/> (дата обращения: 05.02.2014); русский перевод: *Джарвис Дж.* Кто боится Арианны Хаффингтон? [Электронный ресурс] // Слон.ру. 2011. 5 апр. URL: http://slon.ru/future/kto_boitsya_arianny_haffington-576691.xhtml (дата обращения: 05.02.2014).
23. *Levine R.* Free ride. How digital parasites are destroying the culture business and how the culture business can fight back. N. Y., 2011.
24. Look At Me: «Приходилось заставлять сотрудников пить хотя бы по пятницам» : [Электронный ресурс] // История российского Интернета. Афиша. URL: <http://internet.afisha.ru/look-at-me/> (дата обращения: 05.02.2014).
25. *Tewksbury D., Rittenberg J.* News on the internet: information and citizenship in the 21st century. N. Y., 2012. 160 p.
26. *Wauters R.* The Huffington Post Raises \$25 Million from Oak Investment Partners : [Electronic resource] // Techcrunch. 2008. 1 Dec. URL: <http://techcrunch.com/2008/12/01/the-huffington-post-raises-25-million-from-oak-investment-partner> (accessed: 05.02.2014).

Статья поступила в редакцию 14.03.2014 г.

УДК 007: 304 + 659.3 + 82-92.001 (477)

Т. А. Дзюба

**ДВЕ «ИСПОВЕДИ» О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(В. КОРОЛЕНКО, В. АНТОНОВИЧ)
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ С. ЕФРЕМОВА**

В статье на примере публицистического наследия С. Ефремова рассматривается проблема национальной идентичности, в частности, модус самоопределения украинской интеллигенции. Исследуются механизмы, которые модифицируют национальное самосознание и нашли отражение в печати. Тема «украинского дуализма» и духовного поиска постигается путем обращения к системе мировоззренческих взглядов героев публикаций С. Ефремова — прежде всего В. Короленко и В. Антоновича.

Ключевые слова: публицистика; национальная идентичность; социальный конструктивизм; украинифильство; «кающиеся дворяне».

Социальный феномен национальной идентичности — сложное явление, которое не исчерпывается одной методологией. Однако, исходя из специфики нашего исследования, интерес представляет именно конструктивистская парадигма, поскольку в ней первостепенная роль отведена социокультурным процессам, социальной инженерии. Авторами научных работ, в которых на основании теорий конструктивизма рассмотрена проблема национальной идентичности, являются авторитетные западные ученые: Б. Андерсон, Э. Геллнер, К. Дойч, Ю. Хабермас; русские — М. Губогло, С. Кирдина, Н. Лебедева, А. Лукина, М. Львова, В. Морозов, М. Сусоев; украинские — О. Забужко, Г. Касьянов, Л. Нагорная, Н. Яковенко. В отрасли социальных коммуникаций существенные составные и концепция национальной идентичности воспроизведены, в частности, в нашей монографии «Спрага народу і спрага Вітчизни. Публіцистика другої половини ХІХ — першої третини ХХ століть: модель національної ідентичності» [3].

Среди представителей украинской научной мысли в числе первых на подсознательно суженное понимание природы украинской национальной идентичности, а также на то обстоятельство, что три первых поколения новой украинской интеллигенции, с генерацией Ивана Франко включительно, были в известной степени взращены русской, как киевские «громадовцы», или же «западноевропейской», прежде всего немецкой, культурами [6, 20–21], — обратила внимание О. Забужко. Ведь полноформатной, собственно украинской культуры, с надлежащей структурой, способной воспроизводить интеллигенцию на родной почве, еще просто не было [Там же, 21].

Исследовательница также углубила представления о «субстанциональности» выходцев из дворянских семей и социально-системной ипостаси окружающего

ДЗЮБА Татьяна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания Черниговского областного института последипломного педагогического образования им. К. Д. Ушинского, Украина, г. Чернигов (e-mail: tazuba@gmail.com).

их мира. Ее образуют «в том числе институционализируемая профессиональная культура, в которую интегрируется индивид; речь, обслуживающая эту культуру; образование, организация профессиональной деятельности, совокупность определенных национальным статусом норм общественного поведения, включая моральные» [6, 86].

Социально-культурный контекст не был украинским. Вследствие чего представители образованных слоев общества оказались перед дилеммой: присоединиться к чужому, уже сформированному культурному пространству или, опираясь на украинскую идеологию и убеждения, созидать самодостаточное родное.

Целью нашей статьи является:

- определить место и значение проблемы национальной идентичности в публицистическом наследии известного украинского политика, общественного деятеля, журналиста, литературоведа Сергея Ефремова;
- раскрыть аспект самотипизации интеллектуальной элиты украинского общества на примере публицистического массива текстов С. Ефремова;
- выделить и систематизировать присутствующие в этих текстах механизмы культивирования национального самосознания.

В публицистике С. Ефремова освещению феномена национальной идентичности принадлежит важное место. В течение длительного времени тема национального самоопределения оставалась ведущей в его журналистской деятельности. Среди специально посвященных этому вопросу статей выделяются две — «Роковой узел» (1910) и «Перед судом собственной совести. Ответственная и политическая работа В. Б. Антоновича» (1923–1925), обе о коллизиях выбора национальной самотипизации незаурядными личностями. В этих публицистических работах отражены поиски способов понимания известным журналистом проблемы перехода украинского интеллигента на службу в другие культуры. Ведь иной раз, «проблуждав всю свою жизнь окольными путями на чужбине» [5, 19], растеряв попусту духовный потенциал, человек, как современник автора Г. А. Мачтет, возвращался умирать домой.

Центральной фигурой, на примере которой публицист пытается постичь механизмы вышеупомянутого явления, в статье «Роковой узел» является писатель Владимир Короленко. С. Ефремов анализирует его неоконченные воспоминания «История моего современника» (1905–1921), размышляя над тем, «почему г. Короленко не стал украинским писателем», как-никак «были у г. Короленко возможности предстать сознательным деятелем на украинской арене, или точнее сказать, оставаться на той почве, из которой он органично вырос и чьи выразительные следы запечатлел в своем литературном творчестве, общеизвестно, не украинском» [Там же, 18–19]. С этой целью публицист реконструирует исторические условия — и приходит к выводу о том, что одна из главных причин выбора В. Короленко в пользу русской словесности состояла в обособленности писателя от украинской «народной жизни, с ее неповторимой физиономией, оригинальной речью, своеобразным мировоззрением и могучим устремлением и наклонностями к развитию и движению вперед» [Там же, 19].

В отдельно взятой судьбе художника слова воплощены типичные черты целого поколения. Прадед В. Короленко был писарем в казацком полку. Дед и отец состояли на государственной чиновничьей службе и окончательно ассимилировались русской средой. Такая трансформация, как отмечает автор статьи, — «черта, присущая почти всем дворянским гнездам на Украине» [5, 19]; в другом его комментарии переход украинцев в социокультурную среду соседних народов, потеря собственной интеллигенции поименованы «специфически украинским бедствием» [Там же, 18].

Так как мать В. Короленко — польских кровей, С. Ефремов характеризует три национальные силы, которые порождали сумятицу и борьбу в душе будущего писателя. Национальное окружение было смешанным и проявлялось сразу тремя формами влияния: официальной — русской, более интимной, а потому и более сильной — польской и сплошь стихийной — украинской [Там же, 19].

Следует отметить, что линия поиска собственных истоков, национальной самоидентификации ярко выражена в украинской публицистике и мемуаристике второй половины XIX — начала XX в. Взять хотя бы, к примеру, крайне примечательные с этой точки зрения «Воспоминания Олены Пчилки о М. Драгоманове» (1926), в которых речь идет о многих исследуемых нами сферах. Об украинском контексте, который естественно проникал в провинциальную жизнь собственной семьи, она пишет: «...полтавская местечковая людность в те давние времена значительно больше сохранила украинские свойства, нежели впоследствии. Не будет преувеличением сказать, что украинское течение окружало нас мощно; это были украинские песни, сказки, все то, что создала украинская народная мысль, и то, что сохранил существующий уклад народной жизни» [9, 543].

В статье «Роковой узел» С. Ефремов проводит градацию тесно переплетенных окружающих В. Короленко культур, показывает балансирование писателя между ними, осуществляет психологический срез чувств литератора, ибо все три начала, которые прежде мирно сосуществовали в его душе, предъявили свое право на превосходство и первенство.

В случае В. Короленко достижения чужих сложившихся культур оказываются привлекательнее стихийного природного украинства. «Этой силе, — полагает С. Ефремов, — наиболее не доставало самосознания и известной культурной метки, которая бывает особо притягательной для людей с высшими жизненными запросами» [5, 25].

Изучая культурно-социальный аспект национального самосознания, С. Ефремов выделяет систему факторов, которые влияют на идентификацию личности. Прежде всего, это — национальная речь, художественная словесность, просветительные учреждения, этноним.

Речь «как наивысшее богатство души народной и наиболее яркую его национальную примету» трактовали уже первые украинские народолюбцы. Однако насущной оставалась необходимость, на что указывает и С. Ефремов, «высшей науки, высшей литературы, широкой публицистики, всеобщей критики и других ветвей письменности и культуры» [Там же, 52] на украинском языке.

Игнорирование этого условия приводило к формированию мужицкой нации; родное слово служило исключительно для удовлетворения элементарных потребностей — получения начальных знаний, функционирования фольклора, что в конечном счете отдаляло интеллигенцию от собственной культуры.

Российская литература, обращаясь к темам из народной жизни и «пропуская их сквозь манящую призму широкого гуманизма» [5, 29], «выискивала и по мере своих сил решала проклятые вопросы личной и общественной морали» [Там же, 37]. Именно этим она увлекла В. Короленко, всецело поглотила его «разноплеменную душу» [Там же, 30], в ней писатель обрел духовную родину. Иными словами, русская художественная словесность сыграла определяющую роль и в национальной самоидентификации прозаика.

Впрочем, не менее важной составляющей развития украинского движения и национального самосознания, полагает С. Ефремов, является периодическая печать. Реакция, неизбежно приходящая на смену кратковременным национальным порывам, «погубила на корню первые всходы украинской публицистики и беллетристики в целом» [Там же, 34], «чем прервала теоретический рост украинства, осмысление его потребностей и задач» [Там же, 36].

А между тем именно публицистика внесла в общественное сознание идеи «кающихся дворян» (это понятие обстоятельно истолковано российским критиком и публицистом Н. К. Михайловским). С. Ефремов вполне справедливо отметил, что в украинском коммуникационном пространстве десятилетием раньше, нежели в российском, — еще в начале 60-х гг. — уже наблюдалось подобное явление: В. Антонович отразил позицию определенной части высших общественных слоев, осознавшей свой социальный и национальный долг перед народом. Следует сказать, что тема «раскаявшихся дворян» достаточно ярко и рельефно освещалась и в более поздних историко-публицистических произведениях, в частности в воспоминаниях о Льве Юркевиче его сына Юрия [10]. Воспроизводя собственную родословную, он ведет речь о деде — Иосифе Вячеславовиче, который, узнав о своем происхождении из колонизированных украинцев, принявших католицизм, предпринимает попытку вернуться в православную веру, на украинскую почву. Он становится участником легальных украинских объединений, знакомится с их видными деятелями — композитором Н. Лысенко, писателями Лесей Украинкой, И. Франко и др.

Среди обстоятельств, влияющих на формирование национальной идентичности, С. Ефремов выделяет также образование на родном языке. По утверждению публициста, духовное разобщение, которое возникло между народными массами и интеллигенцией, не в последнюю очередь порождалось отсутствием национальной школы [5, 39].

Были ли в окружении В. Короленко люди, посвятившие себя украинскому прозелитизму? Безусловно, немногие учителя-ураинофилы. С. Ефремов выясняет причины поражения адептов украинства, которым не удалось добиться пробуждения национальных чувств у В. Короленко. Публицист объясняет это спецификой ураинофильства как явления, особенностями определенных этапов украинского общественного движения, разноликостью его представителей.

Трактовку вышеупомянутых положений С. Ефремов осуществляет, опираясь на публицистическое наследие одного из наиболее выдающихся идеологов и теоретиков украинофильства Н. Костомарова, в статьях которого в числе прочего уже идет речь и о потере украинцами собственного имени, что, в свою очередь, усложняло различие двух народов (русского и украинского). Предшественник С. Ефремова, таким образом, обращался к проблеме этностима как важной составляющей национальной самотипизации.

Несмотря на то, что центральной фигурой для иллюстрации экзистенциального выбора, совершаемого украинским интеллигентом, «который носил, и доселе еще носит, две души в груди» [5, 36], в статье С. Ефремова «Роковой узел», как уже отмечалось, избран В. Короленко, попутно в ней поднимается и вопрос национального позиционирования Н. Костомарова, М. Драгоманова, В. Антоновича. Публицист подчеркивает исключительность для своего времени личности В. Антоновича, то, что «такое серьезное осмысление национального пути обнаруживалось лишь наверху и в центре украинского движения 60-х годов, а вглубь и на периферию не распространилось» [Там же, 34].

Среди многочисленных статей С. Ефремова о В. Антоновиче итоговой является статья «Перед судом собственной совести», где автор избрал для рассмотрения ипостась В. Антоновича — общественного деятеля и публициста. «Поскольку уже само появление В. Антоновича на общественной арене произошло при таких обстоятельствах, которые придали ему значения события, весомости широкого политического акта, который и поныне не утратил своей актуальности», — свидетельствует С. Ефремов [4, 705].

Невзирая на политические амбиции польской стороны накануне восстания 1863 г., в знаменитой «Моей исповеди» В. Антонович провозгласил: «По воле судьбы я родился на Украине шляхтичем; в детстве имел все привычки паничей, и долго разделял все сословные и национальные предубеждения людей, в кругу которых воспитывался. Но когда пришло для меня время самосознания... я увидел, что поляки-шляхтичи, живущие в Южнорусском крае, имеют перед судом собственной совести только две исходные точки: или полюбить народ, среди которого они живут, проникнуться его интересами, возвратиться к народности, когда-то покинутой их предками... или же, если для этого не хватит нравственной силы, переселиться в землю польскую» [2, 94].

Ни унижительный эпитет «перевертень», ни устроенный вельможными колонистами суд чести над отступником не изменили нравственных убеждений и образа мыслей ученого.

В публицистике В. Антоновича самохарактеристики, рефлексии над польским происхождением и украинской национальной самотипизацией предстают по преимуществу в контексте декларируемых им общедемократических тенденций (как известно, В. Антонович принадлежал к «хлопоманам», согласно определению одного из первых его биографов Ф. Матушевского — польским украинофилам). Механизмы самосознания у В. Антоновича укладывались в схему, воспроизведенную им в автобиографии: «Моральная деятельность любого человека состоит из трех ингредиентов: 1) атавизма, то есть наследственности, полученной от предков (в самом лучшем случае не

более 75 процентов), 2) воспитания, то есть формулировки принципов прошедшего времени (от 5 до 10 процентов) и 3) собственной инициативы (в лучшем случае до 15 процентов» [7, 9]. Впрочем, некоторые более поздние исследователи интерпретируют национальную самотипизацию В. Антоновича в ином семантическом ключе. Например, М. Славинский по этому поводу пишет: «Мы можем говорить не о переходе Антоновича от Поляков к Украинцам, а о его возвращении из польского лагеря, где он, не по собственной воле, пребывал в молодые годы, — к украинству, которое ему было прирожденной средой» [8, 213].

Имел ли М. Славинский основания для подобных утверждений? Следует отметить, что Максим Славинский — исключительно многогранная личность в украинской культуре: блестящий публицист, переводчик, дипломат, участник общества «Плеяда», в котором, помимо него, состояли Леся Украинка, ее брат — Михаил Косач, будущая жена Косача — писательница Грицько Григоренко (Е. Судовщикова-Косач), Виталий Боровик — один из основателей «Братства тарасовцев», Владимир Самийленко — член черниговской «Громады» (двое последних — близкие приятели М. Коцюбинского), Мусий Кононенко, Иван Стешенко и др. М. Славинский был студентом В. Антоновича и репетитором его воспитанника, т. е. человеком, входящим в домашнее окружение ученого. Поэтому его мемуарные свидетельства о «публичном разрыве» отношений общественного деятеля с польской средой, а также воспроизведение генеалогии не вызывают сомнений.

«Половина его крови, — по определению М. Славинского, — была, несомненно, украинской, одна четверть разведенной крови венгерской и еще одна четверть такой же польской, если Любомирского считать поляком. А ведь и Любомирские, судя по всему, не были чистой крови поляками» [8, 213]. Исходя из версии М. Славинского и Ф. Матушевского, отцом В. Антоновича был венгерский эмигрант Йонаш (Иван) Джидай, сын республиканца-революционера Матяша Джидая и украинской крестьянки из Закарпатья. В. Антонович в «Автобиографических записках» отмечал: «В гимназии я рос под влиянием иностранца Джидая, человека глубоких демократических воззрений» [1, 395]. Антоновичем, который, кстати, был из белорусов, Владимира «записали по формальным причинам». Мать Антоновича официально принадлежала к польскому роду Гурских, а фактически была дочерью князя Любомирского и его горничной, украинской крестьянки. С принятием православия крестным отцом В. Антоновича становится брат украинского философа Памфила Юркевича — Андрей.

Таким образом, чаяния В. Антоновича, «что украинцы сочтут меня сыном своего народа, так как я готов всецело разделить их удел» [2, 94], осуществились не только в смысле признания его национальных заслуг и морального авторитета — к украинству он отчасти принадлежал и по родословной.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что перед образованными слоями украинского социума (в отличие от народа, который являлся наиболее национально устойчивым), начиная со второй половины XIX в., чрезвычайно остро встал вопрос национального самоопределения. На основа-

нии журналистских текстов С. Ефремова нами выявлены и концептуализированы социокультурные механизмы воспитания национальных чувств, которыми являются: язык, печать, образование, художественная словесность, осознание общности исторической судьбы. В числе факторов культивирования национального самосознания — также этноним. Национальное имя, по утверждению С. Ефремова, играет важную опознавательную и вместе с тем консолидирующую национальное общество роль. Публицистика автором интерпретируется как область теоретических поисков, сфера, где формируется идейный фундамент украинства, вырабатывается его «синтезирующий принцип».

---

1. Антонович В. Б. Автобіографічні записки // Літературно-науковий вістник. 1908. Т. 43, кн. 9. С. 387–407.

2. Антонович В. Б. Моя исповедь // Основа. 1862. Кн. 1. С. 83–96.

3. Дзюба Т. А. Спрага народу і спрага Вітчизни. Публіцистика другої половини ХІХ — першої третини ХХ ст.: модель національної ідентичності : моногр. Чернігів, 2012. 368 с.

4. Ефремов С. О. Перед судом власної совісті. Громадська й політична робота В. Б. Антоновича // Ефремов С. Вибране : Ст. Наук. розвідки. / упоряд., передм. та прим. Е. Соловей. Київ, 2002. С. 704–717.

5. Ефремов С. О. Фатальний вузол // Там же. С. 17–55.

6. Забужко О. С. Філософія української ідеї та європейський контекст. Київ, 1993. 126 с.

7. Матушевський Ф. П. В. Антонович при світлі автобіографії та даних історії // Син України: Володимир Боніфатійович Антонович : у 3 т. Київ : Заповіт, 1997. Т. 2. С. 7–16.

8. Славінський М. А. Спогади // Там же. С. 211–225.

9. Спогади Олени Пчілки про М. Драгоманова // Михайло Драгоманов. Документи і матеріали 1841–1994 / упоряд. Г. Болотова, І. Бутич. та ін. Львів, 2001. Док. № 310. С. 530–563.

10. Юркевич Ю. Л. Минувшее проходит предо мною... М., 2000. 256 с.

Статья поступила в редакцию 13.01.2014 г.

УДК 070.23 + 811.161.1'42

Т. И. Краснова

КВАНТОР *ВСЕ* В АФФЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ (на материале газет русского зарубежья 1918–1921 гг.)

Статья посвящена функционально-семантическим проблемам изучения референциальной и социально-оценочной функций слова *все* в антибольшевистском газетном дискурсе 1918–1921 гг. Показано, что слово *все* вбирает в себя из контекста интеллектуальные и аффективные содержания; действует как резонатор, создающий болезненную аффектацию речи с модусами обвинения и желания (необходимости). Окраска слова *все* зависит от разных стереотипов сочетаемости, в конечном счете — от представлений говорящего (идеологического субъекта газеты).

Ключевые слова: количественная семантика; множественное/единичное; аффектация; модус; мера; газеты русского зарубежья; дискурс; идеологический субъект.

Статья посвящена анализу текстов с местоименным показателем всеобщности, частотным в газетной публицистике русского зарубежья времен Гражданской войны. В качестве показательных мы используем материалы двух радикальных газет антибольшевистского толка — европейской газеты «Общее дело» (Париж, 1918–1921; далее — *ОД*) и североамериканской «Народной газеты» (Нью-Йорк, 1918; далее — *НГ*). Предметом анализа выступает функционально нагруженный квантор *все* с его особой семантикой и экспрессией в изучаемом дискурсе. Конечно, функциональная мощь квантора *все* заключается не только в его частотности в эмигрантской газете, она кроется в языковой его распространенности: *все* может выражать всеобщность «практически во всех контекстах» [6, 16; 7]. Полагаем, что в антибольшевистском газетном дискурсе квантор *все* имеет отношение и к референции (к предметно-отождествительному плану содержания), и к оценке (точнее — к аффективности смыслового акцентирования). Поясним сказанное.

Ненависть, чувство сильнейшей вражды, неприязни к большевизму и одновременно одержимость идеей спасения России определяли духовное существование значительной части эмиграции в Европе (в меньшей степени в Америке). В газетах русского зарубежья эпохи революционного кризиса читатель имеет дело с *аффективным* дискурсом и речевой категорией *интенсивности*, предполагающими количественную меру оценки, меру экспрессивности и меру экспликативности. Страсти побуждают говорящих прибегать к преувеличениям и преуменьшениям. Как известно, лексикон количественных значений легко метафоризируется, на его основе создаются риторические приемы — гипербола, литота, эмфаза [1, 5]. Термин «страсть» мы понимаем в русле категорий «Семиотики страстей» [2; далее — *Семиотика*], согласно которой

КРАСНОВА Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: taikrasnova@yandex.ru).

страсти появляются в дискурсе как своеобразные носители смысла. По мнению психологов, чувство выводит на первый план знание: «Эмоции выступают как наиболее глубинные формы категоризации, определяющие общие контуры выстраиваемого сознанием концептуального образа мира» [8, 24]. В плане психологически мотивированного дискурс-анализа мы придерживаемся воззрений французских семиологов А.-Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья, которые утверждают: «Описать эффекты смысла как “запах” семионаративных устройств в дискурсе — значит признать, что страсти присущи не только субъектам (субъекту), но дискурсу в целом, и они исходят от дискурсивных структур как эффект “семиотического стиля”, который может проецироваться или на субъекты, или на объекты, или на их соединение между собой» [2, 32].

Толковый словарь определяет страсть как ‘сильное чувство, с трудом управляемое рассудком’ или ‘отдачу всех своих душевных сил какому-л. делу’ [10]. В русских изданиях критико-полемиического направления «страстного» публицистического стиля выступлений придерживались особенно долго, благодаря чему закрепились стереотипы аффективного изложения, переходящие в подчеркнутую, порой искусственную аффектацию. В 1918–1921 гг. такой «семиотический стиль» изложения был порожден сильнейшим накалом борьбы за власть в России, Гражданской войной и соперничеством русских политических группировок в стране и за ее пределами. Сделаем несколько пояснений к используемым терминам. Аффективный, т. е. повышено эмоциональный, способ выражения может быть противопоставлен аффективному способу, т. е. нарочито преувеличенному, подчеркнутому и искусственному. В этом смысле *аффектация* понимается как ‘искусственная приподнятость и возбужденность, преувеличенное и подчеркнутое выражение какого-либо чувства, настроения’ [9, 52]. Изучаемый материал дает основание для такой трактовки, но преобладающим (по нашему мнению) выступает психологически мотивированный подлинными переживаниями представителей русской эмиграции *аффективный* способ существования высказываний в дискурсе (публикации В. Л. Бурцева, Е. Н. Чирикова, П. Б. Струве, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и других деятелей культуры русского зарубежья).

В *Семиотике* охваченный страстью субъект рассматривается как субъект, модализованный согласно своему «бытию», т. е. понимается как *субъект состояния*, даже если он совершает определенные действия. Согласно концепции А.-Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья, *состояние* — это, прежде всего, «состояние вещей» в трансформируемом субъектном мире, но это также и «состояние души» компетентного субъекта, готовящегося к действию, и сама модальная компетенция, подвергающаяся различным трансформациям. Под видом этих двух концепций «состояния» возникает известный дуализм «субъект/мир». Указанному дуализму может противостоять лишь гипотеза об однородности семиотического существования, ставшего возможным при посредстве «чувствующего тела»: благодаря вышеописанному превращению, мир как «состояние вещей» сводится к «состоянию субъекта», т. е. заново интегрируется во внутреннее однородное пространство последнего [2, 25].

В антибольшевистском газетном дискурсе состояние и умонастроение коллективного идеологического субъекта газеты (далее – ИС) выражается разоблачительным *модусом обвинения* и целеобразующим *модусом желания*. Модусы мы понимаем как состояние сознания субъекта пропозициональной установки; как формы существования (способы рассмотрения) положения дел, как способы взаимодействия субъекта с объектом [3, 4]. Мы рассматриваем кванторное слово, придерживаясь опорных точек пропозициональной структуры предложения. Особое внимание уделяется наименованиям с концептом «лицо». *Категория субъекта* как центральная категория современной прагматики имеет в дискурсе неоднoplanовое выражение. В составе коммуникативной структуры главным лицом, порождающим высказывание, выступает субъект речи в образе коллективного идеологического субъекта газеты (даже если это индивидуальный тип образа автора). В составе пропозиции (нарративная структура) персонажи, в том числе субъекты знания или мнения, выступают в образе противника, союзника или в образе неопределенного сомневающегося субъекта. Приступим к анализу.

Мера определенности квантора *все* и аффективный характер коммуникации

Определенность квантора *все* в составе сложных дескрипций обычно зависит от значения переменных. *Все* сочетается как с конкретными именами исчисляемых референтов, так и с отвлеченными наименованиями объектов неисчисляемых.

Референция слова *все* проявляется в связях с именами предметно-отождествительной семантики. Но аффективно выраженная идея общего в кванторе *все* нивелирует предметный уровень референции сглаживанием раздельной множественности до совокупности: **Все** *штыки, все пушки и пулеметы, все броневики и бронированные поезда великой и могущественной некогда русской армии он, Вильгельм, повернул на русских же!* (НГ).

1. Сочетания *все* с конкретными именами исчисляемых референтов наблюдаются в высказываниях информационного типа: *...в коммерческом училище во всех учебных классах, во время занятий, был произведен обыск*. И все же в информационном дискурсе квантор *все* тяготеет к оценочности и нередко выступает в составе метафоры-обобщения, а конкретные имена-референты подтверждают оценку: *В городе возродились все прелести большевизма: налеты, аресты, обыски*.

Общее положение дел связывается ИС газеты с нарушением большевиками принципов демократии. И хотя усилитель **все** сочетается с именами конкретной семантики (*газеты, декреты; фабрики, заводы; политические партии, правительства, совдепы; жандармы, грабежи, разбои* и т. п.), по смыслу интенсификатор тяготеет к сказуемому: причина в пропозициональном господстве сказуемого как смыслового ядра высказывания. В модусе обвинения предикаты с семантикой антинормы и неприятия составляют концептуально-демотативный центр сообщения, отражая несоответствия социального характера:

‘отклонение от установленных принципов общественной жизни’, ‘нарушение социальных норм’, ‘прекращение существования’, ‘гибель’ и др. Ср.: *убивать, запретить, разрушить, дезорганизовать* что-либо, *угрожать* чем-либо, *затмить жестокостью, довести до вырождения* и пр. *Таких гнусностей и таких преступлений большевики совершили в России много. Они убивают и расстреливают всех, кто стоит у них на пути, — и правых, и левых, социалистов и монархистов...* (ОД). Ср. также высказывание крайней степени обобщения в отрицании большевизма, характерное для рассуждения: *Своей жестокостью они затмили всех когда-либо существовавших русских жандармов и палачей, рекой пролили народную кровь, чумой и холерой прошли из края в край по всей стране и довели ее до вырождения* (ОД).

В качестве общего усилителя пропозиции (и актантов, и предиката) *все* имеет отношение к смысловым противопоставлениям в дискурсе обвинения: *Хотя большевики сами когда-то пламенно отстаивали свободу печати, они, став у власти, запретили все несочувствующие им газеты. Больше всего при этом пострадала социалистическая печать* (ОД); *Движение, называющее себя пролетарским, по преимуществу разрушило, прежде всего, рабочий класс. Все фабрики и заводы, за исключением немногих, работающих еще на оборону, прекратили свою деятельность* (НГ); *Коммунизм осуществляется в виде хищений, системы заложничества и многочисленных казней. Все декреты объявляются под угрозой смертной казни* (ОД).

Убеждающий пафос пропаганды запланирован в разоблачающих публикациях о событиях в России. Квантор *все* в этом случае усиливает идею всеобщей подверженности населения расправам со стороны большевиков. В речи о жертвах большевизма определенность отождествления обеспечивается референцией — компонентами атрибута *все* с предметным значением, а также благодаря пропозициональному значению высказываний, которое соотносится с фактами, событиями, ситуациями. На восприятие читателем сообщаемого влияет внешний, внутренний контекст и стиль изложения (информационный или художественно-публицистический).

В составе информационного сообщения квантор *все* редко стоит рядом с именем агенса ненормативного действия, чаще сливаясь с пациенсом, жертвой события: *Нам доставлено воззвание: «Ко всем рабочим, ко всем русским гражданам!» После обыска, — говорится в воззвании, — всех нас 58 человек, а в том числе 50 рабочих, представителей московского, петроградского, тульского пролетариата, повезли на автомобилях на Лубянку в чрезвычайную комиссию Дзержинского (ОД); *Все жители Петрограда представляют собою обреченных на смерть* (ОД). Заметим, в последнем случае нет преувеличения: угрозой жизни в 1919 г. был длительный голод в Петрограде.*

В составе художественно-публицистических жанров отождествительные признаки слова *все* выявляются в режиме образного описания: *И заканчивает М. Г. статью таким приветом: «Всем, кто чувствует себя одиноко среди бури событий, чье сердце точат злые сомнения, чей дух подавлен тяжелой скорбью — душевный привет! И душевный привет всем безвинно заключенным в тюрьмах»* (НГ).

2. Квантор *все* с отвлеченными неисчисляемыми именами наблюдается особенно часто в составе субъективированных речевых форм комментария, рассуждения. Отвлеченные имена входят в состав фразеологического сказуемого, в переносном значении которого слово *все* указывает на высшую степень проявления признака или состояния: *раскрыть все карты, покончить со всеми пережитками, выносить все тяготы борьбы, принять все меры, отдать все силы* и т. п.

Как известно, сигнификация и денотация отвлеченных (абстрактных) терм совпадают. Аффективность высказываний способствует параллельному сочетанию квантора общности как с конкретными, так и с отвлеченными именами объектов пропозиции. Ср.: *Свобода печати завоевана **всем** народом и для **всего** народа. И печатники, требуя от **всех** пролетариев и граждан поддержки в борьбе за свободу печати, защищают не свой узкий профессиональный интерес, а право **всей** демократии (НГ); Затем для того, чтобы страна могла покончить со **всеми** пережитками старого строя и воплотить в жизнь **все** демократические завоевания, вне которых нет спасения России, Колчак должен идти навстречу образованию **всех** местных демократических организаций, где бы и как бы это только оказалось возможным (ОД).*

Неопределенность квантора *все* связана с его самостоятельным употреблением в качестве существительного и с выражением концепта «лицо». Тогда референт идентифицируется по контексту, но не всегда полностью (как известно, референция имеет место не для слов и выражений языка, а только для их употреблений в речи). Приведем следующий пример.

Выступление части французских союзников по социал-демократической партии, поддержавших в Лозанне большевиков, привело их в стан врагов газеты «Общее дело». Газета дает отпор их обвинениям, с гневом принимая вызов нападавших: *В своей резолюции **они** говорят о русских контрреволюционерах в Париже. Мы принимаем этот вызов на свой счет и дадим **всем** какие угодно ответы*. Как видно, местоимение *всем* включает неопределенную множественность. Смысл этого неточно сформулированного высказывания в том, что ИС не затруднят ответы на любые вопросы от кого бы то ни было (ответят всякому). Такое высказывание — знак для читателя, знак уверенности идеологического субъекта в своих оценках и убеждениях в противоположность *им* (политическим предателям).

В косвенном обращении к тем, кто сомневался в чистоте целей русской социал-демократии за рубежом, пародируется ситуация непонимания как неслышания многократно повторяемого. Отсюда адресация к «глухим»: *Пусть же **все**, у кого есть уши, запомнят то, что **мы** сотни раз говорили раньше и о чем напоминаем **всем** от имени исторической России: **мы** боремся за единую Россию, и **мы** против ее кромсания*. Комическая определенность обращения *все*, у кого есть уши сочетается с буквально выраженной неопределенной широтой адресата. Ироническая трактовка подразумевает обратный смысл: есть и такие, у кого нет ушей.

Неопределенное множество *все*, *всем* или *всякому* встречается в контекстах, где обсуждается вопрос о понимании-непонимании происходящего. Аль-

тернатива «кто-то не понимает — все поймут» связывается с модусом надежды, а возникает на общем фоне разоблачительного антибольшевистского пафоса контекстов с оппозицией МЫ/ОНИ. Неопределенному субъекту соответствует предикат незнания. В то же время факт знания очевиден, когда субъект *все* близок к субъекту безличного предложения (формальное *все* можно исключить): *Предательство Ленина ни для кого не было неожиданностью, и оно подготовлялось не тайно. О нем /все/ знали. Много о нем говорили и писали (ОД)*. Очевидно, квантор *все* можно было заменить определителем многие. Сравните: *Теперь все [многие. — Т. К.] начинают себя спрашивать: — Да как же могли восторжествовать большевики? (ОД)*. Следовательно, идея всеобщности риторическая, слово *все* работает как усилитель. После его изъятия экспрессивность сказанного уменьшается. Прием усиления в таком случае близок к преувеличению. Сказанное не может быть полной правдой в действительности (*все знали / все начинают себя спрашивать*). Ср. также: *...и эта аморальность, этот бандитизм большевиков только теперь начинает быть понятным для всех (ОД); Эта проповедь дала свои плоды, а кому они пошли на пользу, — теперь всякому [всем. — Т. К.] известно. Ни в какой войне Россия не могла потерять столько, сколько она потеряла от большевистского мира (ОД)*.

Процессуальным предикатам достижения знания *начинают себя спрашивать, начинает быть понятной* сопутствуют утверждения в модусе надежды и необходимости. Ср.: *Те, кто спасались от большевиков, терпеливо, зачастую среди страшных лишений, ждут дня светлого пробуждения всей России, когда заблудшие поймут, кто их настоящий, подлый враг (ОД); Мы надеемся, что угар, охвативший народные массы после войны, пройдет, и тогда все поймут, каким позором эти предатели покрыли социализм (ОД); <...>[проводить. — Т. К.] хорошую, честную, дальновидную политику, которая ясно говорила бы всем, что не может быть и речи ни о каком примирении с большевизмом и не должно быть оказано ни прямой, ни косвенной поддержки тем, кто, так или иначе, оказывали поддержку большевикам (ОД)*.

Квантификативный показатель и концепт «лицо»

Ниже мы рассмотрим квантор *все* в разных речевых модусах. Показательными для семантики всеобщности в эмигрантских газетах выступают модус обвинения, модусы желания и необходимости.

Слово *все* в семантическом ряду «идеологические противники». Модус обвинения. В газете «Общее дело» модус обвинения имеет адресный характер. Кванторное слово и сочетание слов *все, все они, все их единомышленники* относятся к именам собственным. В предикате они сопровождаются ярлыками «преступники», «враги России», «предатели» и т. п. Использование таких наименований в контексте мотивировано, и выступают они как вторичные отождествительные имена референтов. В конечном счете такие имена становятся идеологическими индексами (постоянными указателями) лиц противников на общем фоне разоблачительных публикаций

антибольшевистского толка. Ср.: *Как в союзных странах отнесутся к грядущим событиям около Петрограда Лонгэ и Кашэн и все их единомышленники — мы заранее знаем. Они и тогда останутся врагами* [разрядка наша. — Т. К.] *России, какими были до сих пор»* (ОД).

В оценочно-отождествительных актах обвинения в газете «Общее дело» нет риторической огульности, неразборчивости. Обобщение сопровождается ограничительным условием, а обвинение — мотивом оправдания: *Большинство Совета Республики в лице Мартова, Дана, Лемнинского, всех с. д-тов, левых с.-р. и т. д., кроме кадетов, кооператоров, казаков и некоторых примыкающих к ним членов части левых партий, — преступники по отношению к России, для которых может быть только одно оправдание — что они не ведают того, что творят, и являются невольными выразителями воли Вильгельма II* (ОД).

Сочетания с квантором *все* возникают в модусе обвинения как усилители идеи общей ответственности за преступления большевиков. Идеологический субъект настаивает на полной степени идентификации идеологического врага с агенсом преступления. Отождествление большевиков с преступниками мотивируется (*Большевики сделали столько преступлений и такие преступления...*) и затем категорически связывается с идеей наказания. Педалируется устрашающая противника идея *всеобщего* наказания. С этой целью определитель *все* сочетается с вводно-модальными словами *все без исключения; безусловно все они* [пунктуация оригинальная. — Т. К.]: *Большевики сделали столько преступлений и такие преступления, что безусловно все те из них, кто так или иначе принимал ответственное участие в этих преступлениях, должны будут нести личную ответственность, и безусловно все они должны быть преданы суду* (ОД).

Таким образом, выявляется описательный вариант совокупного отождествления с указательными сочетаниями *все те, кто; все те из них, кто; все, кто; все эти*. Парадоксально, что ограничительный смысл со значением условия в этом случае выражает расширительную трактовку обвинения: антибольшевистский ИС жестко настаивает на ответственности попутчиков большевизма. Градационный ряд степеней участия в преступлениях большевизма охватывается всеобщей полнотой ответственности. Ср.: *Все те, кто не боролся и не борется с большевиками как с преступниками и, так или иначе, поддерживает их, тот сам виновен в их преступлениях* (ОД); *И такую же роль невольных «предателей родины» играли и продолжают играть все, кто бежал и бежит теперь за колесницей большевистского Цезаря и по глупости или по иным качествам торжествует* (НГ).

Как видно из контекстов обвинения, идеологическая индексация противника как преступника осуществляется двумя путями: 1) открытым введением политических ярлыков с семантикой 'субъект преступного действия'; 2) косвенным путем, с помощью предикатов с семантикой 'совершать преступления', 'отвечать за свои преступления'. Например: *В советской России, в так называемой Совдепии, власть все еще находится в руках Ленина, Троцкого, Зиновьева, Нахамкеса, Раковского, Петтерса, Дзержинского и К°. Все эти*

господа сплошь — откровенные политические циники, сознательные предатели родины, немецкие агенты, тюремщики, грабители, палачи и убийцы. Свое дело они делают сознательно, с открытыми глазами. **Все**, что за последнее время произошло в России, лежит на их ответственности и на ответственности их партий (ОД).

Стереотипна ироническая окраска статусного наименования *господа* в сочетании с количественно-указательным *все эти*. Сам по себе количественный указатель нейтрален, его собственная окраска зависит от разных стереотипов сочетаемости и социальных представлений. Ср. позитивную окрашенность *все* со словом *люди*: **Все они люди**, глубоко преданные народному делу... (ОД); ...а именно покойные Плеханов и Вера Засулич и нисколько не похожий ни на Плеханова, ни на Засулич, также теперь покойный Туган-Барановский. **Все эти люди** питали к личности Ленина антипатию, граничившую с отвращением, несмотря на идейную и партийную близость того времени (ОД).

Диалогический характер дискурса в модусе обвинения очевиден уже в силу крайней оценочности изложения. Естественен и композиционно-речевой показатель диалогичности. Говорящий нередко сопоставляет утверждение с оппозиционным мнением условного «субъекта дискуссии». Такой риторический ход усиливает утверждение идеи всеобщей ответственности большевиков как проводников политики врага во время войны. В отрывке ниже корректирующее мнение условного оппонента имеет вид альтернативного утверждения (*есть провокаторы и есть не провокаторы*). Оно встроено ИС в ответную фразу согласия. Это формальное согласие завершается каскадом смысловых повторов-опровержений (их 5), а завершается категорической констатацией главного тезиса в необычной форме полемиического двойного отрицания: *есть провокаторы и есть не провокаторы / нет не агентов*. Ср.:

Да, среди большевиков есть провокаторы и есть не провокаторы, но **все они** — бессознательные или сознательные агенты Вильгельма II! **Все они, все без исключения** творят его волю и немецкого Ген. штаба.

<...> Но во всяком случае несомненно, что **все** большевики — агенты Вильгельма II — сознательные или бессознательные. **Все они, без исключения, делают его дело.**

Среди большевиков нет не агентов Вильгельма II! (ОД).

Контекст с количественным противопоставлением фиксирует неожиданное для политических эмигрантов из России положение на конференции в Лозанне, а именно процесс изменения в стане европейской социал-демократии. Бывшие идеологические союзники отождествляются ИС с защитниками большевизма: ...теперь они [большевики. — Т. К.] оправдывались большинством представительских партий всего мира и гласно, под шумные аплодисменты, защищались лидерами различных социалистических партий, лишь при оппозиции **меньшинства** (ОД).

Типичной для критики явилась обобщающая модель стилистически сниженного изложения, состоящая из событийного высказывания (1) и саркастического комментария к нему (2) Ср.: (1) *За Лениным и Троцким в Европе пошли Лонгэ и Кашэны, Рендель и Ляфон, Макдональд и Гендерсон, Гильфердинг и*

Адлер. (2) **Все они** сделались знаменосцами дикой толпы и в то же время сознательно, по расчету сделались и ее послушными белыми рабами — лишь бы она была за них (ОД).

Как видно, в событийном высказывании (1) обозначен мотив измены (тема публикации) и называются имена агентов этого политического действия. Парно увязанный перечислительный ряд лиц — субъектов предосудительного действия (*пошли за...*) носит стилистически сниженный характер (мн. ч. *Кашены*). Оценочный комментарий (2) содержит уничижительную характеристику всей совокупности лиц. Субъекту *все они* соответствует процессуальный предикат неодобрительного оттенка: не становиться, а *сделаться кем-л.* (ср.: *сделка* — ‘соглашение, сговор’, неодобр. фразеол. *сделка с совестью*). Целевая обусловленность (*сознательно, по расчету сделались*) дополняется введением утилитарно-сниженной точки зрения (*лишь бы толпа была за них*). Кроме того, вводятся образные формулы, лексически знакомые, но также сниженные и удобные для повторного использования читателем: *знаменосцы дикой толпы, ее послушные белые рабы*.

Особый случай в субъектно-ориентированных контекстах с семантикой цели составляет использование показателей множества в позиции с творительным орудийным объекта. Например: *В истории не было примера, чтобы какое-либо правительство для того, чтобы победить своего соседа, систематически развивало у него всеми доступными способами **всякого рода** разрушительные и преступные политические течения, как это делала Германия по отношению к России и ее союзникам (НГ); Ленин и во время своей эмиграции **всегда** был циником и сознательно окружал себя мошенниками, ворами и провокаторами. Часто на большевистских съездах, им устраиваемых, делегаты наполовину состояли из провокаторов. Ленин шел к своим целям всеми средствами и всеми путями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Ленин **все время** держался за Малиновского как агента департамента полиции в интересах развития большевизма в России (ОД).*

Наряду со стереотипным выражением «средства» в творительном орудийном используются образные дескрипции — метафоры, эпитеты крайней степени оценки: *Нравственные критерии для него отсутствуют. Для достижения своих целей он готов пользоваться и пользуется всеми средствами, всякими изворотами, готов идти всякими закоулками, самыми гнусными (вспомним отношения этого максималиста с германской полицией, без которых вообще деятельность Ленина перед войной и во время войны не была бы мыслима) (ОД).*

В составе аффективного обращения к противнику выделяется орудийное сочетание «со всеми вашими + объект». Оно принимает стилистически сниженную окраску, чему способствуют уничижительные ряды имен собственных во множественном числе и противительный подтекст ‘несмотря на все ваши потуги, усилия’. Ср.: *Но все-таки господа Мартовы и Натансоны, Черновы и Даны, Лемнинские, а также Ленины, Зиновьевы, Троцкие, Рязановы, Каменевы, — мы вам **со всеми вашими** «Новыми Жизнями» и «Рабочими Путиями», и «Нашими Путиями», с «Советами Р. и С. Д.», **со всеми вашими***

высокими покровителями и попустителями — не дадим погубить Россию... Несмотря на все ваши усилия, Россия не погибнет! (ОД).

Слово *все* в семантическом ряду «идеологические союзники». Модус желания и необходимости. Квантор *все* относится к спаянной по ведущему признаку совокупности лиц, которая именуется по текстам с выраженной адресацией как 1) русские, 2) русские политические деятели, 3) союзники.

1. Совокупность *русские* с усилителем *все* (*все мы*) часто подразумевается в расширительном смысле — русские за границей и русские в России: *Пред всеми нами, русскими, огромное общее дело, и мы должны его разрешить общими усилиями; Теперь прошло время для каких-либо колебаний и выжиданий. Пред всеми нами стоит вопрос: или Колчак, или Ленин! (ОД).* Часть контекстов подразумевает все же ограничительный смысл ‘русские эмигранты’ и ‘единомышленники’. Например, тогда, когда идет речь о появлении Керенского в эмигрантских кругах Парижа: *Нам всем тогда хотелось верить, что Керенский решится посмотреть правде в глаза и не только расскажет нам, как он довел Россию до развала, но и удержит тех, кто впредь был бы способен повторить его ошибки; или тогда, когда речь идет о помощи России со стороны союзников: И мы все поэтому страстно желали бы иметь право громко сказать в ближайшем будущем, что наши союзники — наши союзники — и не на словах только, а на деле (ОД).*

В нью-йоркской «Народной газете» название *русский* больше сопряжено с понятием гражданства. С именем *Россия* ассоциировались наименования разных народов, но предпочитался термин *русские граждане* (подобно стереотипному термину «американские граждане»). Определитель «русские» не был столь актуален, как наименование титульной нации.

Рассмотрим ниже фрагмент, который начинается сочетанием *вся Россия*, подразумевает совокупную, а затем разделительную множественность, включающую квантор ограничительной семантики: *Вся Россия ликовала, когда самодержавие было свергнуто... Все, кроме незначительного числа зубров и бюрократов. Все народности, населяющие великую Россию, клялись в верности революции. Все готовы были защищать родину и революцию от внешних и внутренних врагов.* Далее перечисляются имена народов с собирательным *все* и термом «русские граждане»: *Малороссы, армяне, татары, литвины, латыши, евреи — все гордились тем, что они русские граждане. Россия никогда еще не была так едина и могуча, так страшна — для немецких и австрийских башибузуков (НГ).* Как видно, идея всеобщности связана не только с идеей позитивной множественности (разделительной и собирательной). Проводится исторически выстраданная мысль о важности единства множественного перед лицом многих врагов России (тюрк. *башибузуки* напоминает русскому читателю о войнах с Турцией; по словарю Ушакова: *башибузуки* ‘солдат иррегулярных частей турецкого войска’, перен. ‘разбойник’) [10, 97].

2. Совокупность *русские политические деятели* с квантором *все* связывается в газете «Общее дело» с необходимостью общей программы действий и единства в борьбе с большевиками: *Нас глубоко радует, что принцип*

Учредительного собрания, как идеал, так решительно подчеркивается всеми. Это значит, что возвращения к старому режиму, с одной стороны, и к большевикам, с другой, быть не может. <...> Но именно поэтому **всем русским политическим деятелям** и необходимо признать, что бывшее Учредительное собрание, избранное при совершенно недопустимых условиях, не является выражением народной воли, и доброй трети его членов — большевикам, левым революционерам и некоторым другим — место на скамье подсудимых! (ОД); **У всех находящихся в России** программа в настоящее время сводится к следующему... (ОД); Представители **всех государственных партий** в России, принадлежащие к различным национальностям, должны в настоящее время стоять **всецело** на этой почве (ОД).

В ситуации разлада в стане политэмигрантов, связанного с различными оценками альтернативного большевикам русского правительства в Омске, идеологи газеты «Общее дело» стремились убедить читателей в единстве и перспективности образованного правительства. Квантор *все* усиливает убежденность, демонстрируемую ИС газеты в этом отношении: *Правительство объединяет **всех русских, от социалистов до прогрессистов включительно**. Не только министерские посты заняты в Омском правительстве прогрессивными и демократическими элементами, но и вообще **все** наиболее ответственные места заняты ими (ОД); **Все они люди** глубоко преданные народному делу и доказали свою преданность делу повседневной упорной культурной и политической работой, годами тюрьмы и самыми тяжкими испытаниями. **Все они** идут рядом, и **все** с полным отрицанием относятся к той гражданской войне, которую развили год тому назад большевики (впрочем, не только одни большевики) с помощью немцев (ОД).*

3. Совокупность *все наши союзники*, идентифицируемая в желаниях ИС, актуализирует идею эмигрантов видеть непротиворечивое единство блока антибольшевистских сил в борьбе за Россию. В критический момент такой борьбы в 1919 г. политические эмигранты считали своим правом требовать от союзников координированных действий: *Такое же заявление **все союзники** теперь же обязаны сделать коллективно и в будущем провести это решение в жизнь без послаблений*. В контексте противоречий между недавними единомышленниками актуален был не только вопрос координации, но и вопрос идентификации союзников: ***Перед всеми союзниками** сегодня мы ставим вопрос: Кто вы? — Союзники наши или нет? Идеологема *наши союзники* не просто нуждается в речевом действии подтверждения, согласно ИС. В модусе желания сигнификативный смысл противопоставлен отождествительному. Ср.: *...страстно желали бы иметь право громко сказать в ближайшем будущем, что наши союзники — **наши союзники** — и не на словах только, **а на деле*** (ОД).*

Аффективная сопряженность множественного и единичного

Положение дел в России оценивается с позиций идеологического субъекта как моральное и правовое нарушение большевиками демократических ценностей и общечеловеческих норм. Отклонение от общепризнанного или обще-

принятого вызывает эффект неприятия (осуждения, негодования), порождая контрастный по структуре и обвинительный по модусу наклон оценочного изложения.

1. Семантический контраст кванторов множественности и единичности (все/один). Эксплицированному модусу обвинения сопутствует аргументативный характер речи в составе речевых форм комментария или рассуждения. Под контрастом здесь имеется в виду логическая несообразность или парадоксальное несоответствие количественных показателей в пропозитивной структуре высказывания. В роли актантов выступают разнообразные имена субъектов политических действий (*рабочие, интеллигенты; министр, теоретик марксизма, бунтарь; рабочий класс, гарнизон, вооруженная сила, власть*) и отвлеченные идеологемы (*политические свободы, преступление думать иначе, сознательная социалистическая величина, предпосылки демократии, равное избирательное право*). Оба типа дескрипций взаимодействуют благодаря смысловому акценту на количественные множители. Рассмотрим явление квантификативного контраста на материалах разной жанровой принадлежности.

Модус обвинения в событийном комментарии. *Все свободы отменены ими, и каждый день китайские, латышские наемники расстреливают сотни рабочих и интеллигентов, виновных в единственном преступлении — думать иначе, чем большевики (НГ).* В морально-правовой оценке повторяющихся (обычных) событий ИС газеты делает акцент на логической несообразности. Интерпретация вины жертв террора отражает в утрированном виде точку зрения большевиков. Основание террора имеет идеологически общий характер, что выражается единственным числом дескрипции: *преступление думать иначе*. Сравните также: *Гарнизон — т. е. 200,000 местных штыков — назначает министерство, ибо ясно, что неугодного министерства он не потерпит. Единство власти будет зависеть от единства гарнизона. Вся остальная Россия будет «слушаться».* Контраст исчисляемой единичности (*гарнизон — 200,000 местных штыков*) и неисчисляемой совокупной множественности (*вся остальная Россия*) выражает циничную, с позиций ИС, расчетливость противника.

Модус обвинения в составе рецензии. Идеолог нью-йоркской ЭГ полемизирует с автором пропагандистской статьи о Ленине, уличая в логическом несоответствии сказанного им действительному положению вещей: *Один из крупных «партийных божков», теоретик социализма, бунтарь эмигрантских кружков, долгие годы проживавший за границей, он был популярен лишь в среде маленькой горстки русских людей и об его существовании меньше всего подозревал многомиллионный русский народ, ибо и весь-то рабочий класс как сознательная социалистическая величина, по сравнению с многомиллионной массой темного и малосознательного народа, был и есть только «горсть» народа (НГ).*

Полемическая аргументация строится на контрасте количественного несоответствия. Контрастируют: а) наименования с семей единичности (*один, он; божок, теоретик, бунтарь; маленькая горстка людей*) и наименования

с семантикой 'нерасчлененная совокупность' (*многомиллионный русский народ*); б) совокупности, несопоставимые по объему и поэтому негодные для отождествления, предпринятого писателем (*весь рабочий класс, «горсть» народа / многомиллионная масса народа*).

Модус обвинения в статье. Изложение фактов как аргументов обвинения оформляется чередой противоположений с акцентом на кванторы *все — один*. В одиночных действиях противника отмечается не только противоречие общественному мнению, но упорное сознательное противодействие: *Связь Малиновского с жандармами особенно не могла не стать ясной для Ленина и для других большевиков, когда Малиновскому пришлось уйти со скандалом из Государственной Думы и когда о его провокаторстве говорили все. Ленин, тем не менее, и тогда продолжал сознательно прикрывать Малиновского, как нужно-го ему человека, и писал о нем как о лучшем большевистском деятеле; ...когда было для всех очевидно <...> Ленин повел тогда в защиту Малиновского страстную кампанию в печати против всех его обвинителей (ОД).*

2. Семантическое сближение кванторов множественности и единичности (все — один). Понятие *сблизить* имеет пространственный аспект значения 'поместить на близкое расстояние друг к другу', и его можно отнести к речевым приемам субъекта-оператора. Иной смысл сопровождает понятие *сблизиться* в значении 'устранить резкие различия между чем-л.', 'найти сходство между чем-л.'. По контекстам этот аспект политический: он относится к идее согласия или, что актуально для ИС газеты, — к желаемому единству союзников (субъектов пропозиции). Выбирая термин *сближение*, мы имеем в виду оба аспекта (коммуникативный и пропозитивный) в их операциональной расчлененности.

Оба аспекта связаны с модусом желания и коммуникативным расчетом ИС убедить читателя — союзника газеты. В модализованном дискурсе проводится мысль о необходимости сближения и единства разных сил при многих различиях. Политические субъекты, каковыми являются в представлении говорящего *народы, племена, партии, демократические элементы, рабочие, крестьяне, дворяне* и др., интерпретируются ИС как потенциальные или реальные союзники в положении кризиса. Идея проводится с опорой на смысловое и внутрифразовое сближение кванторов *все и один* (варианты: *единый, единственно, объединение*). Ср.: *...они выбрали бы единственно пригодный для этого путь — путь объединения **всей** живой России, **всех** демократических элементов народа и общества под **одним** лозунгом: спасение родины и революции, освобождение России от иноземного ига (НГ); Генерал Деникин нас учил, что нет ни крестьян, ни дворян, ни рабочих, а есть **один русский народ**. Пусть же Русь объединит **все** народы, **все** сословия, и будет **единая** могучая великая Россия! (ОД); **Единая демократическая Россия** — еще не факт, но уже не мираж. Она — залог замирения и свободного симбиоза и сотрудничества **всех** народов и племен, населяющих огромную территорию бывшей российской империи (ОД).*

Идеологическое единство разделительного множества выражается в высказывании прямо или косвенно (показателями признаковой семантики): *Они*

[союзники. — Т. К.] *идут*, — и **всероссийское** дело связывается с делом **всемирно-историческим**.

Сближением множественного и единичного отличается формула *союз всех* (ср.: *все как один*). Для усиления мысли о единственной возможности достигнуть желанной цели формула *союз всех* сопровождается выделительно-ограничительной частицей *только*. Исключается условие достигнуть желаемого ограниченными союзами партий. Введенный постулат дублируется, пропагандистская речь своей категоричностью, энергичными повторами, оценочными контрастами напоминает речь агитационную. Ср.:

Только союз всех государственных партий, начиная с левых, кончая умеренными, может спасти Россию.

Только этот союз сможет покончить с большевиками и начать в настоящее время обновление России, а в будущем вывести ее на путь свободного развития. Это аксиома. Выполнить настоящую задачу **одним** левым или **одним** умеренным партиям — не по силам.

Представители всех государственных партий в России, принадлежащие к различным национальностям, должны в настоящее время стоять **всецело** на этой почве.

Если же союз всех этих государственных партий не будет создан, то нашей родине предстоят впереди все новые и новые несчастья от всё развивающейся и развивающейся анархии в стране (ОД).

Итак, семантическим сближением кванторов множественности и единичности характеризуются контексты с идеей спасения России.

Подведем некоторые итоги.

1. С когнитивно-семантической и функциональной точек зрения квантор *все* занимает свое место между условными контрапунктами *референция* (предметно-отождествительный план содержания) и *оценка* (подчеркнутая аффективность смыслового акцентирования). Внутренне аффективный дискурс соответствует психологическому состоянию говорящего и его субъективированной картине мира. В антибольшевистской газете это состояние и умонастроение идеологического субъекта выражается разоблачающим модусом обвинения или целеобразующим модусом желания. При этом именно эмоциональное переживание, которое возникает при напряженном ожидании субъектом желаемого, предвосхищающем вероятность его свершения, определяет окраску дискурса.

2. Страстная напряженность, интенсивность эмигрантского антибольшевистского дискурса есть не что иное, как смысловой эффект количественных вариаций в актантной и модальной структурах пропозиции с квантором *все*. Эти вариации в разнообразной форме по своему эффекту близки к понятию чрезмерности. Кванторное слово действует в пропагандистском дискурсе как резонатор, создающий болезненную аффектацию речи, связанную с модусами обвинения и желания (необходимости).

3. Слово *все* вбирает в себя из контекста интеллектуальные и аффективные содержания. Хотя референция слова проявляется прежде всего в связях

с именами предметно-отождествительной семантики, однако аффективно выраженная идея общего в кванторе *все* нередко нивелирует предметный уровень референции сглаживанием разделительной множественности до совокупности. Такие сочетания *все* с конкретными именами исчисляемых референтов наблюдаются в высказываниях информационного типа. Но даже в информационном дискурсе эмигрантских газет квантор *все* тяготеет к оценочности и нередко выступает в составе метафоры-обобщения, а конкретные имена-референты подтверждают оценку.

4. В разных контекстах идея всеобщности предстает как риторическая. Когда слово *все* работает усилителем, после его изъятия экспрессивность в потоке сказанного уменьшается. Усилитель в таком случае близок к излишеству преувеличения, а контролируемость речевого потока понижается. Заметим: сам по себе количественный показатель нейтрален. Окраска слова *все* зависит от разных стереотипов сочетаемости, в конечном счете — от представлений говорящего.

5. В антибольшевистском газетном дискурсе состояние сознания, умонастроение коллективного субъекта характеризуются модусом обвинения, целеобразующей модальностью желания и необходимости. Общая картина мира в России связывается с моральным и правовым нарушением большевиками общечеловеческих норм и принципов демократии. Эффект неприятия порождает контрастный по структуре и обвинительный по интенции уклон оценочного изложения. Повсеместно возникают усилители идеи всеобщей ответственности за преступления большевиков в России.

---

1. Арутюнова Н. Д. От редактора // Логический анализ языка: избранное (1988–1995): I. Знание и мнение. М., 2003, С. 44–46.

2. Греймас А.-Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей: от состояния вещей к состоянию души : пер. с фр. М., 2007.

3. Зеленищев А. В. Пропозиция и модальность. СПб., 1997.

4. Краснова Т. И. Субъективность — модальность. СПб., 2002.

5. Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2005.

6. Падучева Е. В. Идея всеобщности в логике и естественном языке // Вопр. языкознания. 1989. № 2. С. 15–25.

7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 2-е изд. М., 2001.

8. Петренко В. Ф. Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 18–30.

9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981.

10. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Статья поступила в редакцию 20.01.2014 г.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СИТУАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА, В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ*

Исследуются представления о деятельности Наполеона Бонапарта в российской национальной исторической памяти. Проанализированы упоминания в современной российской прессе о прецедентных ситуациях, связанных с императором. Выявлено, что чаще других упоминаются урбоним *Тулон*, гидроним *Березина*, хрононимы *100 дней* и *18 брюмера*, названия островов *Эльба* и *Святой Елены*, обозначающие поля сражений топонимы *Бородино*, *Аустерлиц* и *Ватерлоо*. Выявлены смысловые трансформации, характерные для использования соответствующих онимов в современных условиях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прецедентная ситуация; историческая память; национальная картина мира; формы исторической памяти; Наполеон Бонапарт; Ватерлоо; Березина; Аустерлиц; Бородино; 100 дней; 18 брюмера; Тулон; Эльба.

Национальная историческая память — это комплекс представлений, суждений, образов, мифов, стереотипов, архетипов, образующих национальную историческую картину мира, включающую представления о течении истории, о наиболее ярких событиях, о героях и злодеях, о блистательных победах и трагических неудачах. Как показывает специальный обзор, проблемы национальной исторической памяти привлекают пристальное внимание историков [5, 6], однако для осмысления названного феномена вполне возможно использовать и методологию других наук, в том числе филологические методики, к числу которых относится фиксация, систематизация и когнитивный анализ упоминаний о тех или иных событиях прошлого в современных СМИ. Такой материал нередко служит журналистам для сопоставления с современными ситуациями, «дела давно минувших дней» воспринимаются как ориентиры для оценки действий политических лидеров нашей эпохи, как источник аналогий при поиске путей для решения сложных проблем или оценке современных политических лидеров.

При выявлении компонентов национальной исторической памяти специалисты традиционно обращаются к рассмотрению художественной литературы, фольклора, к анализу произведений искусства, к топонимам (например, названиям улиц и населенных пунктов) и другим именам собственным (например, названиям кораблей), а также к изучению фразеологии, метафорики и

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ 2014/392, проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность».

НАХИМОВА Елена Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: nakhimova@gmail.com).

афористики, к рассмотрению материалов современных энциклопедий и справочников. При лингвистическом подходе к исследованию исторической памяти может быть использована созданная Ю. Н. Карауловым и его последователями (Н. В. Васильева, Л. И. Гришаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Е. А. Нахимова, Н. М. Орлова, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин и др.) теория прецедентных феноменов, в рамках которой разграничиваются прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные тексты. Эта теория разграничивает прецедентные феномены, связанные, с одной стороны, с миром искусств, а с другой — с миром реальности, в том числе с его исторической составляющей (Е. А. Нахимова, Г. Г. Слышкин и др.).

Основным источником для настоящего исследования стали современные российские печатные СМИ, в том числе материалы «Национального корпуса русского языка» (публицистический подкорпус) и материалы, представленные на сайтах ведущих общероссийских изданий с максимально высоким тиражом («Аргументы и факты», «Завтра», «Известия», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Новое время», «Российская газета», «Труд» и др.). Был использован также специализированный полнотекстовый корпус, включающий тексты из 228 федеральных и региональных российских периодических изданий начала XXI в. Указанный корпус был создан Э. В. Будаевым, который неоднократно использовал его материалы в своих исследованиях [1, 2] и предоставил соответствующие материалы для нашей работы.

По специальной методике в указанных материалах были выделены относящиеся к прошлому имена зарубежных политических лидеров (как правило, это были главы государств и правительств), которые в том или ином контексте были названы в рассмотренных массмедийных текстах [4, 263]. Первую десятку по степени частотности упоминаний составили следующие прецедентные имена: Гитлер (6 653 употребления), Наполеон (4 401), Черчилль (1 893), Гай Юлий Цезарь (1 564), Мао Цзэдун (1 462), Де Голль (1 440), Джон Кеннеди (1 374), Елизавета II (1074), Франклин Д. Рузвельт (964), Ганди (936).

Отметим, что при исследовании исторической памяти важно учитывать не только частотность упоминаний о том или ином политическом лидере, но и контекстуальные характеристики соответствующих упоминаний, в том числе обозначение прецедентных событий, о которых идет речь.

В соответствии с представлениями современной когнитивной лингвистики, прецедентная ситуация — это «некая “эталонная” ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу; означающим прецедентных ситуаций могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, *Ходынка*, *Смутное время*) или непрецедентный феномен» [3, 47]. При рассмотрении вопроса о прецедентном характере ситуации следует учитывать широкую известность соответствующего имени собственного, его высокую частотность и возможность образного (метафорического) употребления. Целесообразно также учитывать общекогнитивный принцип «фамильного сходства», т. е. в каче-

стве дополнительных (но не обязательных, а факультативных) критериев прецедентности учитывать графические признаки (написание со строчной буквы), пунктуационные признаки (использование кавычек), морфологические признаки (образование форм множественного числа), синтаксические признаки (использование специфических схем предложения и атрибутивных сочетаний).

Исследование показало, что в современной массовой коммуникации представлены следующие прецедентные ситуации, связанные с деятельностью Наполеона Бонапарта.

1. Урбоним **Тулон**. Взятие Тулона стало первой важной победой Наполеона Бонапарта, которая открыла ему путь к дальнейшим успехам. Названная прецедентная ситуация обычно обозначается прецедентным урбонимом *Тулон*, который в современных российских СМИ часто служит образным обозначением первого большого успеха (необязательно в военной сфере), который способен стать основой для блестящей карьеры. Ср.:

Нет ничего полезнее для рейтинга, нежели быстро и решительно погашенный (замоченный) антиконституционный очаг! Но где, где найти этот очаг, этот **Тулон** государственного еще не мужа и уже не жениха в наших осоловевших от безмятежности краях?! (*Новая Сибирь*).

Доклад понравился. И это определило мидовскую карьеру Лукина. Он становится завотделом МИДа. Вот его **Тулон**! Один доклад – и рядовой безвестный кандидат наук становится завотделом МИДа (*Завтра*).

2. Хрононим **18 брюмера**. День *18 брюмера* (9 ноября 1799 г.) – это дата переворота, который лишил власти Директорию и привел к власти Наполеона Бонапарта. Кстати, разогнанная Наполеоном Директория получила власть после государственного переворота, который произошел 27 июля 1794 г. (9 термидора II года по республиканскому календарю). Поэтому хрононимы *18 брюмера* и *9 термидора* нередко используются в смежных контекстах, в том числе для характеристики современных политических потрясений. Ср.:

Большевики, непревзойденные мастера по части планомерного сюрра, могли на голубом глазу заставить несколько поколений жить и умирать внутри каких-нибудь, прости господи, **брюмеров** и **термидоров** в честь светлой памяти братской Парижской коммуны (*Новая газета*).

18 брюмера газовых поставщиков (*заголовок*). Принципы торговли газом в СНГ в ближайшем будущем радикально изменятся. С 2009 года цена экспортируемого среднеазиатского газа вырастет до европейского уровня (*Эксперт*).

В Советском Союзе широкую известность имела статья Карла Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта», посвященная истории переворота, который совершил Наполеон III (племянник великого императора). К этому прецедентному названию восходят многие случаи образного употребления хрононима *18 брюмера*. Ср.:

А то, что происходит у нас сегодня, – это в гораздо большей степени постреволюционная ситуация. Это больше напоминает то, что происходило во Франции после

18 брюмера Луи Бонапарта. Причем это не имеет никакого отношения к личностям, персональные аналогии тут совершенно неуместны (*Литературная газета*).

18 брюмера Владимира Путина. Ждать осталось недолго (*Итоги*).

3. Топоним **Аустерлиц**. Следующая прецедентная ситуация, которая часто упоминается в современной российской массовой коммуникации в связи с победами Наполеона, — *Аустерлиц*. Это была одна из крупнейших битв армии Бонапарта, позволившая ему продиктовать условия мира России и Австрии. Несколько удивляет тот факт, что *Аустерлиц* в одних случаях выступает как символ крупной победы (видимо, это восприятие со стороны французов), а в других — как символ жестокого поражения (видимо, это восприятие со стороны русских и их союзников по коалиции). Отметим также, что при метафорическом использовании топоним *Аустерлиц* вовсе не обязательно предполагает военные победы и поражения. Ср.:

До власти Шешель впервые добрался осенью 96-го. Сразу после оглашения итогов выборов Шешель сравнил свой скромный триумф с **Тулонской** победой Наполеона. Час **Аустерлица** пробил годом позже: лидер Радикальной партии вошел в республиканское правительство (*Общая газета*).

Скучно играть на сцене одно и то же. Вот артисты и забавляются: в самые трагические моменты кто-то вдруг начинает хохмить. Высший пилотаж — «не расколоться», когда смешно. Это героический поступок, наполеоновский **Аустерлиц** (*Новая газета*).

Для наших соотечественников Аустерлиц — это еще и прецедентное имя, связанное с романом Л. Н. Толстого «Война и мир», что нередко акцентируется при помощи микроцитат и иных аллюзий. Ср.:

Закончилась горизонтальная история человечества — феодализм, капитализм, социализм — пришла пора вертикальной. И увидеть небо **Аустерлица** нам всем еще предстоит. Предстоит упасть, как **Андрей Болконский**, со знаменем, каждый своего Отечества в руках и увидеть, что над тобой-то, оказывается, то, куда ты еще не ходил (*Завтра*).

Войдя в зал заседаний, адвокат Хамзаев с победным видом начал раздавать интервью, изобилующие художественными аллюзиями. В одном из них он заявил: «Кончилось утро стрелецкой казни, над Ростовом поднимается солнце **Аустерлица**». Что имел в виду адвокат, присутствующие узнали через несколько минут. В суд было представлено ходатайство из Главной военной прокуратуры РФ о замене гособвинителя (*Коммерсант-DAILY*).

4. Топоним **Бородино**. Для русского национального сознания битва на Бородинском поле давно уже стала символом великой победы над армией Наполеона. Поэтому закономерно, что именно в этом смысле оним *Бородино* используется в современных отечественных СМИ. Показателен, в частности, следующий контекст, в котором названы три величайших в истории России битвы:

Свою отвагу, стойкость, патриотизм русские проявляют лишь в урочный час, когда история выводит их на Поле Куликово, на **Бородино**, на Сталинградскую битву, то есть когда решается вопрос — «быть России или не быть» (*Завтра*).

Отметим также, что в современных СМИ прецедентный топоним *Бородино* чаще всего образно обозначает не военную битву, а решающее столкновение в политической или экономической сфере. Ср.:

Отчего же, казалось бы, такая серьезная западная фирма так не менее серьезно просчиталась и прослезилась, получив полный дефолт в масштабах отдельно взятой сметы? Украинские эксперты кивают на французов, мол, допустили ряд досадных ошибок уже при проектировании, а затем и строительстве хранилища. Французы же в свою очередь винят руководство ЧАЭС в предоставлении некорректных исходных данных. В общем, у каждой из сторон — свое Бородино (*Российская газета*).

Ежедневных **Бородино** никакая родина не выдержит. Сегодня, однако, ежедневные Ватерлоо, способствуя биржевой игре и произнесению вслух волшебного слова «инсайд», ничуть не противоречат конкурентоспособности, устойчивому росту etc. российской экономики (*Известия*).

5. Гидроним **Березина**. Еще один широко известный символ поражений Наполеона Бонапарта в России — река *Березина*. Как известно, при форсировании этой реки Наполеон едва не попал в плен, но ему удалось бежать, бросив на произвол судьбы свою армию. Эта прецедентная ситуация широко отражается в современных российских СМИ, выступая как образное обозначение жестокого поражения. Ср.:

Высокопоставленным членам вашингтонской администрации все чаще приходится заявлять, что присутствие американских войск в Ираке — дело временное и скоро закончится. Запахло если не новым **Ватерлоо**, то как минимум новой **Березиной** (*Коммерсант*). История посмеялась над Ельциным, уготовив ему на последние два года правления «горбачевскую осень». Но свое **Бородино** он проиграл вчистую. Поэтому будет отступать, как Наполеон из Москвы. Так что мы еще увидим и **Березину**, и **Дрезден**. Но **ста дней** и **Ватерлоо** уже точно не будет. На это сил у него уже не осталось (*Новая газета*. 1998. 2 нояб.).

Обратим внимание на то, что в рассматриваемых примерах, помимо прецедентного гидронима *Березина*, использованы символические топонимы, связанные с именем Наполеона Бонапарта, — *Бородино*, *Дрезден*, *Ватерлоо*, а также прецедентный хрононим *100 дней* (о двух последних онимах речь пойдет ниже).

6. Топоним **Ватерлоо**. Самым большим поражением в истории Наполеона считают битву при Ватерлоо, и вполне закономерно, что *Ватерлоо* оказалось самым распространенным топонимом из числа связанных с прецедентным миром «Империя Наполеона Бонапарта». Чаще всего Ватерлоо выступает как символ катастрофического поражения, однако в подобных текстах, как правило, рассказывается вовсе не о военных действиях. Ср.:

Последние выборы в Думу и губернатора области стали для региональной организации КПРФ полным **Ватерлоо** (*Тверская жизнь*).

Провал был оглушительным. Для продвинутых зрителей невыносимо лицезреть развесистую клюкву на темы Азефа и Савинкова. Наш Наполеон от ТВ запомнил свое **Ватерлоо**. И решил взять реванш с помощью «Азазеля» (*Время МН*).

Как известно, поражение Наполеона при Ватерлоо одновременно означало грандиозную победу войск Великобритании, Пруссии и Австрии. Видимо, авторы некоторых публикаций используют прецедентный им *Ватерлоо* как символ выдающейся победы. Ср.:

На мировом рынке среди компаний-конкурентов, изготавливающих идентичные по функциям и качеству продукты, за «привилегированные» цвета идет настоящая война. «Кока-кола» полностью, окончательно и необратимо вытеснила «Пепси» с красного цветового поля, что для понимающего человека равнозначно победе при **Ватерлоо** (*Биржа*).

Показателен и следующий контекст, в котором отражена важная деталь исторического представления о рассматриваемой прецедентной ситуации.

Когда союзники Гончара со своим ОМОном пожаловали через полтора часа на ГОК, акционера уже и след простыл. Они собрали людей Гончара, тосковавших в заводском профилактории в ожидании пленения и смерти, и вывезли останки разгромленной армии в Екатеринбург. ОМОН, как **Груши при Ватерлоо**, опоздал на пару часов (*Известия*).

7. Названия островов (*остров Эльба* и *остров Святой Елены*) как символы пребывания в заточении и изгнании. Как известно, следствием поражений Наполеона стало его вынужденное пребывание сначала на острове Эльба в Средиземном море, а затем на еще более далеком острове Святой Елены, затерявшемся на просторах Атлантического океана. В современных российских СМИ эти события регулярно используются в качестве прецедентных. Ср.:

Во всем этом есть элемент аффектации, потому что лично Лужкова и его супругу Елену никто не собирается высылать на какой-нибудь русский **остров Святой Елены**. Все-таки мэр — не Наполеон, хотя у него и состоялось свое **Ватерлоо** (*Gazeta.ru*).

Горбачев узнавал новости о событиях в Москве из угрюмых, как сводки Совинформбюро, реляций ГКЧП. Очутившись за тройным кольцом оцепления, он оказался в положении Наполеона на **острове Эльба**, правда, с одной существенной разницей: чтобы «высадиться на континенте» и вернуться в столицу ему в отличие от французского императора приходилось рассчитывать не на свою «гвардию», а на политических соперников (*Российская газета*).

8. **Потеря Москвы**. В национальной памяти русского народа присутствует прецедентная ситуация «Потеря Москвы как средство достижения победы». Как известно, фельдмаршал Кутузов в самый сложный момент кампании против Наполеона принял решение сохранить армию, пожертвовав при этом столицей. Это позволило в дальнейшем не только вернуть свою столицу, но и дойти с боями до Парижа. Соответствующие аллюзии в современных СМИ, как правило, связаны не с военными действиями, а с развитием политической и экономической ситуации. Например, известный экономист, бывший мэр Москвы Гавриил Попов пишет:

Когда-то Кутузов сказал: потеря Москвы еще не потеря России. Я думаю, что потеря СССР еще не потеря России. Сохранится Россия, возродится как процветающая страна — к ней потянутся те, кто тоже хочет процветания. СССР в XXI веке не-

возможен, а вот новое объединение — типа европейского сообщества — возможно (*Московский комсомолец*).

Показателен и следующий пример:

Когда-то, чтобы защитить Россию, фельдмаршал Кутузов сдавал Москву. С полным пониманием, что есть главное и второстепенное. Разумеется, наши чиновники не полководцы, да и о сдаче «Москвы» речь не идет. Лишь о том, что демонстрация силы и возможностей оградить внутренний рынок колючей проволокой не свидетельствует о защите интересов страны. Разумный компромисс и стратегическое видение — вот что действительно в интересах России. И ее производителей тоже (*Независимая газета*).

9. Хрононим **100 дней**. Как известно, вскоре после ссылки на остров Эльба Бонапарт предпринял попытку вернуться к власти. За 100 дней 1815 г. Наполеон успел сделать многое: он бежал из ссылки, с горсткой соратников высадился во Франции, без единого выстрела дошел до Парижа, вновь обрел престол, собрал армию, проиграл сражение при Ватерлоо, отрекся от короны и был сослан на остров Святой Елены. С тех пор 100 дней правления выступают как особый прецедентный хрононим, который постоянно используется в современных российских СМИ. Однако в современных условиях прецедентный оним *100 дней* может использоваться в двух смыслах. В первом случае речь идет о том, что соответствующий политик едва ли удержит власть надолго. Ср.:

Российские средства массовой информации сравнивают возвращение Бориса Березовского на политическую сцену с возвращением Наполеона с острова Эльба. Продолится ли это возвращение более **100 дней**, целиком зависит от того, сохранит ли Березовский близкие отношения с президентом Ельциным и его окружением (*Эфир-дайджест*).

Во втором случае прецедентная ситуация *100 дней* обозначает не временное возвращение к власти, а первые сто дней после получения властных полномочий. Считается, что после этого срока уже можно подводить некоторые итоги вхождения политика во власть. Ср.:

На днях Сергей Собянин намерен созвать консультативный совет, чтобы подготовить программу краткосрочных мер, рассчитанную **на первые сто дней** его губернаторского правления. Этот этап, вошедший в политическую практику с легкой руки Наполеона Бонапарта, многие понимают как дистанцию, на которой вновь избранному политику прощаются ошибки. Что-то вроде обкатки (*Тюменский курьер*).

10. **Кампо-Формийский мир**. Показательно, что все рассмотренные выше прецедентные события в истории Наполеона Бонапарта, как правило, упоминаются в прессе без дополнительных комментариев, т. е. предполагается, что они хорошо известны читателям. В этом ряду особое место занимает Кампо-Формийский мир, который не относится к числу событий, хорошо известных в России, а поэтому требует специального комментария. В следующем контексте это прецедентное событие служит своего рода аналогией для рассуждений о действиях мэра Москвы Юрия Лужкова, который якобы намеренно действовал «по рецептам» Бонапарта, выстраивая свои отношения с губернатором

Московской области генералом Б. В. Громовым и руководителем российского правительства М. Е. Фрадковым. Ср.:

Изучив историю Кампо-Формийского мира, который был заключен между Французской республикой и Австрией, Ю. М. Лужков понял, как решить вопрос. Тогда Франция прирезала себе итальянские и прирейнские владения Австрии, но из соображений тактичности было решено как-то компенсировать Вене ее потери. Генерал **Бонапарт** по этому случаю присоединил к австрийской короне Венецианскую республику, которая блюла строжайший нейтралитет и никак не участвовала в войне — что, впрочем, никого не остановило. Ю. И. Лужков решил выступить в качестве **Бонапарта**, М. Е. Фрадкову была отведена роль императора Франца, а венецианским дожем назначили главу Московской области Громова — в дипломатической ноте, направленной Фрадкову, Лужков потребовал передать ему лосиноостровские деньги, а территориальную компенсацию за них получить с нейтрального Громова (*Известия*).

Подробного объяснение потребовало еще одно связанное с Наполеоном событие — закрытие клуба якобинцев. Современный журналист проводит аналогию между тем, как якобинцы реагировали на поступок министра полиции Фуше, и тем, как воспринимают действия властей современные радикалы. Ср.:

При гражданине Первом консуле бывший якобинец и террорист, а в описываемую эпоху — министр полиции **Жозеф Фуше** решил закрыть Якобинский клуб, члены которого продолжали заседать и говорить речи в манере А. С. Политковской. Сам Бонапарт высказывал опасения, что при закрытии клуба якобинцы пустят в ход кинжал **Брута**, но **Фуше** его успокоил, и, как выяснилось, совершенно правильно. Когда министр лично явился в клуб навешивать на двери амбарный замок, ораторы, вместо того чтобы в соответствии со своими же речами дружно броситься с кинжалами на душителя свободы, тихо удалились, что-то невнятно бормоча. Как отмечал историк, «Фуше рассчитал правильно: с мужчинами борются, болтунов умирляют одним словом» (*Известия*).

Показательно, что в рассматриваемом контексте используется еще одна прецедентная ситуация — убийство римского императора Юлия Цезаря группой заговорщиков, в числе которых был Брут, который считался другом императора.

Особый интерес представляют случаи, когда обозначение прецедентной ситуации выносится в заглавие текста, в результате чего использование ресурсов прецедентности становится важнейшим стилистическим приемом, определяющим связность и выразительность соответствующей статьи. Этот прием удачно использует Мэлор Стуруа, статья которого под названием «Расстрел герцога Энгиенского» опубликована в газете «Московский комсомолец». Для того чтобы выстроить аналогии между репрессиями, направленными, с одной стороны, на французского аристократа, казненного два столетия назад, и российского олигарха Владимира Гусинского, осужденного в постсоветскую эпоху, автор начинает с исторического экскурса:

Когда Наполеон дал добро на расстрел герцога Энгиенского, мудрейший Талейран изрек: «Это хуже, чем преступление. Это ошибка». Дело в том, что Наполеон, превра-

тившись из первого консула республики в императора французов, добивался легитимизации своей власти. Расстреляв герцога Энгийенского, находившегося в родственных отношениях со многими европейскими правящими династиями, Наполеон добился лишь того, что за ним еще больше укрепилась репутация узурпатора.

Мэлор Стуруа включает в текст объемный исторический комментарий, поскольку не уверен в том, что данная прецедентная ситуация относится к активному ядру ментально-вербального лексикона наших соотечественников, а поэтому простого упоминания о судьбе французского герцога будет недостаточно.

Далее автор переходит к историческим сопоставлениям, отмечая при этом, с одной стороны, их условность, а с другой — соответствие ситуации:

Конечно, Гусинский не герцог Энгийенский, а Путин, слава Богу, не **Наполеон**. Исторические параллели имеют свои границы. Но в данном конкретном случае они вполне уместны. Недаром мой коллега по фонду Карнеги Майкл Макфол назвал арест Гусинского «немыслимой глупостью» со стороны Путина.

Отметим, что осторожный журналист, квалифицируя действия власти и возможную реакцию на них, использует слова зарубежного автора.

Важно учитывать, что рассмотренные упоминания о прецедентных ситуациях отражают особенности именно российской национальной памяти о событиях, связанных с Наполеоном Бонапартом. Одни и те же исторические ситуации неодинаково фиксируются исторической памятью различных народов: для наших соотечественников *Бородино* — это великая победа русского оружия, но в представлении французов в битве под Москвой победила армия Наполеона, тогда как в национальной памяти испанцев присутствуют совсем другие топонимы, символизирующие разгром французских оккупантов. Соответственно *Ватерлоо* для французов — символ величайшей катастрофы, но для наших соотечественников, как и граждан других стран, входивших в антинаполеоновскую коалицию, — это образное обозначение окончательной победы, венчающей длительную войну.

Национальный компонент в восприятии прецедентного события часто определяется аксиологическими характеристиками, которые зависят также от потребностей современности, от социальной атмосферы, от политических взглядов автора и задач конкретной публикации. В частности, в соответствии с современной ситуацией прецедентные ситуации, связанные с военной деятельностью Наполеона Бонапарта, служат метафорическим обозначением событий в экономической и политической жизни России.

При лингвистической классификации репрезентантов рассмотренных прецедентных ситуаций зафиксированы урбоним *Тулон*, гидроним *Березина*, хронимы *100 дней* и *18 брюмера*, названия островов *Эльба* и *Святой Елены*, обозначающие поля сражений топонимы *Бородино*, *Аустерлиц* и *Ватерлоо*, антропоним *герцог Энгийенский*. В конкретных текстах прецедентные онимы, связанные с именем Наполеона Бонапарта, часто выступают как целостные комплексы, когда упоминание одного из них (особенно в заглавии текста) влечет за собой использование других онимов, относящихся к указанному прецедентному миру.

Проведенное исследование показывает, что абсолютное большинство рассмотренных прецедентных событий упоминается в современных российских печатных СМИ без каких-либо пояснений, т. е. предполагается, что наши соотечественники легко понимают соответствующие метафоры и аллюзии. Это свидетельствует о том, что прецедентное имя *Наполеон Бонапарт* и связанные с ним прецедентные ситуации по-прежнему занимают важное место в российской национальной картине мира, хотя арсенал соответствующих прецедентных онимов относительно невелик.

1. *Будаев Э. В.* Сопоставительный анализ политической метафоры // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2009. № 3 (67). С. 106–114.
2. *Будаев Э. В.* Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Полит. лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 10–23.
3. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М., 2002.
4. *Нахимова Е. А.* Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации : дис. ... д-ра. филол. наук. Екатеринбург, 2011.
5. *Ретина Л. П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.
6. *Ретина Л. П.* Национальная история, историческая память и «история историков» // Вестн. российской нации. 2010. № 3. С. 65–77.

Статья поступила в редакцию 10.03.2014 г.

УДК 070.2(470.51)(091)

Г. И. Старкова

МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕССА 1920–1930-х гг. В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ УДМУРТИИ

Впервые показана роль молодежной прессы в процессе социализации молодежи довоенной Удмуртии, названы приемы и методы работы редакций пионерских и комсомольских газет в этом направлении, выявлены формы подачи и жанры публикуемых материалов. Рассмотрены примеры проявления социальной активности молодежи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: молодежная пресса; социализация молодежи; социальная адаптация и активность русского и удмуртского юношества.

Исследование региональной молодежной прессы прошлых лет позволяет выявить особенности и функции газет, приемы и методы работы редакций,

---

СТАРКОВА Галина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и книговедения Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета, г. Ижевск (e-mail: stargi@mail.ru).

© Старкова Г. И., 2014

которые могут быть использованы при оптимизации современной системы массовых коммуникаций с целью повышения ее действенности в области социализации подрастающего поколения, воспитания молодых граждан России в условиях национальных республик.

Как показал анализ, трактовка понятия «социализация» у разных исследователей различна. Отмечается, что функция социализации молодежной прессы облегчает молодежной аудитории процесс следования в русле информационного потока и помогает реализации творческого потенциала [4, 267]. Социализация трактуется как процесс приобщения новых поколений к системе сложившихся в обществе знаний, ценностей и норм усвоения человеком данного социального опыта и ценностно-нравственных ориентаций, необходимых для выполнения в нем определенных ролей [9, 179]. В дополнение поясняется, что в ходе социализации происходит освоение социального опыта и приобщение к социальным практикам, существующим в обществе [10, 116], что социализация связана с социальной адаптацией [4, 85]. В целом в процессе социализации происходит социальное формирование человека — образование человека как субъекта познания и деятельности.

В настоящее время актуализируется проблема социальной активности юношества и привлечения его к общественно значимой деятельности по развитию своего региона и страны в целом. Недаром в разделе «Молодежная политика» Концепции долгосрочного развития страны до 2020 г. в качестве цели государственной молодежной политики названо создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи. Этому может способствовать использование опыта работы редакций довоенных молодежных газет Удмуртии.

Молодежная пресса Удмуртии в 1920–1930-е гг. наряду с функциями коллективного пропагандиста и агитатора успешно выполняла и функцию социализации молодежи, поскольку в ней видели резерв пополнения рядов бойцов за светлое будущее, будущих строителей советского общества.

Выполнению прессой функции социализации содействовали публикации на страницах газет постановлений руководства союзных и местных партийных и комсомольских органов, призывов к действиям комсомола и пионерии, сообщений об общественно полезном труде молодежи, соответствующего иллюстративного материала, а также организация редакциями различных конкурсов, кампаний, смотров с целью привлечения юных читателей к участию в жизни республики.

Эффективности влияния прессы на юную аудиторию способствовало использование методов объяснения и убеждения, внушения и подражания, а также разнообразных форм подачи материала. На страницах газет публиковались материалы как информационно-публицистических жанров, так и литературно-художественных, в том числе стихотворных, которые способствовали усилению воздействия пропагандистских идей на молодое поколение, вовлечению детей и юношества в пионерские и комсомольские ячейки, осознанию необходимости учиться и трудиться на благо Родины, воспитанию чувств патриотизма и интернационализма.

На страницах газет «Юный металлист» (1921), «Егит дурись» («Молодой кузнец», 1921), «На смену» (1924) и «Ленинская смена» (1925) представлены примеры решения молодежью задач культурного строительства (борьба с безграмотностью, организация изб-читален и клубов, выпуск стенных газет), рассказывается о помощи комсомольцев голодающим Поволжья и красноармейским семьям, а также в сборе продовольственного налога.

«Юный металлист» учил «творить хорошее и устранять большие стороны жизни молодежи» и обращался к читателям со словами: «“Юный металлист” ждет от вас толчков, движений, указаний в виде освещения всей *вашей* жизни и работы в *вашей* газете» (1921. 11 сент.). Когда в Поволжье свирепствовал голод, газета выражала надежду, что «молодежь не забудет своих голодающих товарищей Поволжья».

Газета «Егит дурись» освещала производственную жизнь и быт молодежи, рассказывала юношам и девушкам о достижениях молодой республики. Публиковались статьи о вкладе юношества в подготовку ко введению продовольственного налога, в организацию сети кооперации, помощи голодающим Поволжья, в повышение производительности труда, просветительское дело, проведение культурно-массовой и разъяснительной работы среди народа.

Газета «На смену», сообщив о том, что на V Всероссийском съезде комсомол стал шефом Красного флота, поясняла, что «быть шефом — значит помогать морально и материально», и призывала молодежь уделить «больше внимания Красному флоту!» (1924. 26 июня).

«Ленинская смена» агитировала комсомольцев принять активное участие в допризывной подготовке, «дать силы для политического воспитания свежей смены Красной армии» и быть готовыми «встать на защиту пролетарского государства и трудящихся всего мира!» (1925. 8 апр.).

Редакции газет, развивая юнкорское движение, поддерживая выпуск стенных газет, проводя конкурсы и соревнования, содействовали не только социализации, но и социальной активности молодежи. Ребенок, формально выступающий как объект воспитания и обучения, писал И. С. Кон, в действительности является субъектом этих процессов, активно воздействуя на остальных его участников [3, 327].

Юнкорское движение охватило массы пионеров, школьников, комсомольцев, молодежи в целом, главным требованием к авторским материалам было правдивое отражение действительности [8]. В качестве главной задачи выдвигалось понимание роли юнкора «как активного общественного работника, пользующегося пером только как одним из орудий борьбы» [6]. Большое внимание уделялось социальной функции юнкорских материалов, поскольку «своим пером-плеткой, бичуя разгильдяйство, юнкор поможет строительству социализма, станет активным его участником». Обсуждая вопросы Всесоюзного совещания рабселькоров, «Комсомольская правда» писала, что «весь смысл юнкорского движения состоит в том, чтобы вовлекать молодежь через активное участие в газете во все поры общественной жизни» (1926. 23 мая). Юнкоры знакомили читателей с героями новой жизни и подвергали критике общественные недостатки и пережитки прошлого на местах.

Журнал «Красная печать» в 1926 г. писал, что «общественно-политическая активность молодежи за последние годы выросла, что молодежь, и в первую очередь комсомол, уже глубоко вросли корнями в общественно-политическую жизнь страны и дышат с ней одним дыханием». Рекомендовалось в комсомольской газете дать место «общественно-политическим материалам, таким темам: успехи в хозяйстве, успехи в международной политике, успехи в борьбе за культуру и культурность и т. д. и т. п.». По этому пути и пошли комсомольские газеты Удмуртии в 1930-е гг. Конечно, большинство тем повестки дня газет было продиктовано партийными и комсомольскими органами, озвучивающими молодежную политику в стране. Так, в 1926 г. перед печатью была поставлена задача «усилить проводимую ею кампанию борьбы с пьянством и придания ей более энергичного, систематического и углубленного характера» [11, 23].

В декабре 1927 г. прошла VIII горрайконференция ВЛКСМ, которая рассмотрела вопрос привлечения комсомола и беспартийной молодежи к практическому участию в строительстве социализма, к борьбе с бюрократией, к внедрению режима экономии. Летом 1928 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по улучшению юношеской и детской печати», озвучившее в качестве основной задачи печати «коммунистическое воспитание рабочей и крестьянской молодежи, привлечение молодежи через юнкорское движение и другие формы организационной работы печати к непосредственному участию в социалистическом строительстве». Поскольку печатные молодежные газеты в Удмуртии в эти годы не выпускались, функцию социализации реализовывали многочисленные стенные газеты [7].

В 1930-е гг. начинают выходить на удмуртском и русском языках пионерские газеты «Дась лу!» («Будь готов!», 1930) и «Будь готов» (1936), комсомольские газеты «Егит большевик» («Молодой большевик», 1931) и «Молодой большевик» (1937), для допризывников – газета «Призывник» (1936). Редакции газет, обращенных к различным категориям молодежи в городах и селах, помогали ей в выборе жизненных приоритетов и нравственных ценностей, отразили ее вклад в хозяйственное строительство Удмуртии и дела на благо процветания родного края и страны, чему содействовало постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ 1930 г. «Об освещении комсомольской печатью вопросов хозяйственного строительства», которое рекомендовало «ввести специальные оперативные сводки, показывающие перестройку организаций лицом к хозяйственному и культурному строительству и участие комсомола в ликвидации хозяйственных прорывов и ход вовлечения всех комсомольцев и рабочей молодежи в ударные бригады» [2, 116].

В первом номере газеты «Дась лу!» опубликовано стихотворение К. Герда, в котором поэт обращается к мальчикам и девочкам с призывом просвещать бедняков и жить коммуной, сообща бить врагов. Областной комитет комсомола пожелал, чтобы «Дась лу!» учила детей коммунизму, вовлекала их в строительство социализма. Руководитель областного бюро пионеров Киселева добавила: «Пусть объединяет пионеров и детей вокруг предстоящих наших дел. Пусть хорошо показывает на своих страницах работу пионерских отрядов» (1930. 10 янв.).

Юнкоры «Дась лу!» сообщали в своих заметках об общественных и трудовых делах пионеров из Кеца, Дебесс, Алнашей, Малой Пурги и других мест, создавали бригады и проводили рейды, писали «о борьбе за своевременное выполнение кампаний по коллективизации и хозяйственно-политической работе», о том, как провели полевые работы, сколько собрали пудов зерна, золы, куриного помета, вторсырья, сколько раз организовывали субботники. Ответственной работой было воспитание в духе коммунизма 19 тыс. пионеров Удмуртии.

С первого номера редакция «Дась лу!» призывала к коллективному труду, к летним полевым работам, проводила соревнования между школьниками, учредила переходящее Красное знамя, которое вручалось за активное участие ребят в строительстве новой жизни в деревне. По итогам работы зимой и летом 1930 г. победительницей стала школа из с. Новый Мултан Увинского района, учащиеся которой вспахали и засеяли 80 га земли, а затем отправили государству шесть «красных обозов» хлеба, распространяли облигации государственных займов, собирали просроченные ссуды, собирали шерсть, холст и другие вещи для бедняцких и батрацких детей, обучили грамоте 615 человек. Главный редактор газеты Т. А. Архипов приехал из Ижевска и вручил ребятам Красное знамя с надписью: «Героям, борющимся за школу большевизма».

Газета рассказала о создании первого пионерского колхоза из 40 школьников в с. Можге. Весной 1931 г. редакция «Дась лу!» организовала массовый колхозно-производственный поход, направленный на проведение посевной кампании. Правда, ее обвиняли в том, что она «оказалась в стороне от выполнения промфинплана (! — Г. С.)», «не показывала, как пионерские отряды колхозов внедряли сдельщину, ударничество и социалистическое соревнование, использование рабочей силы», а также «недостаточно разоблачала проделки классового врага (! — Г. С.)», «не показывала работу пионерских отрядов на заводах» [5]. О том, что «заводские пионерские отряды борются за создание ударных бригад и перевод их на работу по хозрасчету, борются за овладение техникой, против обезлички и уравниловки», писала газета «Удмурт коммуна».

В мае 1932 г. ЦК ВЛКСМ принимает постановление «О работе с юнкорами», в котором требовалось бороться с бюрократическим отношением к заметкам юнкоров, поскольку юнкорское движение рассматривалось как одно из средств вовлечения молодежи в социалистическое строительство.

Много внимания газета «Дась лу!» уделяла патриотическому и интернациональному воспитанию, знакомила с жизнью детей мира и страны. Публиковались сообщения о сдаче норм на значок ГТО, была введена рубрика «У героев Красной армии».

В марте 1935 г. газета опубликовала «Соцдоговор» между с. П[ичи] Пурга и Ижевским районом, содержащий три направления: культмассовой уж (культмассовая работа), воспитательной уж (воспитательная работа) и пудо вордон (разведение скота). В рамках первого направления пионеры обязались взять шефство над 15 колхозными библиотеками и 120 бригадными стенгазетами, а также распространить 1500 экземпляров газет среди колхозников и едино-

личников, в рамках второго направления — «проработать письмо Крупской в отрядах».

Газеты «Дась лу» (восклицательный знак исчез в 1935 г.) и «Будь готов» в 1936 г. сообщали о сборе средств пионерами в фонд помощи детям и женщинам Испании. В ноябре печатается материал о Втором чрезвычайном съезде Советов Удмуртии и помещается фотография с подписью: «Пионеры приветствуют с'езд», а в декабре — материал о VIII Чрезвычайном съезде Советов, доклад И. В. Сталина о проекте Конституции СССР.

Излишняя идеологизированность того времени привела к неким перекосам в воспитании. Так, в тяжелый для страны 1937 г. в газете «Будь готов» появляются материалы школьников с обвинениями в адрес врагов народа.

В середине 1930-х гг. не только пионеры, но и октябрята активно участвовали в различных соревнованиях и конкурсах, например, октябрятская группа из Ижевской начальной школы № 12 включилась в конкурс «На лучшую семью по воспитанию детей», ребята «заключили с родителями соцдоговора» (Егит большевик. 1935. 3 марта).

В январе 1940 г. газета «Дась лу» была отмечена почетной грамотой Президиума Верховного Совета УАССР за воспитание сотен молодых, ставших передовыми и сознательными строителями коммунистического общества.

В начале Великой Отечественной войны издание газет было приостановлено. В последнем номере от 7 июля 1941 г. «Дась лу» обратилась к удмуртским детям с призывом помогать семьям фронтовиков, колхозам и совхозам.

Газеты «Егит большевик» и «Молодой большевик» содействовали мобилизации комсомольцев «в передовые шеренги борьбы за социализм, за индустриализацию, за овладение техникой, за организационно-хозяйственное укрепление колхозов» (из лозунгов к 14-й годовщине Октября). В эти годы не могло быть «коммуниста и комсомольца, которые остались бы в стороне от колхозного движения, не участвовали бы в организации и разрешении задач социалистического переустройства деревни» [12, 8].

В письме ЦК ВЛКСМ 1931 г. отмечалось, что «лицо комсомольской газеты будет определяться тем, насколько правильно и умело она сочетает постановку хозяйственных проблем с показом роли, участия и задач Ленинского комсомола и масс молодежи во всех областях социалистического строительства, с освещением всех боевых вопросов внутрисоюзной работы» [2, 120].

В конце 1933 г. газеты «Удмурт коммуна», «Ижевская правда» и «Егит большевик» организовали выездную редакцию и выпускали в северных районах Удмуртии «штурмовку» на русском и удмуртском языках «За культурный быт». Основной задачей являлась борьба с социальными и эпидемическими болезнями, за чистоту домов колхозников и единоличников, столовых и других общественных мест.

«Егит большевик» отражал достижения комсомольцев в деревне, сообщал об их производственных успехах, в «Молодом большевике» публиковались материалы о работе городской молодежи. Работа редакций и тематика газет определялись, прежде всего, социальным заказом государства, продиктованным временем и озвученным в постановлениях Центрального и Областного

комитетов ВКП(б). Так, постановлением «О селькоровском рейде по новым фермам» 1934 г. был утвержден областной штаб по проведению рейда, в состав которого вошли и представители редакций газет «Колхозная правда», «Удмурткоммуна» (так в тексте) и «Егит большевик».

В январе 1935 г. «Егит большевик» под рубрикой «Построим самолет “Удмуртский комсомолец”» отслеживал сбор средств среди молодежи. В марте напечатал постановление пленума Удмуртского областного комитета ВЛКСМ, в котором отмечалось, что «партия возложила на комсомол и учебные заведения задачу воспитания пролетарского студенчества сознательными строителями социалистического общества и социалистической культуры». В обязанность комитетов комсомола вузов и техникумов вменялось «развернуть военно-физкультурную работу». Коллектив работников редакции «Егит большевика» в мае 1935 г. отчислял однодневный заработок на строительство новых гигантских самолетов «Владимир Ленин», «Иосиф Сталин» и «Максим Горький» и призывал к этому «всех юнкоры завода, города и деревни».

Секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев в докладе на XI пленуме IX созыва подчеркивал, что «одна толковая газета с успехом заменит десять бестолковых комитетов», и призывал редакции: «Не забывайте, что при помощи газеты вы обучаете молодежь по-большевистски жить и бороться, вы организуете молодежь на решение задач социалистического строительства» (Егит большевик. 1935. 4 июля). Рабселькоры в своих сообщениях писали о недостатках в деревне.

В июле 1935 г. «Егит большевик» опубликовал доклад В. Т. Чемоданова на собрании актива московской организации ВЛКСМ, в котором говорилось: «Надо, чтобы каждый комсомолец был сознательным, революционным интернационалистом. Необходимо строить повседневно интернациональную воспитательную работу на доступном, понятном и конкретном материале. Кто же является главным помощником комсомола в этом сложном деле? **Печать, Газета** (так в тексте. — Г. С.)».

Газета «Молодой большевик» в январе 1937 г. отдает все четыре полосы доклада М. И. Калинина на Чрезвычайном XVII Всероссийском съезде Советов «О проекте Конституции РСФСР», тем самым подталкивая комсомольцев к знакомству с ним и к участию в общественно-политической жизни страны.

В январе 1938 г. газета публикует речь А. В. Косарева «О задачах комсомола в стахановском движении», способствуя повышению трудовой активности молодежи, в июне — сообщает о выборах в Верховные Советы РСФСР и УАССР.

В приветствии газете «Молодой большевик» в честь ее десятилетия Удмуртский обком ВКП(б), Президиум Верховного Совета УАССР и СНК УАССР отмечали, что газета «проделала значительную работу по коммунистическому воспитанию молодого поколения, мобилизуя советскую молодежь на выполнение задач, поставленных перед страной большевистской партией и великим Сталиным» (Удмуртская правда. 1941. 28 февр.).

Газета «Призывник» способствовала расширению политического кругозора молодежи, воспитывала патриотов, готовых трудиться и умножать богат-

ства Советской России, а в случае необходимости защитить ее от врагов. Рассказывала о подвигах и успехах пограничников, моряков, летчиков и солдат. Под рубрикой «Производственные рекорды призывников» показывала трудовые достижения рабочих — будущих бойцов, посвященные призыву. Редакция газеты, например, поддержала акцию по сбору средств в фонд продовольственной помощи испанским товарищам и ввела рубрику «Хроника сбора».

В передовой статье, посвященной XXIV международному юношескому дню, «Призывник» писал: «Наша советская молодежь играет огромную роль в развитии стахановского движения. В колхозах молодежь работает на решающих участках. Сталинская молодежь готова по первому зову партии и правительства ринуться на защиту советских границ и стереть фашистских агрессоров с лица земли» (1938. 6 сент.).

Таким образом, молодежная пресса Удмуртии в 1920–1930-е гг. представляет собой документ, зафиксировавший жизнь, учебу и быт юношей и девушек в городах и деревнях республики. В этот период газеты способствовали приобретению русской и удмуртской молодежи социально-культурного опыта и ее адаптации в обществе, вовлечению в пионерское и комсомольское движения, формированию духовно-нравственных ориентаций. Печатные издания помогали молодому поколению определить свое место в обществе и осознать обязанности по отношению к нему, мобилизовали на хозяйственное и культурное строительство, а также на укрепление и защиту страны. При этом пресса содействовала проявлению социальной активности юношества.

1. Вишневикий Ю. Р. Социология молодежи. Екатеринбург, 2011.
2. Комсомол и молодежная печать (1919–1972 гг.). М., 1973.
3. Кон И. С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д, 2006.
4. Кузнецова Т. А. Молодежная пресса на вятском рынке периодики // Региональная и местная пресса: стимулы развития. СПб., 2005.
5. Решетников И. «Дась лу» (область пионер газет) // Удмурт коммуна. 1931. 8 дек.
6. Розин В. Беглые заметки о детской печати // Комс. правда. 1926. 5 мая.
7. Старкова Г. И. Стенные газеты как форма проявления и средство развития социальной активности молодежи Удмуртии в 1920-е годы // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2009. Т. 151, кн. 5, ч. 2. С. 191–201.
8. Старкова Г. И. Юнкорское движение как школа литературного мастерства молодежи Удмуртии 1920–1930-х годов // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 3 : Литература Урала: автор как творческая индивидуальность : материалы III Всерос. науч. конф. Т. 2. Екатеринбург, 2007. С. 60–78.
9. Типология периодической печати / под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. М., 2007.
10. Чуров В. И. Социология молодежи. М., 2011.
11. ЦДНИ УР (Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики). Ф. 16. Оп. 1. Д. 766.
12. Там же. Д. 860.

УДК 50(075.8) + 378.016

В. А. Дорошенко
М. Р. Москаленко

ДИСЦИПЛИНА «КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ» В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматриваются значение и оптимальная методическая структура дисциплины «Концепции современного естествознания» для специалистов гуманитарного и экономико-управленческого профиля, а также вопросы совершенствования преподавания курса, в том числе с учетом специфики дистанционного обучения и внедрения балльно-рейтинговой системы контроля и оценки знаний студентов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современное естествознание; методология курса; проблемно-ориентированное обучение; балльно-рейтинговая система оценки знаний.

Цель современного высшего образования — подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня (бакалавра, специалиста), профессионально, на уровне современных требований владеющего своей специальностью, ориентирующегося в смежных областях знаний, обладающего методологией научного мышления и нацеленного на постоянный рост и самосовершенствование. Поэтому так важна роль культурно формирующих дисциплин, входящих в учебные планы гуманитарных и экономико-управленческих направлений подготовки, одной из которых является «Концепции современного естествознания» (КСЕ).

В то же время некоторые современные тенденции, в частности диверсификации и модернизации вузовского образования [5], требуют переосмысления

ДОРОШЕНКО Виктор Александрович — кандидат технических наук, доцент кафедры истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: viktor.dorosh2013@yandex.ru).

МОСКАЛЕНКО Максим Русланович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: max.rus.76@mail.ru).

© Дорошенко В. А., Москаленко М. Р., 2014

и обновления прежних методологических подходов к преподаванию данной дисциплины, а также способов тестирования и оценки результатов обучения [15].

Включенная в учебные планы около двадцати лет назад дисциплина КСЕ прошла сложный и противоречивый путь становления и развития. Это связано с тем, что положения Единого государственного образовательного стандарта весьма произвольно трактовались авторами различных учебников и учебных пособий — от упрощенно-школярских определений [9] до трактовок, перегруженных специальной информацией, недоступной студентам-гуманитариям [8]. Причем период «разброда и шатания» не завершен и продолжается до сих пор.

Тем не менее в наиболее удачных пособиях последнего времени [1, 13] четко прослеживается определенная структурная организация курса, заложенная в предыдущие годы на кафедре истории науки и техники УрФУ [6, 7].

Первая часть курса в той или иной форме обычно содержит *методологические концепции современной науки и естествознания*. В ней даются определения основных методологических структур науки (научный факт, проблема, гипотеза, теория и т. д.), а также основных научных методов (наблюдение, эксперимент, моделирование, анализ и синтез, индукция и дедукция и т. д.). Овладение этими понятиями необходимо для выработки у студентов научного подхода к решению будущих профессиональных задач и формирования научных взглядов на современное общество и природу. Мы считаем, что образовательно-педагогический акцент здесь следует делать на некоторых специфических моментах.

Прежде всего, надо подробно проанализировать взаимоотношения и связь естественных и гуманитарных наук в контексте проблемы противостояния двух культур — естественно-научной и гуманитарной (в трактовке Ч. Сноу), показать, в чем естественно-научное знание отличается от гуманитарного в плане оценки их по критериям научности, и в то же время выявить глубинное сходство объективных закономерностей процессов в природе и обществе — при всем внешнем различии их действия и проявления. Задача эта не простая даже для философов: до сих пор в дискуссиях о «двух культурах» присутствует водораздел между «точными науками» и «вероятностными», в которых предсказать результат процессов можно лишь приблизительно, ориентировочно. К последним обычно относят социальные, политические и даже экономические науки. Однако синтез наук уже давно состоялся! В естествознании он выделен нами в отдельную (наивысшую) иерархическую ступень — *биосоциальные науки* [6, 43]. С обозначением этого направления само естествознание как «системно-иерархическая совокупность наук» получает логическую и методологическую завершенность, поскольку строится на едином системном принципе — *сложности форм движения материи*, сформулированном еще Ф. Энгельсом [17].

В этом аспекте при переходе от классической науки к постнеклассической достаточно важной является проблема развития самих научных методов, например, научного эксперимента или научного анализа. Студенты должны усвоить, что по мере усложнения научных задач (особенно научно-технических) усложняются и модифицируются и применяемые методы. Например, метод *редукционизма* (базовый в классической механике) становится совершенно

неработоспособным при переходе к сложным системам типа химических или биологических, не говоря уже об экономических и социальных. Или физический эксперимент из однофакторного естественно превращается в многофакторный, что также диктуется влиянием нескольких воздействий сразу.

Активное освоение студентами критериев научности знаний позволяет им четко разграничивать подлинную науку (естественную, технологическую или гуманитарную) и *псевдо- и лженауки*, что является весьма актуальной задачей нашего времени, когда мистификации, подделки и подтасовки выдаются за научные результаты с целью выуживания денег из граждан или организаций. Этой проблеме в нашем курсе посвящено специальное практическое занятие (семинар) [6, 22], на котором сами студенты проводят предметный анализ всех модных «псевдонаук»: телепатии, астрологии и т. п. Для будущих менеджеров или управленцев эта практика чрезвычайно полезна.

Завершающим разделом первой части курса является обсуждение возможностей и пределов современной науки как общественной формы деятельности, в ходе обсуждения анализируются принципиальные, неизбежные ограничители исследовательской деятельности ученых, касающиеся самых разных аспектов: моральных, экологических, юридических и др. Это необходимо знать будущим социологам, менеджерам, экономистам, чтобы, с одной стороны, не впадать в эйфорию всеислия науки (*идеология и философия сциентизма*), а с другой — не следовать крайностям *антисциентизма* — отрицания науки и ее неуклонно возрастающей роли в современном мире.

Вторая часть курса (названная в нашем пособии «*Естественно-научные концепции неживой природы*») обычно посвящена рассмотрению основных положений и законов базовых естественных наук: физики, химии, геологии, астрономии и в какой-то мере технологий, основанных на них. Разными авторами эта часть излагается по-разному: от простого, школьного изложения основных законов физики и химии [10] до весьма сложных научно-теоретических, математизированных построений [3, 8, 13], вряд ли доступных гуманитариям с их скромной физико-математической подготовкой. В условиях ограниченности времени такой подход выглядит нецелесообразным. Главная учебно-методическая цель этого раздела установить общность природных закономерностей — структурных, динамических, силовых и др. Поэтому концептуальные подходы должны, на наш взгляд, выстраиваться по определенному тематическому принципу: концепции структур и превращений веществ, концепции взаимодействий тел, динамические концепции и т. д. Завершающей темой всего раздела следует сделать рассмотрение *энергетических концепций в природе и технике*, поскольку именно *энергия* — самая универсальная и общая категория всего окружающего мира. Она является источником взаимодействия, связана с массой тел (m) и скоростью света (т. е. электромагнитного излучения — c) через универсальный закон: $E = mc^2$, существует и используется в самых разнообразных формах, в том числе и до сих пор не разгаданных учеными (так называемая *темная энергия*).

Универсальность этой категории естествознания даже наводила некоторых ученых-естественников и науковедов на мысль о возможности изложения

современного естествознания в рамках чисто энергетического подхода [12]. Однако в учебном курсе такой подход вряд ли дидактически оправдан. Тем не менее важность энергии в феноменах природных процессов, ее роль в формировании и развитии современной и будущей цивилизации настолько исключительна, что все практические, расчетно-оценочные занятия в курсе КСЕ мы посвятили расчетам энергетических характеристик различных видов систем: механических, теплоэнергетических, электротехнических и т. д. Эти расчеты необходимы для экономической оценки потерь энергии в технических устройствах, определения связи современной энергетики и экологии, энергетической эффективности производства и др.

В связи с этим был разработан специальный «Практикум», включавший расчетно-практические задания, объединенные общей методологией, общими идеями и подходами. Следует отметить, что этому аспекту методического обеспечения дисциплины большинство авторов не уделяют необходимого внимания. Можно привести единичные примеры, когда создатели довольно объемных учебников сопровождают свой труд адекватным практическим пособием [10, 11, 13, 14]. В образовательном плане такая ситуация совершенно неприемлема, поскольку теория, не подкрепленная практикой, — это лишь «полуфабрикат» обучения. Особенно когда обучение происходит по дистанционной или очно-заочной формам. Естественно, что методическая и содержательная структура «Практикума» подчинена общей структуре всего курса, однако следует учитывать разнонаправленность отдельных разделов. Первая часть требует проблемно-дискуссионного подхода: студенты должны участвовать в активном обсуждении, самостоятельно искать ответы на достаточно непростые вопросы. Поэтому практические занятия проводятся нами в форме семинаров, деловых игр, «круглых столов» и т. д. А для самостоятельной работы, особенно при дистанционном или заочном обучении, разработана достаточно обширная тематика рефератов и научно-исследовательских работ [7].

Задача второй части курса, в которой рассматриваются естественно-научные закономерности природных и технологических явлений и процессов, — выработать у студентов навыки расчетно-практических оценок различных параметров этих процессов: структурных, динамических, энергетических и др. И можно с удовлетворением констатировать, что гуманитарии, обычно не любящие количественных критериев и оценок, с интересом занимаются самостоятельными расчетами, начинают осознавать своеобразную красоту «поверки алгеброй гармонии».

Если объем учебного времени, отведенного на дисциплину, достаточен, то во вторую часть курса следует включить геологические и космологические концепции, раскрывающие законы мироздания, возникновение Вселенной, сценарии формирования и развития Солнечной системы. Как показывает опыт преподавания, данная тема всегда интересна студентам, вызывает активное обсуждение, поэтому ее целесообразно сопровождать видеопрезентациями, историческими экскурсами, показом связей микро- и мегамира на структурно-вещественном, динамическом и энергетическом уровнях. «Мир — един, и законы его едины!» — основной лейтмотив изложения материала этой темы.

Завершающая, третья часть дисциплины, которая в нашем курсе называется «*Естественно-научные концепции живой природы*», охватывает широкий круг проблем биологического направления современного естествознания. В большинстве пособий этот раздел представлен или в весьма урезанном виде (*биологические концепции естествознания* [4, 241]), или слишком всеохватно (*биология, экология, медицина и др.* [1, 107–217]). На наш взгляд, в качестве определяющей следует взять линию изложения «от биосферы – к ноосфере». На примере формирования и развития биологических наук (генетики, теории эволюции, клеточной теории и т. д.) нужно показать поразительную историческую динамику данного направления естествознания – от упрощенно описательных теорий и (в основном) качественных представлений к науке XXI в., экспериментально и теоретически оснащенной, решающей главные проблемы современного индустриального общества (продовольственные, экологические, информационные и др.), формирующей представления человечества о его будущем – биосферном, космопланетном и ноосферном.

Общим недостатком большинства методических пособий и курсов, на наш взгляд, является отсутствие в них важнейшего направления современного естествознания – *биосоциальных наук*. Между тем, как уже указывалось выше, именно в них наглядно и плодотворно воплощается положение о «единой науке», о взаимосвязи естественных, технологических и гуманитарных направлений. Это касается как пионерских исследований в рамках *этологии, биоэтики* и др., так и новейших изысканий по *биополитике* [16], *биосоциоэкологии* [18] и др. Большое количество материалов – научно-популярных телефильмов, книг и журналов, интернет-ресурсов и т. д. позволяет делать изложение этого раздела увлекательным и продуктивным.

Что касается практикума по рассматриваемой части дисциплины, то нам представляется, что он должен иметь комплексный характер. Поэтому три оставшихся занятия проводятся в различных формах.

Первое занятие – анализ структурно-генетических основ живой материи – обычно посвящено применению законов генетики (Менделя, Харди-Вайнберга и др.) в практике растениеводства, животноводства, селекции, на нем используются расчетные примеры и задачи из учебных пособий по общей биологии [14, 176]. Следующее занятие отводится рассмотрению феноменов биологической эволюции видов (на примерах микро- и макроэволюции); при этом подробно выявляются совпадения или несовпадения классического дарвинизма с современным учением об эволюции, прежде всего с концепцией *коэволюции*, т. е. совместным, взаимосвязанным развитием видов в экосистеме. Как известно, именно этот постулат лежит в основе устойчивого развития биосферы.

Завершающее практическое занятие касается учения В. Вернадского о *ноосфере* [2, 470], его роли и значения для формирования экологической политики многих государств (под эгидой ООН), включая Россию. Заканчивается оно письменным тестированием студентов на тему «Ноосфера – реальность или миф?», где слушателям предлагается высказать собственный взгляд на возможность реализации главных принципов «создания ноосферы», которые

Вернадский сформулировал в своем учении [6, 92]. Ответы студентов — самостоятельные и непосредственные, не подсказанные Интернетом или другими источниками информации, представляют кроме прочего и социологический интерес в плане формирования научно-общественного мировоззрения учащейся молодежи и ждут своего изучения и анализа.

В заключение хотелось бы коснуться некоторых новаций в учебном процессе вуза (УрФУ) и их влияния на методику преподавания дисциплины КСЕ.

Речь идет, прежде всего, о внедрении *дистанционного обучения* (в рамках гиперметода) в периферийных подразделениях вуза и *балльно-рейтинговой системы подведения итогов обучения*.

Специфика методической подачи курса при дистанционной форме обучения подробно проанализирована нами в работе [15]. Некоторые изменения организационного порядка, отмеченные в статье [5], принципиально мало что меняют: по-прежнему актуальной остается проблема эффективного контроля и тестирования знаний и итоговой аттестации студентов. В этом плане предстоит целенаправленная, трудоемкая методическая работа: знакомство преподавателей, ведущих дисциплину КСЕ, с технологиями тестирования, видами и особенностями тестов, предназначенных для разных разделов курса и форм занятий, с новейшими педагогическими разработками, ориентированными на компьютерное тестирование и оценку знаний.

Балльно-рейтинговая система (БРС), введенная в УрФУ в последнее время, ставит целью централизацию учета успеваемости студентов по конкретной дисциплине как в текущем режиме, так и по итоговой аттестации. До начала зачетной недели, т. е. в последнюю неделю семестра, преподаватель (или работник деканата) заносит результаты оценивания текущей успеваемости в группе в модуль «БРС» по каждому учащемуся. Допуск к итоговой аттестации (зачету или экзамену) определяется автоматически — самой системой, но лишь при наличии данных по текущей аттестации каждого студента группы. В день проведения зачета/экзамена преподаватель также заносит результаты оценивания по итоговой аттестации в модуль «БРС», после чего происходит автоматический расчет итогового балла, а также итоговой оценки по системе оценивания, предусмотренной уставом университета. Преподаватель или работник деканата распечатывает итоговую аттестационную ведомость с баллами текущей и завершающей аттестации, с итоговой оценкой по предмету. После сдачи этой (заверенной преподавателем) ведомости в деканат сотрудники деканата «закрывают» ведомость от изменений в модуле «БРС».

Мы подробно остановились на описании процедуры БРС, чтобы показать, что основная цель ее — объективность оценки — при таком «закомпьютеризованном» подходе если и достижима, то с трудом, поскольку «поставщик» оценочного материала — тот же преподаватель, который ведет учет успеваемости и в обычном режиме. Просто он «переводит» привычные и понятные студентам оценки в таинственные баллы, которые зачастую непонятны ему самому. Опыт применения БРС показывает, что ее можно использовать для групп дневного стационарного обучения, но она совершенно

не приспособлена к группам дистанционного и заочного обучения и требует дальнейшего усовершенствования, скорее всего, в сочетании с онлайн-тестированием.

1. *Бочкарев А. И., Бочкарева Т. С., Саксонов С. В.* Концепции современного естествознания : учеб. пособие. М., 2011.
2. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М., 2002.
3. *Горохов В. Г.* Концепции современного естествознания и техники : учеб. пособие. М., 2000.
4. *Гранатов Г. Г.* Концепции современного естествознания (система основных понятий) : учеб.-метод. пособие. М., 2005.
5. *Дорошенко В. А.* Диверсификация профессионально-технического образования в контексте социально-экономических проблем монопрофильных городов // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы XI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2013. Т. 1. С. 427–434.
6. *Дорошенко В. А.* Концептуальные системы естествознания : учеб. пособие : в 2 ч. Екатеринбург, 2002.
7. *Дорошенко В. А., Москаленко М. Р.* Концепции современного естествознания : учеб.-метод. пособие / под ред. проф. В. В. Запария. Екатеринбург, 2010.
8. *Дубнищева Т. Я.* Концепции современного естествознания : учеб. пособие. М., 2006.
9. *Карпова Т. В.* Концепции современного естествознания : конспект лекций. М. ; СПб., 2010.
10. *Карпенков С. Х.* Концепции современного естествознания : учебник для вузов. М., 2006.
11. *Карпенков С. Х.* Концепции современного естествознания : практикум. М., 1998.
12. *Лазарев П. П.* Энергия, ее источники на Земле и ее происхождение. М., 1959.
13. *Липовко П. О.* Концепции современного естествознания : учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004.
14. *Липовко П. О.* Практикум по естествознанию. Ростов н/Д, 2001.
15. *Москаленко М. Р., Дорошенко В. А.* Из опыта преподавания дисциплины «Концепции современного естествознания» в системе дистанционного образования Уральского федерального университета // Открытое и дистанционное образование. 2012. № 4. С. 29–34.
16. *Олескин А. В.* Биополитика: политический потенциал современной биологии (философские, политологические и практические аспекты). М., 2001.
17. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. М., 1982.
18. [Электронный ресурс]. URL: <http://xreferat.ru/112/1730-Социально-экологические проблемы взаимодействия общества и природы>.

Статья поступила в редакцию 14.01.2014 г.

УДК 378.1 + 316.628

Л. Е. Зимина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ У СТУДЕНТОВ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Статья посвящена вопросу формирования в учебном процессе общекультурных и профессиональных компетенций с помощью активных методов обучения. Автор обобщает свой опыт по применению игровых методов обучения, упражнений, практических ситуаций, видеотренингов и т. д. Анализируются материалы, полученные в ходе проведения социально-психологического тренинга. Показано, какие конкретные компетенции формируются при использовании того или иного активного метода обучения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: активные методы обучения; деловая игра; упражнение; практическая ситуация; общекультурные и профессиональные компетенции.

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 080200 «Менеджмент» (квалификация «бакалавр») сформулирован ряд общекультурных и профессиональных компетенций, которыми должен обладать выпускник в результате освоения основной образовательной программы (ООП) бакалавриата [7].

Анализ как общекультурных компетенций (ОК), так и профессиональных компетенций (ПК) показал, что от выпускника требуются умение, способность, готовность выполнять действия на основе полученных знаний и практического опыта, а также он должен владеть различными способами и методами решения определенных практических задач и ситуаций.

В указанном ФГОС ВПО подчеркивается, что реализация компетентного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся.

В работе рассматриваются вопросы использования активных методов обучения, направленных на формирование общекультурных и профессиональных компетенций выпускника. Основное внимание уделяется методам, которые применяются при изучении дисциплин «Теория менеджмента», «Управление человеческими ресурсами», «Деловые коммуникации», «Корпоративная социальная ответственность», по направлению подготовки 080200 «Менеджмент» (квалификация «бакалавр»).

ЗИМИНА Любовь Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и управления Дзержинского политехнического института Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева (e-mail: zimina-le.zimina@yandex.ru).

© Зимина Л. Е., 2014

Показано, что использование разных активных методов проведения занятий, включая методы самостоятельной работы студентов под руководством преподавателя, позволяет в конечном итоге формировать вполне конкретные общекультурные и профессиональные компетенции у выпускников.

Игровые методы обучения

Педагогическая практика выработала большое количество разнообразных активных методов, некоторые из них можно использовать при изучении дисциплины «Теория менеджмента». Особый интерес вызывают игровые методы обучения [2, 5].

Что для них характерно? Они способствуют вовлечению в условную развлекательную деятельность, обладающую большим внушающим воздействием, содержащую изучаемые знания, формирующую соответствующие умения и навыки. В этом автор неоднократно убеждался, применяя игровую ситуацию при организации учебного процесса.

Для учебных игр характерны: разнообразие решений, из которых требуется произвести выбор наиболее рационального; элементы неопределенности и условности, в которых необходимо принимать решения; ограниченные временные рамки; возможность неоднократной повторяемости ситуаций.

В игре развивается продуктивное творческое поисковое мышление студентов, но не вообще, а применительно к выполнению будущих должностных обязанностей и функций. Учебные игры развивают и закрепляют у студентов навыки самостоятельной работы, умение профессионально мыслить, решать задачи и управлять коллективом, принимать решения и организовывать их выполнение.

Например, при изучении темы «Организационные структуры» возможно проведение деловой игры «Совещание по совершенствованию организационной структуры фирмы» [3]. Этой деловой игре должна предшествовать большая домашняя работа, выполняемая письменно, материалы которой используются в ходе деловой игры.

Цель этой игры — отработка основных приемов принятия управленческих решений. Данная деловая игра вносит большой вклад в формирование ПК-2 — «способность проектировать организационную структуру, осуществлять распределение полномочий и ответственности на основе их делегирования».

Для современного менеджера, работающего в управленческом поле «направленность на дело — направленность на человека», большое значение приобретает достижение согласия с исполнителями. В связи с этим в процессе оценки деловых качеств претендента на управленческую должность применяются методики, позволяющие определить степень выраженности названных качеств.

Одной из таких методик является ситуационная игра «Потерпевшие кораблекрушение» [3], которая проводится при изучении темы «Принятие управленческих решений». В этом случае ставятся такие цели изучения ситуации, как: тренировка навыков аналитического мышления, связанного с выбором варианта решения проблемы в соответствии со здравым смыслом; оценка

возможности достижения взаимопонимания с исполнителями; выработка и принятие коллективного решения в ходе общения и групповой дискуссии.

При изучении вопроса «Личность менеджера» проводится деловая игра «Моделирование личностно-деловых качеств современного руководителя» [8]. Она предоставляет возможность студентам индивидуально и всей учебной группе в целом определить приоритетные личностно-деловые качества, которыми должен обладать современный руководитель. Результатом этой игры становится модель личностно-деловых качеств, авторами которой являются сами студенты.

Деловая игра «Жесткий или мягкий руководитель» позволяет более глубоко изучить стили руководства [4].

При изучении дисциплины «Управление человеческими ресурсами» можно предлагать студентам в качестве практических занятий целый ряд игровых ситуаций. Среди них, например, «Биржа труда — рынок профессий», «Устройство на работу», «Путешествие на воздушном шаре» [4].

Какие цели ставит преподаватель при использовании этих игровых ситуаций?

В наше время, время деловых и предприимчивых людей, нужно уметь хорошо ориентироваться в мире профессий, знать спрос на профессии, учитывать перспективы роста, дефицита тех или иных профессий — словом, быть знатоком рынка профессий. С этой целью проводится деловая игра «Биржа труда — рынок профессий».

Чтобы научиться определять именно те навыки и характеристики, которые необходимы для успешного устройства на работу по данной профессии, предлагается психологическая неролевая игра «Устройство на работу».

Ситуационная игра «Путешествие на воздушном шаре» дает возможность наблюдать в группе процессы, происходящие при обсуждении и принятии коллективного решения. Данное занятие «проигрывает» ситуацию, с которой сталкивается менеджер любого уровня во время сокращения штатов.

При изучении дисциплины «Деловые коммуникации» для демонстрации общеизвестной ситуации искажения приказов и распоряжений по мере передачи их сверху вниз по иерархической лестнице проводится деловая игра «Персонал», цель которой — убедиться, как действует правило расщепления управленческой информации и насколько неэффективными иногда являются коммуникативные потоки в организациях [6].

Таким образом, игра способствует развитию группового мышления, умению действовать в составе коллектива, добиваясь выработки обоснованного общего решения, т. е. формирует следующие общекультурные компетенции:

- готовность к кооперации с коллегами, работе в коллективе (ОК-7);
- способность находить организационно-управленческие решения и готовность нести за них ответственность (ОК-8).

Упражнения и практические ситуации

Наряду с игровыми ситуациями к этой группе методов относятся упражнения [1]. Они так же, как и игровые ситуации, являются активной формой

обучения. Функция метода упражнения заключается в том, чтобы трансформировать часть знаний студентов в умения и навыки. Глубокое понимание приобретенных знаний обеспечивает возможность овладения прочными умениями и навыками. Выполнению упражнений всегда предшествует прочное усвоение теоретического материала студентами.

Упражнения на практических занятиях можно проводить по ряду тем дисциплины «Теория менеджмента». Например, при изучении темы «Цели организации» выполняется упражнение «Определение миссии предприятия и расшифровка формулировки миссии». Тема «Власть и партнерство» подкрепляется упражнением «Различия и тактика должностной власти». Упражнения предусмотрены по ряду других тем учебного плана.

К активным методам относятся практические ситуации (кейсы). Метод кейсов заключается в анализе и групповом обсуждении реальных ситуаций, которые могут быть представлены в виде описания, видеофильма и т. п. В основе рассмотрения практических ситуаций лежит дискуссия, групповое обсуждение, в котором студенты играют активную роль, а преподаватель направляет и контролирует их работу. Например, практические ситуации предусмотрены при изучении основных функций менеджмента.

Набор упражнений и практических ситуаций, которые используются при изучении мотивации, лидерства, власти, направлен на формирование ПК-4 — «способность использовать основные теории мотивации, лидерства и власти для решения управленческих задач».

Автор на собственном опыте убедился, что использование игровых ситуаций и упражнений в учебном процессе обеспечивает эмоционально-приподнятую обстановку на занятиях, облегчающую усвоение материала.

В процессе обучения метод кейсов моделирует жизненные ситуации или условные взаимодействия людей. Развивающий эффект достигается за счет импровизации, включения творческих сил студентов в процессе воспроизведения — усвоения учебного материала.

Информационные технологии в учебном процессе

Большое влияние как на содержание, так и на методы обучения оказывают современные информационные технологии. Они дают возможность заменить пассивный тип обучения, в котором студенту отводится роль слушающего, усваивающего, повторяющего, активным обучением, при котором студент является активным творцом знаний, решений, информации.

Наиболее эффективной формой активного обучения является видеотренинг, который проводится с использованием видеотехники — мощного средства обратной связи.

Имеющийся опыт проведения занятий с видеозаписью и последующим коллективным просмотром и обсуждением увиденного дает весьма положительные результаты, поэтому при изучении дисциплины «Корпоративная социальная ответственность» в рамках рассматриваемой ООП можно провести деловую игру, которая имитирует процесс подготовки к выступлению в условной ТВ-передаче.

После просмотра каждого отдельного сюжета можно обсудить «имидж выступающего». В этом случае также происходит обучение посредством наблюдения своего поведения и поведения других выступавших. Каждый участник игры увидит и расскажет, что ему удалось, а что нет, и почему, а все остальные дополнят его рассказ.

Одна из общекультурных компетенций (ОК-9) требует, чтобы в процессе обучения у студента была сформирована способность осуществлять деловое общение: публичные выступления, переговоры, проведение совещаний и др.

Видеозапись дает возможность увидеть, что в жизни людей существенно значимы и их внешний вид, и манера говорить, жесты, мимика, физиогномическая доброжелательность. Кроме того, студенты получают возможность послушать, что они сказали в своем выступлении, насколько сказанное было понятным, убедительным, не засорено ли выступление словами-паразитами.

В данном случае видеомэгагнитофон — прекрасное средство повышения социально-психологической наблюдательности, внимательности к окружающим людям и самому себе. Он позволяет «остановить мгновение» — слово, интонацию, взгляд, жест и извлечь из них более глубокую и полную информацию.

Данный процесс оказывает заметное влияние на формирование поведения студентов, так как они наблюдают нестандартное, оригинальное поведение окружающих.

Ценность такого подхода возрастает, когда у студента есть возможность принять участие не в одном занятии с видеозаписью, а в нескольких, проводимых на разных курсах. В этом случае можно наблюдать реальные изменения в поведении студентов. Так, на младших курсах у большинства студентов возникают затруднения, связанные со страхом сказать что-то в камеру, с неумением держать внимание аудитории, с непониманием, куда смотреть, куда деть руки, с косноязычием. На старших курсах удается выполнять подобные задания лучше, хотя и здесь возможности совершенствования умений неисчерпаемы.

Самостоятельная работа

По мнению автора, методы самостоятельной работы студентов под руководством преподавателя также активизируют их деятельность и могут влиять на формирование общекультурных и профессиональных компетенций.

Эффективная подготовка студентов вузов невозможна без их целеустремленной самостоятельной работы. Человечество пока не создало и вряд ли создаст школу, которая могла бы заменить самостоятельную работу человека над собой, и никакая школа не может выпустить специалиста: профессионала образует его собственная деятельность.

Функция самостоятельной работы состоит в обучении умению извлекать и отбирать факты, делать собственные сообщения, выводы, давать объяснения, использовать и излагать приобретенные знания.

Методы самостоятельной работы могут быть использованы при изучении любого предмета, и они могут носить разнообразный характер. Например, при

формировании ОК-6 — «умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь» можно предложить в качестве домашнего задания написать два эссе:

1. При изучении темы «Внутренняя и внешняя среда организаций» студент должен описать организацию любой сферы деятельности, в которой, по его мнению, он нашел условия, сформировавшие у него представление, что это — его лучшая организация. Текст должен содержать факты из жизни организации, а не умозрительные оценки и заключения, не являющиеся результатом глубокого анализа событий.

2. При изучении ролей, функций и задач менеджера в современной организации выполняется эссе на тему «Мой лучший менеджер», где необходимо указать качества менеджера, которые сформировали у студента данное представление о нем. Качества должны быть не только названы, но и «расшифрованы» через поведение менеджера и его отношение к фактам и событиям. Для ранее не работавших студентов в качестве менеджера могут выступать работники или руководители учебных или спортивных учреждений, а также учреждений культуры.

Известный ученый академик А. Н. Крылов всю свою жизнь пропагандировал, что основная задача вуза — «научить умению учиться». И это «умение учиться» наиболее полно развивается на самостоятельных занятиях.

Социально-психологический тренинг

Обучение — это процесс изменения человека. Обучаясь, люди приобретают нечто, что меняет их видение мира и себя, что дает им возможность действовать не так, как ранее, что придает им некие новые качества, которыми они не обладали ранее.

В связи с этим имеет смысл остановиться на материалах социально-психологического тренинга «Кто Я?», который ежегодно проводится при изучении в 9-м семестре учебной дисциплины «Этика и психология деловых отношений» с будущими экономистами-менеджерами.

Как проводится тренинг? Каждому участнику тренинга ведущий (он же преподаватель) раздает чистые листки бумаги и предлагает сосредоточиться только на себе, забыв временно о том, где он и зачем. Листочки не подписываются, т. е. сохраняется анонимность. Всем участникам дается одно задание: попробовать дать себе характеристику, ответив на вопрос: «Кто же я есть?»

У каждого человека своя система ценностей. Ценности — это то, что человек выбирает для себя как самое важное. Что является ценным для студентов 5-го курса ФЭМИ менее чем за год до окончания вуза? Информацию о ценностях можно получить, анализируя материалы названного выше социально-психологического тренинга. Остановлюсь только на тех, которые подтверждают две общекультурные компетенции (ОК-11, ОК-12), о необходимости формирования которых идет речь в ФГОС ВПО по направлению подготовки 080200 «Менеджмент» (квалификация «бакалавр»):

– умение критически оценивать личные достоинства и недостатки (ОК-11);
– осознание социальной значимости своей будущей профессии, обладание высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности (ОК-12).

Прежде всего, перечислим те качества, которые имеют общее значение для всех (чаще всего повторяются). Это доброта, отзывчивость, честность, целеустремленность, уважение к людям, уверенность, трудолюбие, общительность, активность, благодарность родителям.

Отдельные студенты отмечают у себя такие качества, как: *надежный друг, патриот, морально сильный человек, достаточно самокритичный, ярый сторонник справедливости, не переношу наглых и завистливых людей, всем и всегда говорю правду, отрицательно отношусь к употреблению алкоголя и наркотиков.*

Многие критикуют себя, например: *немножко ленив, очень переживаю по любому поводу, очень часто меняется настроение (на дню может быть по несколько раз по разным причинам), злопамятна (помню, что мне сделали плохо), вспыльчивая, легко раздражаюсь, меня сложно переубедить или заставить изменить свое мнение, не люблю критику в свой адрес.*

Из вышесказанного следует, что студенты умеют критически оценивать личные достоинства и недостатки.

Ну а как студенты воспринимают себя в недалеком будущем? Приведем некоторые высказывания по данному поводу:

- Менее чем через год я буду с высшим образованием. Это звучит гордо.
- Уверенно смотрю в свое будущее.
- Определенно знаю, чем хочу заниматься после окончания вуза и где хочу работать.
- Работа непременно должна приносить удовлетворение человеку, хотелось бы каждый день на нее идти, чтобы возникал интерес и желание внести свой вклад в развитие организации.
- Сидячая офисная работа меня не привлекает.
- Хочу работать по специальности.
- Мне нравится получаемая мной профессия, поэтому должность, которую я буду занимать в будущем, будет связана с экономикой – это точно.
- В перспективе я экономист успешной промышленной организации, специализирующейся на производстве продуктов питания.
- В дальнейшем мне хотелось бы стать полезным человеком для общества, полезным и нужным сотрудником.

Как видно из приведенных высказываний, студенты осознают значимость своей будущей профессии, и они мотивированы к выполнению профессиональной деятельности.

Таким образом, рассмотренные выше методы носят активный характер, обеспечивают прочное и глубокое усвоение знаний, умений, навыков, способствуют развитию умственных способностей студентов, формированию общекультурных и профессиональных компетенций.

1. *Виханский О. С., Наумов А. И.* Практикум по курсу «Менеджмент» / под ред. А. И. Наумова. М., 2004.
2. *Евсеев В. О.* Деловые игры по формированию экономических компетенций. М., 2012.
3. *Казанцев А. К., Подлесных В. И., Серова Л. С.* Практический менеджмент в деловых играх, хозяйственных ситуациях, задачах и тестах. М., 2000.
4. Практический менеджмент : метод. пособие по практич. и самостоят. работам для студентов экон. специальностей всех форм обучения / НГТУ им. Р. Е. Алексеева ; сост. Л. Е. Зимина. Н. Новгород, 2010.
5. *Пугачев В. П.* Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом. М., 2003.
6. *Тарасов В. К.* Персонал-технология: отбор и подготовка менеджеров. Л., 1989.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080200.62 «Менеджмент» (квалификация (степень) «бакалавр») : утв. приказом Мин-ва образования и науки РФ от 20.05.2010 г. № 544.
8. *Шепель В. М.* Настольная книга бизнесмена и менеджера: (Управленческая гуманитарология). М., 1992.

Статья поступила в редакцию 26.12.2013 г.

УДК 316:115 + 316.64

П. А. Амбарова

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ НЕЛИНЕЙНОСТИ*

Рассматриваются актуальность и предпосылки исследования социальных нелинейных явлений. Раскрыто понимание «нелинейности» в естественно-научном и социально-гуманитарном знании. Показаны свойства нелинейных социальных явлений и процессов, значение темпоральных факторов в их функционировании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нелинейность; культурный релятивизм; разновекторность и вероятность историко-культурного процесса; нелинейная динамика социального времени; мобильность социального времени.

В последние годы термин «нелинейность» прочно вошел в тезаурус социальных наук и закрепился в нем благодаря, прежде всего, синергетическому подходу. Популярность синергетики в социально-гуманитарном знании несколько затуманила представление о реальном происхождении и использовании понятия нелинейности, которое на самом деле разрабатывалось и до синергетики, и параллельно с синергетикой в рамках других научных направлений.

Нелинейность — явление объективного мира — существовала всегда. Ее проявления описывались и осмыслялись еще в работах И. Гердера, Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и др. Нелинейные явления и процессы получили особые масштабы и влияние в современном обществе, в связи с чем их проблематика была актуализирована в различных научных парадигмах. Нелиней-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей».

АМБАРОВА Полина Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: borges75@mail.ru).

© Амбарова П. А., 2014

ность получила не просто свое особое толкование, но и оценку — положительную или отрицательную — в зависимости от влияния на состояние и перспективы развития общества.

Предпосылки изучения нелинейных процессов сложились к началу XIX в. И. Гердер был первым, кто раскрыл идею многообразия и равноценности культур и несостоятельности идеологии моноцентризма (европоцентризма) и линейности. В своем известном труде «Идеи к философии истории человечества» он писал: «Повсюду... царит единство и многообразие, но для того чтобы судить о прогрессе или регрессе, у нас нет меры, потому что ее не дает нам ни рассудок, ни угол, под которым видим мы всю систему. Мы не в центре — мы в сутолоке: как и другие земли, мы плаваем в потоке и лишены меры для сравнений» [5, 16]. Описывая специфику и достижения различных народов и стран, он показывал естественные и социальные причины разновекторности культурно-исторического процесса. По мнению Л. Ионина, Гердер совершил тем самым одну из первых в истории интеллектуальных революций [13, 24].

Гердеровские представления о множественности векторов развития культуры и равноценности различных культур заложили основы культурного релятивизма и философского исследования нелинейности культурно-исторического процесса. Созвучны положениям современной синергетики следующие высказывания И. Гердера: «...какими тонкими движениями перстов всемогущая природа предначертала и ограничила пределы и все потрясения, и все незаметные переходы, какие совершаются и существуют на Земле. Чуть изменили наклон Земли к Солнцу — и все на Земле будет иным» [5, 25]; или: «...творец устроил все куда лучше, чем можем насоветовать ему мы, и несимметричное строение Земли позволило достигнуть целей, которых не допустила бы большая симметричность» [Там же, 34]. Немецкий философ, по сути, размышляет об известном «эффекте бабочки», когда незначительные, незаметные воздействия на систему могут вывести ее из состояния хрупкого равновесия или даже привести к гибели.

В дальнейшем философско-исторические традиции культурного релятивизма, связанные с обоснованием многообразия культурных и социальных явлений и процессов, развивались благодаря концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского [8], теориям локальных культур О. Шпенглера [23] и А. Дж. Тойнби [21], теории социокультурной динамики П. А. Сорокина [20], теории этногенеза Л. Н. Гумилева [7]. Зарождение и развитие идей многовариантности и альтернативности траекторий культурно-исторического развития человечества можно считать идейными предпосылками современных представлений о нелинейных свойствах социальной реальности.

Вторым источником, из которого исходил в XX столетии гносеологический импульс к исследованию нелинейности в социальных системах, источником, во многом определившим содержание понятия нелинейности, стали естественно-научные дисциплины. Отправной точкой, конечно, послужила теория относительности А. Эйнштейна, ставшая второй интеллектуальной революцией (после работ И. Гердера). Исследования выдающегося физика не просто открыли нелинейность мира вообще, но, что особенно значимо для нашего

исследования — нелинейность времени, и тем самым определили вектор развития естественных и социальных наук XX и XXI вв. Время и пространство, до этого характеризовавшиеся однородностью, симметричностью, независимостью от направления движения, стали определяться как величины относительные, с изменяющимися параметрами. Время, согласно специальной теории относительности, способно замедлять или ускорять свой темп, искривляться и порождать нелинейные состояния физической реальности.

Открытия Эйнштейна послужили основой дальнейших исследований нелинейных явлений в области естествознания. Так, в 60-е гг. XX в. появился ряд интереснейших (не только для физики, но и для социальных наук) концепций, коренным образом менявших представления о мире, частью которого выступают нелинейные социальные явления и сущности. Среди них — теория катастроф французского математика Рене Тома и теория хаоса британского физика-метеоролога Эдварда Лоренца, теория бутстрапа американского физика-ядерщика Джеффри Чу и др.

Согласно последней теории, Вселенная представляет собой сеть взаимосвязанных событий, а не совокупность фундаментальных сущностей. Исследователь утверждает, что в мире отсутствуют устойчивые элементы с неизблемыми свойствами, принципами и законами существования и развития. Все воплощения Вселенной текучи и изменчивы. И не только по своей природе, но и в силу особенностей воспринимающего их человеческого сознания. Обоснованию значимости наблюдателя в восприятии и понимании явлений окружающего мира уделяется в теории бутстрапа достаточно большое внимание. Дж. Чу полагает, что объективность научного знания нельзя абсолютизировать и что Вселенная предстает только такой (и таковой является на самом деле), какой ее «видит» воспринимающее и изменяющееся человеческое сознание [14]. Такое понимание роли исследователя-наблюдателя лежит в основе особого научного направления — эндофизики (О. Рёсслер, Д. Филькенштейн, К. Прибрам, А. Л. Алюшин) и созвучно социально-гуманитарному знанию, которое формируется не иначе как через призму знаний, оценок, стереотипов наблюдателя. Таким образом, теория бутстрапа связывает нелинейность явлений не только с объективными законами Вселенной, но и с субъективными факторами ее восприятия.

Примерно в это же время, когда Дж. Чу разрабатывал теорию бутстрапа, создавалась концепция «складчатой» Вселенной Дэвида Бома, основанная на идее свернутого и развернутого порядка (*implicate and explicate order*). По мнению Д. Бома, свернутый («подразумеваемый», «включенный») порядок (или, как он его еще называет, — «непросвеченная» реальность) скрыт, не осознается, не воспринимается человеческим сознанием. Мир, который доступен человеку, или развернутый порядок, напротив, логично фрагментирован, осмыслен, расшифрован [14]. Именно совокупность «скрытых» и «развернутых» элементов и структур, их взаимосвязи формируют такое качество физического мира, как нелинейность.

В 1960-е гг. парадигма нелинейности стала конкурировать с линейным взглядом на мир. Идеи текучести, множественности, многоструктурности

как принципов построения и существования мира являются основополагающими для работ Чу и Бома и с очевидностью перекликаются с идеями текучести, мобильности и нелинейности социального мира, представленными в социологических и философских работах, появившихся только на рубеже XX и XXI вв. [3, 9, 22], а также в художественных практиках (например, в архитектурной концепции «складки» в проектах Чарльза Дженкса, Эйзенмана, Гери, Либескинда, Мираллес, Хекера, групп «FOA», «ARM») [11].

Как уже отмечалось, особое звучание идея нелинейности и множественности как фундаментальных характеристик всего сущего получила в синергетике. Огромный вклад в развитие представлений о нелинейности внесли работы Г. Хакена, И. Пригожина, И. Стенгерс. Главный посыл синергетики — поиск универсальных законов порядкообразования — позволил с легкостью проецировать результаты исследований плазмы, лазера, «химических часов» на социальные явления, в том числе и социальное время.

Вообще в синергетике времени придается особое значение: оно рассматривается как важнейший фактор порядкообразования. Формирование сложных физических и социальных систем возможно только при условии временной когерентности (согласованности) их элементов. Целостность системы обеспечивается одинаковым «возрастом» элементов и синхронностью ритмов их развития. Флуктуации могут рано или поздно привести к асинхронности и, как следствие, к откалыванию отдельных фрагментов от системы.

И. Пригожин, вводя термин «переоткрытие времени», подчеркивал идею необратимости процессов, происходящих в неравновесных системах, а также способность таких систем запоминать прошлые состояния. В нелинейно развивающейся системе будущее неопределенно, «открыто» даже для самых маловероятных событий. Однако формирование будущего не происходит произвольно, а подчиняется определенным силам-закономерностям, которые в синергетической терминологии получили название аттракторов. Аттракторы представляют собой некие траектории-«магниты», которые наиболее соответствуют особенностям и условиям функционирования системы и поэтому «притягивают» ее к себе. В точке бифуркации происходит так называемое «выпадение на аттрактор» [15]. Таким образом, с позиций синергетики, динамические свойства времени системы подвержены универсальным закономерностям чередования порядка и хаоса, соотношение которых изменяется в бифуркационные периоды.

Одним из направлений синергетики является теория режимов с обострением, развиваемая российскими математиками (С. П. Курдюмов), которая нашла отражение в исследовании не только физических, но и социальных явлений. Согласно данной теории, в определенные периоды сложные системы подвержены действию особого динамического закона, при котором одно или несколько их свойств безмерно увеличиваются (стремятся к бесконечности). Неравномерный рост тех или иных показателей системы есть особое проявление нелинейности. Если для физических систем нелинейно изменяющимся показателем может быть температура, то для социальных систем это может быть стремительное увеличение скорости исторического развития, плотности населения, уровней социальной иерархии и т. д. [16]. Системы, функциони-

рующие в таком режиме, приобретают чрезвычайную неустойчивость, процессы, происходящие в них, становятся лавинообразными, сверхбыстрыми. Теория режимов с обострением объясняет изменение различных свойств системы, но наибольшее значение придает динамическим свойствам времени.

Синергетический подход получил широкое применение в социологии. Гносеологический потенциал синергетики позволил изучать социальные процессы и явления как макро-, так и микроуровня. Кроме того, синергетика по праву может быть названа философией надежды, «ибо ее задача – не предсказывать бесконечные кризисы, которые пройдут, а указывать конструктивные способы, как их избежать» [6, 8]. Эти причины в совокупности с повышенным вниманием синергетики к темпоральным аспектам сложных систем обусловили возможность применения и продуктивность синергетической методологии в исследованиях динамики социального времени и ее влияния на социальное самочувствие и поведение социальных общностей.

Синергетика влияет не только на методологию социальных наук. В рамках этого научного направления исследование социальных систем приобретает такую же значимость, какую имеет изучение физических и биологических объектов. В частности, И. Пригожин [19], С. П. Курдюмов, ученики последнего Е. Н. Князева, А. Л. Алюшин [2] и другие с большим интересом и вниманием анализировали человеческое общество, законы и перспективы его будущего развития и возможности управления им. Достойное место в их работах заняла проблематика социального времени. В частности, одно из правил синергетического мировоззрения, по мнению Князевой, заключается в действии «в нужном месте и в нужном времени» [2, 49] и перекликается с принципом своевременности, который отмечала К. Л. Абульханова-Славская в качестве основы для построения конструктивной стратегии жизни [1, 131].

По мнению М. А. Можейко, исследование нелинейности сегодня приобретает перспективы и статус магистральной проблематики благодаря сближению методологии естественных наук (прежде всего синергетики) и постмодернизма, которые он рассматривает как конгруэнтные [18].

Общество, с позиций постмодернизма, представляет собой фрагментированное, мозаичное образование, в котором иерархические (т. е. линейные) структуры начинают уступать место сетевым, ризомным структурам. Общество характеризуется плюралистичностью, поскольку распадается на отдельные элементы и структуры, движущиеся в различных направлениях. Состояние постмодерна описывается понятиями программной хаотичности, релятивизма, нелинейным способом восприятия действительности. По мнению Н. Н. Зарубиной, «постмодернисты, в отличие от приверженцев классических подходов, не расставляют приоритеты, не акцентируют детерминистские и функциональные связи, не выстраивают целостной, логически связанной картины реальности, а, напротив, раскрывают ее множественность, нелинейность, спонтанные разрывы и парадоксальность» [12, 186], они в большей степени интересуются нестабильными явлениями и неопределенностью.

Самым ярким воплощением идеи нелинейности в постмодернизме стали работы З. Баумана, в названиях которых уже отражено понимание британским

социологом нелинейности: «Культура текучей современности» («Культура в текучем современном мире», «Culture in a Liquid Modern World»), «Текущее время: жизнь в эпоху неопределенности» («Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty», 2007), «Текущая современность» («Liquid Modernity»), «Текущая любовь» («Liquid Love»), «Текущие страхи» («Liquid Fears»).

Текущее состояние социальных явлений означает, по Бауману, их чрезвычайную подвижность, изменчивость, «легкость». «Жидкое» состояние социальной реальности сопровождается ее ускорением, игнорированием на пути ее движения каких-либо физических или символических границ. Текучесть также выступает метафорой власти. Как жидкости при встрече с твердыми телами остаются невредимыми, но изменяют твердые тела [3, 8], так и «люди, что двигаются и действуют быстрее и в большей степени приближаются к мгновению движения, теперь являются теми, кто управляет...» [Там же, 130].

Таким образом, с позиций концепции Баумана, линейность связана с жесткостью социального порядка, социальных структур и форм, препятствующей их доминированию и развитию в соответствии с вызовами современности. Нелинейность же означает движение (мгновенное, легкое, «жизнерадостное»), неопределенность и непредсказуемость, гибкость и одноразовость.

Даже краткий обзор подходов, теорий и концепций показывает значимость и глубину проблемы нелинейности в современном научном знании. Нелинейность трактуется как состояние или свойство окружающего мира, альтернативное линейным состояниям, свойствам и процессам. На современном этапе развития общества нелинейность усиливается и, соответственно, требует дальнейшего изучения как в плане сущностных характеристик, так и в ее проявлениях.

Нелинейность включает в себя множество характеристик.

Первая из них — *многовариантность* и *альтернативность* путей развития системы, обусловленные ее сложностью и многоэлементностью. Проявлением такого свойства нелинейности в социальном плане может быть многовариантная последовательность событий или разнонаправленность социальных изменений (прогресс, упадок, регресс, совершенствование, улучшение, тупиковые линии развития, гибель). Это качество нелинейных процессов характеризуется понятием версификации или ветвления перспективных траекторий развития [17].

Вторая характеристика нелинейности — *уникальность* процессов и явлений. Нелинейные процессы и явления существуют в так называемых нерегулярных формах. Высокая степень подвижности элементов системы и доминирование фактора случайности исключают их обратимость и повторяемость. В отличие от линейной эволюции, осуществляющей переход системы в новое качество через постепенное накопление изменений (благодаря чему возможны замедления и возвратное движение), нелинейное развитие порождает принципиально новое состояние через мгновенный скачок, исключаящий возврат к прежним состояниям.

Третья характеристика нелинейности — *вероятностность*. Она означает невозможность предсказания будущего системы исходя из ее сегодняшнего

состояния. Только события настоящего имеют стопроцентную вероятность. События недавнего прошлого обладают высокой степенью вероятности. События далекого прошлого и будущего имеют среднюю и низкую вероятность [4]. Последствия нелинейных процессов могут быть двух видов — видимые и латентные. Последние в меньшей степени предсказуемы из-за своей неочевидности для воспринимающего сознания. В связи с этим нелинейность не всегда можно отличить с первого раза от линейности. Например, прокладывая маршрут, путешественник исходит из линейного видения пространства, определяемого особенностями визуального восприятия и плоскостным строением карты. На самом деле маршрут путешественника — это не прямая, а линия, проходящая по сферической кривой.

На наш взгляд, *неочевидность* определенной части линейных процессов и состояний следует выделить как особое (четвертое) свойство нелинейности. Западноевропейское сознание, сформированное многовековыми традициями линейного мировидения, не воспринимает многие латентные сущности нелинейности, например, нелинейность социального времени. Когда же нелинейность проявляет себя с очевидностью, она воспринимается как катастрофа, вызывает всплеск эсхатологизма, алармизма, негативных социальных эмоций — страха, тревожности, неуверенности. Восточные духовные практики, ориентированные на восприятие неочевидного через медитацию, размышление и пр., подготавливают человеческое сознание к восприятию нелинейности и формируют позитивное самоощущение и мировидение. Примерно ту же социальную функцию выполняют различные теории нелинейности. Известно, кстати, что Джеффри Чу и Дэвид Бом были хорошо знакомы с буддийской философией и разрабатывали свои теории, постоянно апеллируя к ней.

Пятая характеристика нелинейности — *гибкость* — свидетельствует об органических качествах нелинейных явлений и процессов. Метафора «жидкости», используемая З. Бауманом, адекватна этим качествам и отражает их нежесткий, «уступчивый» и в то же время более «жизнеспособный» характер. Разворачивающиеся в виртуальной среде процессы и явления в полной мере реализуют свойства и потенциал нелинейности, поскольку в такой среде отсутствуют привычные рамки и факторы сдерживания и стабилизации. Виртуальное время и пространство нелинейны, а значит, гибкие и раскованные.

Шестая характеристика нелинейности связана с особенностями ее темпоральности. Как уже отмечалось, переход в новое качество совершается мгновенно. Мгновенны также превращения хаоса в организованный порядок, и наоборот. Момент, когда происходит мгновенное превращение птичьей стаи в организованный «косяк» или из хаотичных, спонтанных контактов образуется очередь как особый вид социального института, назван исследователями мгновенной интеркоммуникацией [11].

Мгновенность, скорость, динамизм — сущностные характеристики нелинейности, делающие темп, режим функционирования процессов и явлений рваными, скачкообразными. Временные парадоксы нелинейной реальности нашли отражение в работах Дж. Урри [22] и Ч. Дженкса [10]. «Мгновенное»,

или «вневременное», время Дж. Урри — один из многообразных видов времени, существующих в современном обществе (наряду с «ледниковым», «часовым», кайрологическим). Оно объединяет вокруг себя определенные виды социальных взаимодействий и практик, образуя сгустки социальной реальности высокой плотности и напряженности. «Мгновенное» время характеризуется непредсказуемым изменением и квантовой одновременностью [22, 179].

Усиление интереса к «нелинейной» проблематике вызвано не только тенденциями развития и достижениями самой науки, но, прежде всего, усилением нелинейности окружающей среды, особенно — социального мира. Современные общества, совершающие качественный скачок в новое культурное, социальное, цивилизационное состояние, реализуют именно нелинейную логику изменений. Объяснительные схемы естественных и социогуманитарных наук подготовили адекватное восприятие и понимание этого процесса в научном сообществе. Но они также дают знание того, как можно управлять нелинейными процессами в реальной социальной практике и регулировать поведение различных социальных субъектов в условиях нелинейной динамики социальной системы.

-
1. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М., 1991.
  2. *Алюшин А. Л., Князева Е. Н.* Темпомиры: скорость восприятия и шкалы времени. М., 2012.
  3. *Бауман З.* Текучая современность. М., 2008.
  4. *Березина Т. Н.* Время как вероятность // Мир психологии. 2011. № 3. С. 30–43.
  5. *Гердер И.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
  6. *Гребенюк Е. Н.* Синергетический подход в гуманитарном исследовании. Астрахань, 2011.
  7. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.
  8. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2010.
  9. *Делез Ж.* Складка. Лейбниц и барокко. М., 1998.
  10. *Дженкс Ч.* Архитектура вселенского прыжка. Лондон, 1995.
  11. *Добрицына И. А.* От постмодернизма — к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. М., 2004.
  12. *Зарубина Н. Н.* О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума // Вестн. МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 185–189.
  13. *Ионин Л. Н.* Социология культуры. М., 1998.
  14. *Казанский Б. А.* Формализация со-бытийности: бутстрап-системы в биологии, биоферологии, кибернетике и физике [Электронный ресурс] // «Мудрость дома Земля»: О мировоззрении XXI века : экогеософ. альм. Донецк, 2007. URL: http://www.evolut.nw.ru/labs/lab38/kazansky/kazansky_al6_site.doc (дата обращения: 25.10.2013).
  15. *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Интуиция как самодостраивание // Вопр. философии. 1994. № 2. С. 110–122.
  16. *Куркина Е. С.* Конец режимов с обострением. Коллапс цивилизации [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/kurkinaes.htm> (дата обращения: 05.10.2013).
  17. *Можейко М. А.* Теория нелинейных динамик [Электронный ресурс] // Энциклопедия постмодернизма. URL: <http://enc-dic.com/postmodern/Nelineinh-dinamik-teorija-255.html> (дата обращения: 06.10.2013).

18. *Можейко М. А.* Язык и творчество. Постмодернизм в лингвистике // Изв. Смолен. гос. ун-та. 2008. № 1. С. 58–68.
19. *Пригожин И.* Послание к будущему поколению // Наука и жизнь. 2002. № 11. С. 4–9.
20. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М., 2006.
21. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 2001.
22. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI века. М., 2012.
23. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.

Статья поступила в редакцию 18.12.2013 г.

УДК 316.772.4 + 004.77

И. Б. Бритвина

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК: КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ*

Статья посвящена закреплению в межпоколенческих коммуникациях новых культурных практик передачи социальной информации, которые возникают на базе технологических изменений конца XX — начала XXI в. Мобильная связь и Интернет как каналы передачи информации меняют не только форму коммуникации, но и ее содержание и направление.

Ключевые слова: межпоколенческие коммуникации; префигуративная и кофигуративная культура; культурный опыт; культурные практики коммуникации.

Новые технологии конца XX в., обусловившие наступление эры информационного общества, привели к изменениям в системе культурных практик, направленных на легитимизацию новых способов коммуникации между поколениями и передачи культурного опыта.

Американский антрополог Маргарет Мид сформулировала идею о том, что в определенные эпохи традиционный путь передачи культурных кодов от старших поколений младшим (постфигуративная культура) может смениться равенством поколений в этой сфере (кофигуративная культура). Последние десятилетия, по ее мнению, устанавливается префигуративная культура, противоположным образом меняющая вектор передачи новой культурной информации — от младших поколений к старшим. «Во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ» [6].

---

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 14-13-66011.

Наиболее очевиден сегодня разрыв между поколениями «дедов» и «внуков», так как поколение «родителей» в большей степени приобщено к новым коммуникативным технологиям благодаря востребованности Интернета в их профессиональной и досуговой сфере. Кроме того, не будем забывать, что родительское поколение само является разработчиком новых технологий общения конца XX — начала XXI в.

В. А. Луков считает, что в XXI в. проявились особенности и кофигуративной, и префигуративной моделей культурного развития. Это ситуация, в которой для достижения жизненного успеха молодые не могут опираться на опыт старших, а старшие, напротив, нуждаются в знании молодых [4, 6]. Префигуративная культура, когда пожилые учатся у молодежи, имеет наибольшее отношение к современной трансформации способов передачи культурной информации, к возникновению и закреплению новых культурных практик передачи социального опыта, она определяет новый тип социальной связи между поколениями.

Исследователи пишут, что цифровая революция по-новому поставила перед человечеством проблему передачи и использования социального и информационно-технологического опыта в мире неконтролируемой информации. В связи с тем, что формируется иная фигурация межпоколенных отношений, предлагается выделять новый полифигуративный тип культуры, который характеризуется тем, что разные поколения учатся у разных поколений в силу многомерности современных межпоколенных контактов [11, 102, 106]. Однако попытки определения нового типа культуры межпоколенных отношений не отменяют актуальности исследования способов коммуникации между поколениями, возникновения новых культурных практик передачи информации в процессе социализации молодежи, изменения ценностных оснований общения «пожилых» и «молодых».

Российские опросы постоянно выявляют различия в оценках молодежи по сравнению с «поколением отцов» [8], что лишь отчасти может объясняться инертностью старших поколений и, напротив, динамичностью, свойственной молодым людям. Революционное изменение технологий массовой коммуникации, информатизация и компьютеризация всех базовых социальных процессов стали основой разрыва в контенте культурного опыта между поколениями. И этот разрыв в России совпал с глубокими экономическими и политическими трансформациями, что также стало причиной поколенческого противостояния, нигилизма поколения «next».

Отрицая культурный опыт пожилого поколения, молодежь под влиянием новых массмедиа не только творит новую культуру, во многом, в свою очередь, отрицаемую старшими, но и, занимая более передовые с технологической точки зрения позиции (но не с точки зрения приемлемости новой системы ценностей), навязывает пожилым иные культурные практики, которые неизбежно начинают доминировать и приниматься за норму. Причем «старые» нормы коммуникативной культуры входят в противоречие с «новыми» нормами общения, передачи опыта, носителями которых и более «передовыми» творцами являются прежде всего представители молодежи. Это соци-

альная ситуация, когда технологическое отставание старшего поколения становится залогом сохранения «мира культуры», а «новый мир культуры» является собой пример разрушения культурности как таковой (культурности, как ее видят представители старших поколений). Такое противоречие является следствием как скоростей технологических изменений, за которыми не успевает культура, выдавая «сниженные образцы» за новую культурность, так и переходности переживаемого этапа становления «новой культуры».

По мнению В. А. Лукова, в переходные периоды на социализацию значительное влияние оказывает социальная аномия, расширяющая границы дозволенного. Если социальная аномия сметает периферию ценностного мира, то это хотя и потрясает общество, но не разваливает его. Если же она покушается на ядро тезауруса – картину мира, социализационный процесс подвергается очень серьезным испытаниям [5, 22]. Целый ряд исследователей отмечают, что современные трансформации культуры становятся основой формирования новых идентичностей, вторгаясь в человекотворческую сферу [8, 5–6]. Этот процесс является тотальным не только с точки зрения глубины влияния на тренды социализации подрастающего поколения, но и по широте охвата, так как затрагивает абсолютно все слои и возрастные группы населения, даже и не связанные с компьютеризацией.

Нам представляется, что значительные изменения современных культурных практик общения свидетельствуют о более глубоких сдвигах ценностного уровня как отдельных субъектов массовой коммуникации, так и духовной культуры в целом. Вся система социализации подрастающего поколения, система социально-духовного воспроизводства испытывает трансформации. Это отражается на всех уровнях системы образования, влияет на морально-нравственные устои общества, детерминирует демографическую систему, гендерные взаимоотношения и т. д. Французский социолог Абраам Моль писал, что с появлением массмедиа прежнее культурное достояние общества и индивида утрачивает свое значение. Даже базовая система образования, принятая в обществе, перестает играть прежнюю роль. В результате прежняя более или менее целостная система знаний и ценностей заменяется набором переменчивых установок, на которые постоянно воздействуют массмедиа [7, 39–42]. Культура медиа начинает доминировать в постиндустриальной и информационной культурах. Однако появление и широкое распространение интернет-технологий привело в конце XX в. к новому витку формирования коммуникативных практик, что стало признаком «новой культурности».

В течение последних 20 лет появились и стали устойчивыми новые культурные практики коммуникации: мобильная связь (ограниченный стоимостью связь разговор, СМС-сообщения, ММС-сообщения), информатизация коммуникации (коммуникация через электронную почту, социальные сети, блоги, интернет-дневники), визуализация коммуникации (граффити, фото и картинки в социальных сетях, смайлики и другие символы), рекламная коммуникация. Все это частично заменяет или совершенно вытесняет традиционные способы коммуникации между поколениями: личные встречи, совместные праздники и семейные застолья, письма и открытки, общение с помощью

стационарной телефонной связи, встречи по обмену опытом, институт наставничества и мастерства и т. д. А самое главное — у представителей молодежи разрушается культурная норма ценности личных встреч с пожилыми, исчезает мотивация на межличностное общение, которое заменяется на формальные контакты через мобильный телефон и Интернет.

Общий ценностный фон культуры россиян всех возрастов пока еще имеет некоторую идентичность. По данным ВЦИОМ, в рейтинге главных жизненных целей, которые ставят перед собой россияне, создание семьи, друзья и честная жизнь важны практически для всех возрастных групп в равной степени [2]. Именно поэтому продолжающиеся трансформационные процессы в сфере межпоколенческих коммуникаций нуждаются в тщательном исследовании.

Ученые пишут о нарастании новых информационно-коммуникационных традиций в рядах молодежи [1]. Сегодня компьютером пользуются 91 % молодых людей в возрасте 16–30 лет, в том числе постоянно — 72 %. Данные исследований свидетельствуют о значительном различии в коммуникативном поведении молодого и старшего поколений, а также о том, что у молодого поколения приоритет Интернета как источника социальной информации становится реальностью [10, 77–78]. Опросы российской молодежи показывают, что, например, при выборе профессии основными источниками информации у старшеклассников выступают телевидение и Интернет. Выбор профессии большинством учащихся осуществляется самостоятельно, второстепенное значение при этом играют семья, школа, друзья [1].

Результаты сплошных опросов первокурсников департамента маркетинговых коммуникаций и брендинга УрФУ, осуществляемых лабораторией стратегических коммуникаций УрФУ под руководством автора с 2011 г., также показывают, что стабильно высоким остается процент абитуриентов, использующих Интернет для поиска информации о направлении обучения и о вузе (более 95 %).

Эти данные говорят о том, что авторитет старшего поколения слабеет, как с точки зрения объема и содержания новой информации, так и с технологической стороны, в силу того, что отставание пожилых все очевиднее. Это особая социализационная проблема, которую нужно внимательно изучать на базе методологии целого ряда наук.

Предметом нашего анализа являются новые информационно-коммуникативные практики молодежи, которые она использует, в том числе и для общения со старшим поколением, одновременно втягивая его в освоение этих практик. Таким образом, процесс трансформации передачи культурного опыта имеет сложную структуру, в которой одновременно меняются культурные практики коммуникации в рядах молодежи и в рядах старшего поколения (хотя и не так интенсивно, с отставанием), а самое главное то, что изменения происходят в содержании и в формах общения между поколениями, между старшими и младшими. Основой этих процессов является общее изменение системы коммуникаций в условиях информационного общества на базе появления новых технологий.

По нашему мнению, самыми действенными факторами, влияющими на изменения количественных и качественных сторон процесса коммуникации между поколениями, стало широкое распространение коммуникации через мобильную связь и через Интернет. Именно эти технологические каналы трансформируют общение старших и младших поколений в силу того, что изменения формы в этом случае сказывается и на содержании коммуникации. Социологи давно отмечают проблему постепенной утраты уникальных отношений между детьми и их бабушками и дедушками, которые преобладали в недалеком прошлом [3]. В результате изменения способов коммуникации меняется ее содержание, время общения, его количество, потребности, удовлетворяемые путем вступления в коммуникацию, а также ценностный фон общения молодых и пожилых.

Эта проблематика требует особого внимания социологов, однако некоторые ее аспекты можно осветить в рамках данной статьи. Студентами департамента маркетинговых коммуникаций и брендинга летом 2013 г. был проведен опрос 404 городских жителей Свердловской области в возрасте 15 лет и старше на тему «Историческая память». Результаты опроса подтверждают данные общероссийских исследований. Чем моложе респонденты, тем выше процент использующих Интернет для общения: среди 15–17-летних — 85,7 %, а среди тех, кто старше 55 лет, — только пятая часть (20,5 %). Доказательством сочетания префигуративного и кофигуративного типов культуры стали следующие результаты. Подавляющее большинство респондентов всех возрастов считают полезным обмен опытом между поколениями, хотя таких среди пожилых респондентов, естественно, больше: 90 % среди респондентов старше 55 лет и 75,7 % — среди 15–17-летних. Кроме того, почти 80 % опрошенных согласны с тем, что у молодого поколения есть опыт и знания, которыми оно могло бы поделиться со старшими. Причем разрыв во мнении пожилых и молодых по этому вопросу не так уж и велик: с этим согласны 84 % 15–17-летних и более 75 % респондентов старше 55 лет. Однако личное общение как способ налаживания отношений между поколениями молодых интересует в меньшей степени, чем пожилых: 55,7 % и 69,2 % соответственно. Это подтверждается и другим результатом: чем моложе респонденты, тем реже они навещают своих пожилых родственников. Тематические вечера, конференции и официальные встречи как способы установления межпоколенной коммуникации более актуальны для пожилых респондентов, чем для представителей молодежи: 23 % и 17 % соответственно. В целом нужно отметить, что эти формы общения не востребованы широко даже пожилыми, итогом чего является утрата важнейших ценностных оснований для межпоколенческой коммуникации.

Результаты опроса показывают, что знания о Великой Отечественной войне недостаточны именно у молодых респондентов, и, видимо, механизмы их передачи от поколения к поколению утрачиваются, что особенно заметно на примере респондентов моложе 17 лет (см. таблицу).

Можно констатировать, что только взаимопомощь поколений остается самым сильным мотивом для вступления их в коммуникацию. Как средство налаживания отношений, она в одинаковой степени востребована респондентами

**Распределение ответов респондентов разных возрастных групп
на вопрос о знании имен родственников, принимавших участие
в Великой Отечественной войне, %**

Возраст, лет	Да, известны	Нет, не известны	Нет ответа	Всего
15–17	42,9	57,1	0,0	100,0
18–22	62,1	37,9	0,0	100,0
23–29	67,2	32,8	0,0	100,0
30–54	80,8	19,2	0,0	100,0
55–79	94,9	3,8	1,3	100,0
Старше 80	91,8	8,2	0,0	100,0
Всего	73,0	26,8	0,2	100,0

всех возрастов (около 40 %), что в условиях рыночных отношений, видимо, служит связующим звеном между поколениями.

Можно утверждать, что в последние десятилетия меняется направление передачи культурного опыта: от преимущественно однонаправленного (от старших к младшим) на двунаправленное, в котором опыт младших (пусть и специфический по содержанию) востребован не менее опыта старших, а иногда и более. Изменения в формах общения происходят под влиянием технологических новшеств, что трансформирует и содержание коммуникации, минимизируя потребность в реальном межличностном общении. Меняется ценностный фон коммуникации: начинает превалировать культура, развиваемая поколением молодых и во многом отрицаемая пожилым поколением. Таким образом, традиционные формы культурных практик общения между поколениями постепенно трансформируются под влиянием технологических изменений в сфере коммуникации.

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет [Электронный ресурс]. М., 2010. URL: http://www.isras.ru/files/File/Molodez_Rossii.pdf (дата обращения: 01.12.2013).

2. Друзья, семья, честная жизнь: жизненные приоритеты россиян [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 1973. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112593> (дата обращения: 09.01.2014).

3. Жукова С. А. Взаимоотношения поколений: социокультурный аспект : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2000. 168 с.

4. Луков В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социол. исслед. 2012. № 1. С. 5–16.

5. Луков В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Там же. 2012. № 2. С. 21–30.

6. Мид М. Культура и мир детства [Электронный ресурс]. М., 1983. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=78209> (дата обращения: 01.12.2013).

7. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

8. Назаров М. М., Папантиму М. А. Визуальные образы в социальной и маркетинговой коммуникации: опыт междисциплинарного исследования. М., 2009. 216 с.

9. Российская молодежь: проблемы и решения. М., 2005. 648 с.
10. Шереги Ф. Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. М., 2013. 93 с.
11. Шурбе В. З. Поколение хай-тек и «новый» конфликт поколений? // Социол. исслед. 2013. № 4. С. 100–106.

Статья поступила в редакцию 21.01.2014 г.

УДК 37.016 + 371.3

Я. В. Дидковская

ДИНАМИКА СТРАТЕГИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В статье проведен анализ динамики стратегий профессиональной карьеры поствузовской молодежи с использованием количественных и качественных методов. Утверждается, что формирование стратегий профессиональной карьеры сегодня происходит в условиях трансформации модели профессионального самоопределения. Автор усматривает сущность трансформации модели профессионального самоопределения в изменении характера взаимосвязи между процессами профессиональной карьеры и профессионального самоопределения. Взаимосвязь процессов профессиональной карьеры и профессионального самоопределения раскрывается через действие социальных механизмов на институционально-структурном уровне и уровне индивидов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональное самоопределение; профессиональная карьера; стратегия карьеры.

Трансформационные процессы последних десятилетий в российском обществе, а именно формирование рынка труда и рынка образовательных услуг, изменение социально-профессиональной структуры общества и т. д., способствовали изменению всей ситуации, связанной с профессиональным становлением человека, и явились предпосылкой смены модели профессионального самоопределения в российском обществе.

В связи с этим в настоящей статье поставлены следующие задачи: во-первых, рассмотреть процесс трансформации модели профессионального самоопределения в российском обществе, отражающийся в изменении социальных механизмов, регулирующих взаимосвязь процессов профессиональной карьеры и профессионального самоопределения; во-вторых, показать изменения в стратегиях профессиональной карьеры молодежи в условиях данной трансформации.

ДИДКОВСКАЯ Яна Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: diyana@yandex.ru).

© Дидковская Я. В., 2014

В качестве методологической основы исследования выступил синтез синергетического, интегративного и социокультурного подходов к изучению взаимосвязи между процессами профессионального самоопределения и профессиональной карьеры.

Синергетический подход помог нам определить основной вектор изменений в характере взаимосвязи процессов профессионального самоопределения и профессиональной карьеры как движение от простой линейной последовательности к сложной нелинейной взаимозависимости.

Благодаря интегративному подходу, акцентирующему внимание на процессе взаимодействия и взаимообусловленности структур общества и действий индивидов, нам удалось выйти за рамки анализа детерминированности процессов профессионального самоопределения и профессиональной карьеры институциональными структурами общества, обратив фокус исследования на активность самоопределяющихся субъектов — индивидов, конструирующих стратегии профессиональной карьеры в изменяющихся условиях и, в результате процесса типизации этих стратегий, структурирующих новую социально-профессиональную реальность.

Методологическая роль социокультурного подхода заключалась в возможности выделения социокультурных противоречий современного общества неопределенности как факторов трансформации взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры, проявляющейся в изменениях жизненных, профессиональных и других траекторий индивидов, в их стратегиях карьеры.

Использование синтеза данных подходов позволило интерпретировать профессиональную карьеру как траекторию движения индивидов между профессионально значимыми событиями в социокультурном поле, а профессиональное самоопределение — как возможное профессионально значимое событие на карьерной траектории индивида, подразумевающее процесс выбора профессиональной идентичности в спектре возможных альтернатив, определяемых противоречиями социокультурного поля.

Взаимосвязь между профессиональным самоопределением и профессиональной карьерой рассматривалась нами как совокупность социальных механизмов, обеспечивающая, регулирующая совместное протекание и взаимовлияние процессов профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в обществе и проявляющая свое действие на институционально-структурном уровне и уровне индивидов.

На институционально-структурном уровне данная взаимосвязь обеспечивается действием следующих социальных механизмов: системой профессиональной стратификации и престижем профессий в обществе, системой обеспечения профессиональной занятости и системой профессионального образования. На уровне индивидов — формированием и реализацией стратегий профессиональных карьер. Соответственно трансформация взаимосвязи как системные качественные изменения, происходящие в действии данных механизмов на всех уровнях, обеспечивается как изменениями в системе стратификации, в профессиональном образовании и занятости, так и изменениями

в стратегиях карьеры. Этот комплекс взаимоотношений мы старались проследить в статье.

Эмпирическую базу нашего исследования составили материалы двух исследовательских проектов, реализованных в период с 1995 по 2010 г.

1. Результаты двух этапов исследования выпускников вузов со стажем работы после вуза от одного до пяти лет, проведенного автором в период с 2002 по 2010 г. На обоих этапах исследования использовался анкетный опрос выпускников вузов с применением целевой квотной выборки, а также были взяты неформализованные интервью. Соответственно данное трендовое исследование охватило две когорты поствузовской молодежи, первая из которых окончила вуз в 1997–2001 гг., а вторая — в 2005–2009 гг.

2. Результаты пяти этапов социологического мониторинга студентов вузов Екатеринбурга, проведенного авторским коллективом с участием автора в период с 1995 по 2010 г.

Начиная с периода индустриализации 1930-х гг. в российском обществе формировались определенные взаимоотношения между профессиональным самоопределением и профессиональной карьерой, которые можно описать некоторой моделью, условно названной нами линейной моделью профессионального самоопределения. Данная модель предполагает поэтапный переход от профессионального выбора или серии профессиональных выборов через получение профессиональной подготовки к реализации профессиональной карьеры в русле совершенного профессионального выбора.

Важнейшим механизмом, обеспечивающим взаимосвязь профессионального самоопределения индивидов и их последующей профессиональной карьеры в рамках линейной модели, выступала система распределения специалистов всех уровней. Главным следствием такой системы было обеспечение гарантии трудоустройства по полученной профессиональной подготовке, гарантированного рабочего места в соответствии с полученной квалификацией и специальностью. Это создавало достаточно прозрачную жестко определенную ситуацию профессионального выбора с весьма предсказуемой перспективой и последствиями для выбирающих индивидов, вносило существенные ограничения в выбор места работы и планирование профессиональной карьеры. Еще одно следствие существования системы распределения специалистов — это локализация профессионального выбора в молодежном возрасте, до получения первичной профессиональной подготовки.

Другим социальным механизмом, регулирующим взаимосвязь профессионального самоопределения и карьеры в условиях линейной модели, выступала стабильная социальная структура со сравнительно низкой степенью социальной дифференциации.

Устойчивая социальная структура создавала стабильную иерархию престижа профессий в советском обществе. Согласно В. Н. Шубкину, М. Х. Титме и др., большим спросом среди молодежи пользовались профессии умственного труда, требующие получения высшего образования [3, 8]. Критериями престижности профессии соответственно служили содержание труда (умственный/физический) и уровень профессиональной подготовки (сложность труда).

Оплата труда представителей различных социально-профессиональных групп в «обществе дефицита» не выступала в качестве критерия престижности, более важным критерием был доступ к благам и услугам в распределительной системе. Выбор профессии напрямую определял будущий социальный статус, а полученное профессиональное образование гарантировало этот статус [9, 97–98], что также способствовало определенности и предсказуемости ситуации профессионального самоопределения.

Специфику взаимосвязи профессионального самоопределения и карьеры в линейной модели определяла не столько низкая степень дифференциации доходов, сколько тотальная регламентированность оплаты труда государством. Возможность работы по совместительству, вторичной занятости, способствующей развитию «параллельных» карьерных траекторий, была сведена к минимуму.

Регламентированность доходов со стороны государства, отсутствие частной собственности и предпринимательства как вида занятости привело к тому, что возникла жесткая зависимость карьерного роста от набора формальных атрибутов: стажа, возраста, полученного профессионального образования, формальной квалификации, и как следствие — прогнозируемость карьерного роста и низкая роль самого субъекта в его формировании.

Определенный характер взаимоотношений между профессиональным самоопределением и профессиональной карьерой в условиях линейной модели также обеспечивало бесплатное профессиональное образование. Бесплатность всех уровней образования обуславливала его относительную доступность вне зависимости от ресурсов семьи, однако сужала возможности изменения направления профессиональной траектории. Отсутствовала возможность подачи документов одновременно в несколько учебных заведений; гарантированная профессиональная подготовка практически ограничивала возможность получения второго высшего образования. Сложившаяся система повышения квалификации также не располагала к смене профессиональной траектории, в основном была ориентирована на продолжение образования в уже выбранном русле.

Само образование, его накопление и качество не рассматривалось как ресурс, повышающий шансы индивида на быстрое карьерное продвижение. Получение высшего образования хотя и предоставляло индивидам профессию со сравнительно лучшими условиями труда и несколько более высокой оплатой труда в среднем, но не давало масштабных преимуществ в улучшении качества жизни и последующем продвижении (соотношение средней зарплаты работников с высшим образованием и средней зарплаты в целом составляло в 1980-е гг. только 1,22 [4]), соответственно, высшее образование (и профессии, предполагающие, его получение) не служило предметом всеобщих притязаний.

Таким образом, рассмотренные социальные механизмы регулирования взаимосвязи процессов профессионального самоопределения и карьеры в советский период российского общества обусловили следующие черты сложившейся и функционирующей в этот период линейной модели профессионального самоопределения:

1. Дискретность во времени процессов профессионального самоопределения и профессиональной карьеры. В социологической методологии эта особенность нашла выражение в выделении этапов профессионального становления личности.

2. Зависимость профессиональной карьеры от результатов профессионального самоопределения, что логически вытекает из хронологической их последовательности. В социологических концепциях профессионального самоопределения серьезное значение уделялось оптимальной соотнесенности в процессе выбора устремлений индивидов и условий их самоопределения (демографическая ситуация, потребности народного хозяйства, структура приема в учебные заведения и т. д.) как фактору успешности профессиональной карьеры.

3. Одновариантность развития профессиональной карьеры. Трудоустройство вне полученной специальности, смена сферы деятельности, профессии, рода занятий не характерны для линейной модели, а в социологических исследованиях рассматриваются скорее как дисфункции системы профессионального образования.

4. Ограниченность выбора сфер профессиональной карьеры регламентированным спектром вариантов карьер, предписывание государством и обществом определенных траекторий профессиональных карьер. Значительное исследовательское внимание социологов при этом, естественно, уделяется «вписыванию» индивидов в существующие структуры общества (социально-профессиональную структуру), смысловой акцент в интерпретации профессионального самоопределения переносится на интеграцию индивидов в социально-профессиональные структуры, а карьера воспринимается как перемещение в этих структурах.

5. Локализация проблем профессионального самоопределения в молодежном возрасте, до получения профессионального образования. Превалирование социологических исследований молодежи, а именно старшекласников, студентов, выпускников средних и высших специальных учебных заведений по проблемам профессионального самоопределения.

6. Низкая роль дополнительных образовательных ресурсов в построении профессиональной карьеры, а также в изменении ее траектории.

7. Низкая роль субъекта в формировании своего индивидуального карьерного пути вследствие наличия предписаний со стороны общества и государства в виде формальных и неформальных норм и санкций, типичных образцов профессиональных карьер.

8. Стабильная ситуация профессионального самоопределения, неизменность условий, определяющих направленность профессионального выбора, что влечет за собой прогнозируемые для индивида последствия его выбора и возможность планирования профессиональной карьеры на долгосрочный период.

Линейная модель профессионального самоопределения доминировала в российском обществе до 1990-х гг., социологическая теория выработала за данный период соответствующую методологию анализа проблем профессионального самоопределения, адекватную именно данной модели. Трансформационные

процессы 1990-х гг. привели к началу изменения модели профессионального самоопределения.

Изменение модели профессионального самоопределения в российском обществе транзита связано, на наш взгляд, с чрезвычайно быстрым и резким переходом от определенности закрытого общества к неопределенному, неравновесному обществу.

На смену гарантированной государством занятости благодаря механизму планового распределения специалистов приходит другой социальный механизм, связывающий профессиональное самоопределение и профессиональную карьеру, — рынок труда. Выбор профессии, занятия начинается в условиях конкуренции на рынке рабочей силы. Эта ситуация характеризуется изменчивостью, нестабильностью, причем не только в кризисные периоды, поскольку соотношение спроса и предложения постоянно меняется, а характер изменений трудно прогнозируем. Отмена системы планового распределения как взаимобязательств работодателя (государства) и специалиста создала новые возможности в построении профессиональных карьер. Индивидам уже после получения профессиональной подготовки или во время ее получения предоставлялась возможность выбирать между организациями, предлагающими разные условия труда, между сферами занятости, в том числе возможность отхода от первичного выбора, пересмотра направления профессиональной карьеры, трудоустройства не по специальности сразу после или еще до получения диплома. На смену доминирующим в советское время способам трудоустройства выпускников — распределению и задействованию социального капитала (помощи родителей, родственников и других связей) пришел плюрализм способов трудоустройства. Переход от массового распределения к «свободному диплому» состоялся в середине 1990-х гг. Согласно данным нашего исследования двух когорт выпускников вузов Свердловской области, в конце 1990-х гг. трудоустроивались по распределению уже только 7 % выпускников, а в 2005–2009 гг. — 4 % выпускников, более 50 % находили работу самостоятельно (через объявления, Интернет и т. п.). Вторая когорта уже начинает использовать новый «рыночный» способ — рекрутинговое агентство. Однако характерный для российского менталитета способ трудоустройства через родственные ресурсы сохраняется (на уровне 29–30 %).

Переход от гарантированного трудоустройства без необходимости поиска места работы к неопределенности ситуации рынка труда привел к смещению этапов получения профессионального образования и профессиональной деятельности, когда периоды занятости чередуются с периодами обучения или развиваются параллельно им. Эти явления зафиксированы практикой социологических исследований как студенческая занятость, ориентация на повышение уровня образования в старших возрастных группах и др. [1, 2].

Важным фактором перехода от линейной модели профессионального самоопределения к нелинейной модели явились резкие и масштабные изменения социальной структуры российского общества: дифференциация доходов, появление новых социально-профессиональных групп и слоев в обществе, изменение статуса прежних социальных и профессиональных групп.

Мы выделили основные важные последствия трансформации социальной и профессиональной структуры общества, повлиявшие на изменение характера связи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры: неустойчивость престижа профессий, вынужденный пересмотр профессиональной идентичности рядом социальных групп и слоев, возрастание значимости фактора дохода в профессиональной деятельности.

Престиж профессий всегда служил определенным ориентиром в профессиональном самоопределении. Резкие изменения шкалы престижа в российском обществе 1990-х гг. привели к тому, что индивиды оказались в «маргинальной» ситуации профессионального самоопределения: первичный выбор профессии совершался при старой советской иерархии престижа (инженер, врач, учитель...), а трудоустройство или профессиональная карьера реализовались уже при новой иерархии (менеджер, финансист, юрист...).

Еще одно последствие трансформации социальной структуры — это потеря рядом социально-профессиональных групп своего статуса. Прежде всего, это маргинализация социально-профессионального статуса специалистов некоторых отраслей экономики (промышленности и других депрессивных отраслей). Исследуя стратегии подготовленных в прежней социально-экономической реальности специалистов, И. П. Попова, отмечает «распад социально-профессионального статуса», который выражался в выборе между основной работой, концентрирующей атрибуты социального положения, признания, карьеры, и поддерживающей работой, дающей дополнительные заработки [6]. Очевидно, что потеря прежнего социально-профессионального статуса для данных социальных слоев часто сопряжена с вынужденным пересмотром своей профессиональной идентичности. Попытки сохранить социально-профессиональный статус привели к развитию параллельных форм занятости.

Сформированное в краткие сроки социальное неравенство повлекло за собой рост значимости уровня доходов представителей различных профессий в мотивации профессионального выбора. С начала 1990-х гг. произошла прагматизация мотивов профессионального самоопределения, особенно среди молодежи, что подчеркивается многими социологическими исследованиями. Наши исследования студентов вузов Свердловской области также показывают эту тенденцию: с 1995 по 1999 г. мониторинг мотивов выбора профессии зафиксировал существенный рост мотива высоких заработков (с 61 до 77 %), в последующие периоды вплоть до 2010 г. этот мотив остается доминирующим в иерархии мотивов (колеблется от 80 % в 2003 г. до 52 % в 2010 г.), тогда как значимость творчества в профессии, хороших отношений в коллективе, возможности приносить пользу людям, соответствия профессии способностям и знаниям постепенно снижается.

Существенную роль в смене моделей профессионального самоопределения играет трансформация института профессионального образования. Доминирующим вектором изменений в образовании является его коммерциализация. С начала 1990-х гг. появляются негосударственные вузы, государственные вузы начинают оказывать платные образовательные услуги. Процесс расширения сектора платного образования сопровождается увеличением форм образования,

контингента студентов. За 1992–2002 гг. прием в вузы увеличился в три раза [5], а платный прием в вузы во второй половине 1990-х гг. увеличился на 40–50 % [7].

Образование начинает рассматриваться как ресурс, который следует постоянно пополнять для построения успешной карьеры. С другой стороны, снижение уровня жизни населения и необходимость конкурировать на рынке труда повлекли за собой явление студенческой занятости. Массовое увеличение в 1990-е гг. числа работающих студентов отмечается многими исследованиями. Результаты нашего мониторинга студентов вузов Свердловской области показывают, что более чем в 70 % случаев занятость студентов не связана с получаемой специальностью.

Такой характер занятости студентов обусловил гибкость, подвижность их карьерных траекторий, способствовал построению карьер параллельно получаемому профессиональному образованию. То есть профессиональные карьеры начинают менять свое направление в зависимости от актуальной занятости, а не от получаемого образования; четкое разделение на этап профессионального образования и этап профессиональной карьеры в социальной практике начинает наблюдаться все реже.

На наш взгляд, отмеченные процессы сигнализировали о появлении и распространении иной, нелинейной модели профессионального самоопределения, которая отражает новый характер взаимосвязи профессиональной карьеры с профессиональным самоопределением в трансформирующемся обществе.

Во-первых, новая нелинейная модель профессионального самоопределения предполагает, что между профессиональной карьерой и профессиональным самоопределением складываются отношения сложной причинности. Профессиональное самоопределение и профессиональная карьера могут выступать как инварианты причины и следствия: профессиональное самоопределение, состоявшееся на ранних этапах профессионального становления индивида, может определять соответствующий спектр карьерных траекторий, но и события на траектории профессиональной карьеры, их сочетание и значение, которое индивид придает им, могут обуславливать выбор профессиональной идентичности. В рамках новой модели возникает неразделенность процессов профессионального самоопределения и профессиональной карьеры на какие-либо этапы или стадии.

Во-вторых, профессиональное самоопределение как выбор и обретение индивидом своей профессиональной идентичности не предшествует профессиональной карьере, его появление на карьерной траектории носит вероятностный характер — оно может появиться в любой точке траектории, а может вообще не состояться или носить формальный характер выбора определенной занятости.

В-третьих, на траектории карьеры возможны как процессы самоорганизации, т. е. обретение устойчивой траектории через процесс профессионального самоопределения в любой ее точке, так и обратные процессы — хаотизации, потери устойчивости вследствие как внешних по отношению к индивиду причин (колебания рынка труда, экономические кризисы и др.), так и

внутренних (разочарование в выбранной ранее профессии, занятии). Соответственно траектория профессиональной карьеры может приобретать разные направления.

В-четвертых, в сравнении с прежней линейной моделью профессионального самоопределения возможности выбора для индивидов, безусловно, расширились практически на всей траектории карьеры. Но возникает *необходимость* этого выбора, причем речь не идет о бесконечности возможностей, а скорее об ограниченности спектра траекторий в зависимости от ресурсов индивида и внешних условий выбора, определяемых противоречиями социокультурного поля (например, между значимостью материально-финансового успеха и недоступностью социально-профессиональных позиций, предоставляющих доступ к таким ресурсам).

В-пятых, для нелинейной модели характерно постоянное наличие противоречивых социокультурных условий профессионального самоопределения, которые могут вынуждать индивидов к смене направления карьерной траектории либо к применению инновационных стратегий карьеры. Скажем, сохраняющийся престиж профессий умственного труда при невысокой его оплате в бюджетной сфере приводит к вынужденной смене траектории профессиональной карьеры, «расщеплению» траектории.

В-шестых, свойство эмерджентности может проявляться в резких сменах сферы деятельности, профессии, при этом данные «повороты» на карьерной траектории чреваты вторичным профессиональным самоопределением. Если ранее для карьерного продвижения был необходим последовательный набор четко обозначенных атрибутов (стаж, образование и квалификация, партийность и др.) и само продвижение было медленным, но ожидаемым, то сегодня возникает возможность быстрого темпа карьеры вследствие «случайного» сочетания событий на карьерной траектории, причем четких критериев карьерного роста не существует.

В-седьмых, выбор профессии, учебного заведения, формы и уровня профессиональной подготовки осуществляется индивидами в ситуации неопределенности, когда последствия этого выбора для индивида не ясны и не могут быть спрогнозированы. Поэтому траектория будущей профессиональной карьеры в момент выбора не прослеживается индивидом, возможности разработать четко структурированную стратегию профессиональной карьеры снижены.

Динамика изменения социальных механизмов взаимосвязи профессионального самоопределения и карьеры связана с этапами трансформационных изменений в России, среди которых принято выделять два основных периода: переход к рынку (1990-е гг.), сопряженный с кризисными явлениями в экономике, политике и социальной сфере, и период относительной стабилизации экономики и других сфер (после 2000 г.). Данная классификация уже достаточно устойчива и для социогуманитарных наук и для социологии. В частности, О. Шкаратан также выделяет два основных периода трансформации в российском обществе: активную фазу постсоциалистической трансформации (середина 1990-х гг.); годы относительной социально-экономической стабильности накануне мирового финансового кризиса (середина первого десятилетия

2000-х гг.) [10, 6]. Данные периоды действительно имеют значимые различия в плане формирования ситуаций профессионального самоопределения и профессиональной карьеры.

Ситуация профессионального самоопределения 1990-х гг., которую можно обозначить как выбор в условиях резкого перехода от определенности общества к неопределенности, сформировала набор социокультурных противоречий, которые, на наш взгляд, можно свести к главному — противоречию между прагматизацией ценностного сознания в сфере труда, появлением новой ценности экономического успеха, ее нормативным закреплением в сознании различных социальных групп и сохранением элементов прежней социально-профессиональной структуры и сопряженной с ней системы профессиональной подготовки специалистов, ориентированной на плановую советскую экономику с перекосом в сторону производственного сектора.

Наши исследования студенческой и поствузовской молодежи, чья профессиональная социализация приходилась на 1990-е гг., фиксируют специфику разрешения самоопределяющимися индивидами этого противоречия в стратегиях их профессиональной карьеры — при выборе учебного заведения и специальности, при поиске работы, первичном и последующих трудоустройствах.

В период с 1995 по 1999 г. среди студентов третьих курсов вузов Свердловской области резко сократилось число планирующих уже на этапе обучения в вузе работать по специальности: с 66 % в 1995 г. до 46 % в 1999 г., т. е. примерно на 20 % за четыре года. Именно на данную возрастную когорту молодежи (третьекурсники 1995 г.) приходится резкий сдвиг в сторону неопределенности: первичный выбор профессии, планирование профессиональной подготовки происходит в одних условиях, а окончание учебного заведения и старт профессиональной занятости — в совершенно иных.

Такие же тенденции прослеживаются нами на когортах поствузовской молодежи, вышедших на рынок труда в 1990-е и 2000-е гг. Рассматриваемые когорты — выпускники периода 1997–2001 гг. (1-я когорта) и 2005–2009 гг. (2-я когорта) представляют те же поколения студентов-третьекурсников, опрошенных нами соответственно в 1995 и 1999 гг. (1-я когорта) и в 2003 и 2007 гг. (2-я когорта), что позволило сопоставить профессиональные планы студентов третьего курса и их последующую реализацию.

Среди молодых специалистов, получивших профессию и вышедших на рынок труда в 1997–2001 гг., трудоустроились по специальности чуть более 60 % и еще 20 % трудоустроились в смежной области.

Важно, что первоначально у многих выпускников 1990-х гг. присутствовало желание работать по специальности, многие из них еще трудоустраивались по распределению, но затем на фоне институционально-структурных трансформаций были вынуждены сменить сферу занятости. Если анализировать причины трудоустройства не по специальности, то сразу не планирующих трудоустраиваться по специальности среди когорты 1997–2001 гг. было меньше, чем среди когорты 2005–2009 гг., около половины выпускников 1990-х гг. (49 %) трудоустроились не по специальности в связи с тем, что рынок труда не предлагал достаточно оплачиваемую работу по специальности (см. таблицу).

Причины трудоустройства не по специальности у разных когорт поствузовской молодежи, %

Если вы не устроились по специальности, то почему?	Когорта выпускников вузов	
	1997–2001	2005–2009
Сразу не планировал работать по специальности	18	24
Не смог найти работу по своей специальности	26	22
Нашел более оплачиваемую (перспективную) работу не по специальности	49	36
Другое	6	17
Всего	100,0	100,0

Такую стратегию карьеры можно определить не просто как «гибкую» (смена направления карьерной траектории, связанная с отходом от полученной профессии), что фиксируют многие исследования профессиональных планов молодежи, а как «вынужденно гибкую».

Данные количественных опросов были дополнены материалами качественных интервью с представителями изучаемых когорт поствузовской молодежи.

Среди выпускников 1990-х гг. наблюдается первоначальная приверженность полученной профессии (особенно в сравнении с когортой 2005–2009 гг.). Приверженность профессии выражена, прежде всего, в желании трудоустроиться по специальности после окончания вуза: *«Ну, я искала по специальности, после вуза я искала по специальности»* (1-я когорта, ж., инженер-химик, работает торговым представителем), даже если эти намерения не сразу или нелегко было реализовать.

Материалы интервью наглядно представляют сложную ситуацию, в которой формировали свою стратегию карьеры респонденты первой когорты. Выбирали вуз и специальность они в первой половине 1990-х гг., когда еще, по сути, не возникла дифференциация вузов, система негосударственного образования только начала появляться, сохранялась старая советская система распределения выпускников после вуза, рынок труда и образовательных услуг находились в стадии формирования, и в целом еще присутствовала прежняя система социально-профессиональной стратификации. Заканчивали вуз и стартовали в профессии они уже в изменившихся условиях, и необходимость «переориентироваться на ходу» сильно повлияла на выработку их стратегий. Престижность выбираемых профессий если и принималась во внимание, то потом ее приходилось переоценивать: *«Тогда, на то время, когда я еще поступала, металлургический факультет очень ценился... Считалось, если ты заканчиваешь какую-нибудь техническую специальность, либо на радиофаке, либо на металлургическом, либо на физтехе, это ценилось очень сильно»* (1-я когорта, ж., инженер-металлург, работает экономистом).

Если количественный опрос не показал значимых различий в оценке выпускниками разных когорт трудностей трудоустройства, то благодаря неформализованному интервью нам удалось выявить трудности, с которыми

столкнулись выпускники конца 1990-х гг. — начала XXI в. и о которых практически не говорят выпускники периода 2005–2009 гг. Очень трудно было найти более-менее оплачиваемую работу по специальности в связи со спадом производства и банкротством крупных промышленных предприятий, а если получить рабочее место было достаточно легко, то поработать на этом месте практически не удавалось по тем же причинам. В таких неблагоприятных условиях профессионального самоопределения многие респонденты первой когорты, столкнувшись с трудностями (невыплата или задержка зарплаты, низкая оплата труда, закрытие предприятия и т. п.), уходили из профессии в более благополучную на тот момент сферу торговли и услуг: *«Ну, сменила [место работы], потому что мне платили на заводе нерегулярно, зарплата была очень маленькая, выплачивалась очень нерегулярно, какими-то частями, а у меня как бы поменялось семейное обстоятельство, мне нужен был заработок постоянный и гораздо больший, поэтому я стала искать работу»* (1-я когорта, ж., инженер-химик, работает торговым представителем); *«Да, менял работу, потому что закрылось финансирование геологоразведочных работ, потом уже в Екатеринбурге менял работу два-три раза, так как платили недостаточно»* (1-я когорта, м., геолог, ведет свой бизнес).

Таким образом, на рубеже веков складывается следующая стратегия карьеры: изначально ориентируясь на поиск работы, трудоустройство и построение карьеры по специальности, поствузовская молодежь под давлением неблагоприятных условий карьерного старта меняет сферу деятельности и строит карьеру в области, уже не связанной с полученной в вузе профессией.

Ситуация профессионального самоопределения 2000-х гг. была обусловлена последствиями предшествующего этапа трансформаций, но имела некоторые отличия от ситуации 1990-х. Данные особенности основываются на несколько ином характере тенденций, определявших ход российских трансформаций:

- Завершается переход к регулированию занятости рынком труда, с его нестабильностью и подверженностью влиянию кризисов;
- Институционализируются профессии транспрофессионального характера, ориентированные на подготовку специалистов для сферы услуг, торговли, социального обслуживания, финансового сектора;
- Наблюдается некоторый рост спроса на инженерные вакансии на рынке труда вследствие экономической стабилизации (до 2008 г.) и прекращения спада производства;
- Происходит расширение сектора платного профессионального образования, дополнительных образовательных услуг, дифференциация качества образования;
- Происходит закрепление неравных шансов на получение профессионального образования, доступа к ресурсам, определяющим возможности профессиональной карьеры для различных социально-профессиональных групп.

В результате отмеченных тенденций произошло сглаживание социокультурного противоречия ситуации профессионального самоопределения, характерного для 1990-х гг. Однако полностью оно не было преодолено, и противоречие между ростом значимости прагматических ценностей экономического

успеха, достижения благосостояния и отсутствием возможностей (средств, ресурсов, способов) для их достижения в рамках узкой специализации, по-прежнему воспроизводимой существующей системой профессионального образования, отчасти сохранилось. Кроме того, мы можем выделить еще одно противоречие, более характерное для 2000-х гг., нежели для 1990-х: произошло, с одной стороны, расширение возможных способов построения профессиональной карьеры (выбор различных форм, способов выстраивания карьерной траектории), с другой — закрепление неравенства шансов на получение качественного профессионального образования, на перспективное трудоустройство и последующее профессиональное продвижение в зависимости от имеющихся ресурсов или капиталов (между ценностно-нормативным и возможностным измерением социокультурного поля). Поэтому стратегии профессиональных карьер, реализуемые в период 2000-х гг., имеют свою специфику.

Доля выпускников, трудоустроившихся по специальности, в 2005–2009 гг. по сравнению с 1997–2001 гг. снизилась с 62 до 55 %, а доля выпускников, трудоустроившихся на работу, не связанную с их специальностью, наоборот, возросла с 18 до 31 %. То есть стратегии карьеры, связанные со сменой профессии, с трудоустройством не по специальности характерны и для 1990-х и для 2000-х гг. Однако у когорты 2005–2009 гг. ориентация на трудоустройство не по полученной профессии складывается на более раннем этапе. Об этом свидетельствуют указанные причины трудоустройства не по специальности представителями обеих когорт. Вторая когорта изначально была более ориентирована на поиск работы не по специальности (выпускники сразу не планировали найти работу по специальности) в сравнении с первой когортой (выпускники были склонны сначала искать работу по специальности, но поскольку предлагались вакансии, не удовлетворяющие в оплате труда, предпочли работу не по специальности). Карьерная стратегия в 2000-е гг. меняется с «вынужденно гибкой стратегии 1990-х» на «осознанно гибкую».

Именно для молодежи 2000-х гг. характерно «отложенное профессиональное самоопределение» как элемент «осознанно гибкой» стратегии карьеры: получить любое высшее образование как определенный капитал, а уже по мере выхода на рынок труда определяться в профессиональной сфере.

Более подробно охарактеризовать специфику стратегий карьеры в период 2000-х гг. в сравнении с 1990-ми гг. позволяют данные неформализованного интервью соответствующих когорт поствузовской молодежи.

На этапе поступления в вуз у когорты 2000-х гг. профессиональное самоопределение не входит в карьерную траекторию. Профессиональный выбор после школы сводится к выбору уровня и формы получения профессиональной подготовки, а не будущей профессии. К выбору учебного заведения респонденты второй когорты подходят более основательно, нежели представители первой. Для второй когорты характерен в большей степени учет различных факторов. Принимается во внимание оценка возможностей трудоустройства после вуза по профессии, качество образования в данном вузе (по отзывам) и надежность диплома, репутация вуза у работодателей, т. е. те факторы, которые приобрели значение после реформ 1990-х гг.: *«Ну, в первую очередь я*

выбирала, чтобы вуз был государственный. Это более престижно и уже точно не будет никаких заморочек с дипломом и трудоустройством на работу» (2-я когорта, ж., журналист).

Еще одна особенность, которая отличает стратегии 2000-х гг., состоит в том, что молодежь данной когорты начинает реализовывать более «широкий» выбор, нежели просто выбор определенной специальности. Речь идет скорее о выборе сферы будущей деятельности, области профессиональной самореализации, где можно будет применить полученное образование: *«Еще в школе я подумала, что хочу связать свою жизнь с недвижимостью и чем-то подобным и выбрала специальность “управление на предприятиях строительства”»* (2-я когорта, ж., менеджер по персоналу). Происходит переориентация с выбора узкой специальности на более широкий выбор сферы будущей деятельности, типа занятости, области профессий или транспрофессиональных занятий.

Возникает несколько иная практика способов поиска работы и построения профессиональной карьеры. Многие, переходя к постоянной профессиональной деятельности, опираются на работу в студенческие годы, оценивая ее не просто как подработку, а как способ самоопределиваться, найти себя в мире труда: *«Я начал искать работу, когда учился в вузе. Поиски были продолжительные... На пятом курсе я нашел работу для студентов — работал в кафе “Баскин Роббинс”, продавал мороженое. После этого я попал в большую фирму, которая занималась торговлей джинсами и одеждой»* (2-я когорта, м., информационные системы в экономике, работает менеджером-логистом).

Таким образом, основной вектор трансформации стратегий профессиональных карьер — это увеличение их гибкости, понимаемой как возможности сменить индивидом направление своей карьерной траектории.

Стратегии карьеры молодежи 1990-х гг. еще вписываются в логику линейной модели профессионального самоопределения, особенно это касается карьерного старта: получив профессиональную подготовку, субъект профессионального самоопределения приступает к поиску работы в соответствии с ней и только затем его карьерная траектория может потерять устойчивость. Стратегии карьеры молодежи 2000-х гг. с самого начала отражают нелинейную зависимость профессиональной карьеры и профессионального самоопределения.

Если для периода 1990-х гг. трансформация взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры происходит в основном за счет изменений социальных механизмов, действующих на институционально-структурном уровне и обуславливающих изменения на уровне индивидов, что выражается в распространении социальной практики «вынужденно гибких» карьер, то для периода 2000-х гг. характерно распространение «осознанно гибких» профессиональных карьер, что показывает сформированность новых социальных механизмов на уровне индивидов.

---

1. Герчиков В. И. Феномен работающего студента // СОЦИС. 1999. № 8. С. 87–90.

2. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М., 2011.

3. Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. Молодежь и образование. М., 1977.
4. Лукин В. Н., Мусиенко Т. В., Федорова Т. Н. Развитие советской высшей школы [Электронный ресурс]. URL: <http://credonew.ru/content/view/374/55/> (дата обращения: 12.11.2013).
5. Полищук Л., Ливни Э. Качество высшего образования в России: роль конкуренции и рынка труда [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268034183/Polys4uk.pdf> (дата обращения: 12.11.2013).
6. Попова И. П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. М., 2004. 216 с.
7. Стратегии адаптации высших учебных заведений / под ред. Т. Л. Клячко. М., 2002. 324 с.
8. Титма М. Х. Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975.
9. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009. 560 с.
10. Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // ОНС. 2011. № 2. С. 5–28.

Статья поступила в редакцию 12.11.2013 г.

УДК 316.754 + 356.15

М. В. Певная
А. А. Кузьминчук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЛОНТЕРСТВА В США И РОССИИ

В статье рассматриваются основные аспекты нормативно-правового регулирования волонтерства в США и России. С социологической точки зрения дана оценка практики нормативно-правового регулирования волонтерства в этих странах, кратко охарактеризована структура законодательства, затрагивающего волонтерство, проанализировано содержание отдельных правовых норм, исследован социокультурный, экономический и политический контекст, влияющий на их результативность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: волонтерство; добровольчество; законодательное регулирование волонтерства; социальный институт; институциональные условия.

Актуальность проблемы

Сегодня все чаще поднимается вопрос о значимости социального феномена волонтерства для развития городов, отдельных регионов, стран и мирового сообщества в целом.

ПЕВНАЯ Мария Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: usovet_info@mail.ru).

КУЗЬМИНЧУК Анна Александровна — магистрант кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: amarilis1106@gmail.com).

© Певная М. В., Кузьминчук А. А., 2014

В научном дискурсе понятия «волонтерство» и «добровольчество», как правило, равнозначны. Это находит отражение в различных источниках, когда авторы используют понятия как синонимы. Точно такая же практика использования понятий «волонтер» и «доброволец» как синонимов реализована сегодня в российском законодательстве. Однако на первый план в данной статье мы ставим «волонтерство» в силу таких причин, как широкая международная распространенность термина «волонтерство» в сравнении с «добровольчеством»; глобальный уровень использования этого термина; масштаб самого феномена.

По данным международного исследовательского института, участвующего в проектах Международной организации труда (МОТ), примерно 971 млн человек по всему миру работают как волонтеры. Из их числа примерно 36 % вовлечены в деятельность организаций, а остальные 64 % непосредственно помогают физическим лицам [10].

В середине 2012 г. У. Бэк и известный французский политик Д. Кон-Бендит представили в Европарламент документ, в котором декларируется, что волонтерство может помочь выйти Европе из состояния затянувшегося кризиса [3].

В информационной повестке дня современной России волонтерство тоже занимает далеко не последнее место. Волонтерское движение молодежи показало себя в организации и проведении целого ряда массовых спортивных мероприятий, таких как XXVII Всемирная летняя универсиада в Казани (20 тыс. волонтеров), зимние Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи (25 тыс. волонтеров) и т. д. Добровольцы России активно проявляют себя в борьбе с лесными пожарами, принимают участие в поисках пропавших людей. Дееспособность волонтерского движения в России была продемонстрирована и в кризисных ситуациях последних лет (наводнение в Крымском районе, борьба с последствиями «Чебаркульского метеорита» и т. д.). Подобная череда событий и объективных фактов реально демонстрирует возможности волонтерства, его позитивные функции как социального феномена, обозначает перспективы развития данного социального движения, а также актуализирует целый ряд проблем, которые требуют своего решения со стороны государства на уровнях экономического и правового регулирования. В связи с текущим положением дел достаточно актуальным видится анализ основных тенденций в нормативно-правовом регулировании российского добровольчества в сравнении с законодательной практикой США, реализуемой в данной сфере более ста лет.

О теоретических основаниях анализа поставленной проблемы

За последние 15 лет социологи делают многочисленные попытки построить теории, объясняющие отдельные тенденции в развитии волонтерства. Т. Ротоло и Д. Вилсон, проводя некоторые обобщения, выделяют группу «институциональных теорий», которые построены на результатах межстрановых исследований и базируются на идее о том, что поведение волонтеров как граждан регулируется социальными институтами, такими как правительства, административные органы, организации, а также правилами, которые позволяют им

функционировать [9]. Согласно данным теориям, без «правильного институционального контекста» (законов, налоговых льгот, государственных учреждений, государственной политики, развитого третьего сектора и т. д.) уровень мобилизации волонтеров будет оставаться крайне низким [5]. Традиции исследования волонтерства напрямую связаны с изучением проблем гражданского общества. В теории третьего сектора в структуру гражданского общества включаются: социальные сети, местные организации и некоммерческие организации (НКО) [1, 48]. Кризисные ситуации с пожарами в России (2010–2011 гг.) и наводнение в Краснодарском крае (2012 г.) реально продемонстрировали ключевые признаки национального гражданского общества. В этих ситуациях проявились жизнеспособность и результативность функционирования социальных сетей волонтеров. Люди самоорганизовывались в добровольческие отряды; НКО проводили реальную работу по сбору, доставке и распределению гуманитарной помощи и частных пожертвований; в рамках местных сообществ жители отдельных территорий объединялись для решения текущих проблем. Чрезвычайные события, с одной стороны, показали недееспособность органов исполнительной власти и государственных структур эффективно решать возникающие проблемы, с другой стороны, четко обозначили проблему структурирования волонтерского движения, регулирования взаимодействия волонтеров, НКО и государственных структур, а также необходимость принятия мер для поддержки развития волонтерства со стороны государства.

Согласно положениям обозначенных теорий, анализируем практики нормативно-правового регулирования волонтерства в США и России, кратко охарактеризуем структуру законодательства, затрагивающего волонтерство, дадим оценку содержанию отдельных правовых норм, исследуем социокультурный, экономический и политический контекст, влияющий на их результативность.

Практика нормативно-правового регулирования волонтерства в США

Первые нормативно-правовые документы, регулирующие волонтерство в США, появились в XVII в., когда американцы начали формировать гражданские неформальные объединения по борьбе с пожарами. В 1736 г. Б. Франклин формально закрепил организацию «добровольных пожарных Филадельфии» в рамках государственной программы, издав по этому поводу специальный правовой документ [6, 8].

На текущий момент закона, непосредственно регулирующего деятельность всех волонтеров, в Америке нет. Однако нормативно-правовая база в этой области имеет очень сложную структуру, детально регламентирует деятельность корпораций, комиссий, отдельных организаций по программам и проектам. Федеральный регистр юридических документов США по поисковому запросу «волонтер» выдает 2761 нормативно-правовой документ.

Проанализируем ряд ключевых для данной сферы нормативно-правовых актов. Государственный закон № 87–293, утвержденный Конгрессом США 22.09.1961 г., обозначает цели государственной политики США, реализуемые

при создании независимого федерального агентства; четко регламентирует направления деятельности государственного агентства; детально описывает реализуемые волонтерские программы, условия финансирования агентства и отдельных проектов; конкретизирует функциональное распределение, зоны ответственности руководителей агентства и его служащих; трактует статус, требования, гарантии, обязательства государства перед волонтерами «Корпуса мира» [11]. Кроме основного закона регистр федеральных документов, регулирующих деятельность «Корпуса мира», содержит 106 различных дополняющих и разъясняющих документов [7].

Деятельность Корпорации национального и общественного (муниципального) служения как федерального центра, отвечающего за развитие волонтерства по всей стране, регулируется более чем 3500 документами — от ключевого федерального закона до правил, которые непосредственно касаются различных аспектов регулирования волонтерства [8]. Государственный закон № 103-82 «National and Community Service Trust Act 1993» утвержден в 1993 г. Президент Б. Клинтон, подписывая данный закон, создал «Корпус Америки» и расширил возможности для американцев служить своим общинам благодаря расширению функционала Корпорации национального и общественного служения. Государственный закон № 106-170 «National and Community Service Trust Act 1990» был внесен в Конгресс США Дж. Бушем и утвержден в редакции от 17.12.1999 г. На сайте Корпорации данный закон представлен как основополагающий нормативно-правовой акт, регулирующий ее деятельность. Он регламентирует порядок выделения государственных грантов на реализацию программ (Serve-America Programs, Community-Based Service Programs) на базе школьных образовательных учреждений и местных общин; программ общественных работ на базе высших учебных заведений (Higher Education Innovative Programs for Community Service) различного целевого назначения; программ гражданской общественной службы (Civilian Community Corps) и др. Данный нормативно-правовой акт четко обозначает направления финансирования государства, задает конкретные требования к программам, их организации, к привлекаемым участникам-волонтерам. Сегодня корпорация управляет тремя основными направлениями и сконцентрировала всю нормативно-правовую базу, регуливающую различные программы, такие как: «Корпус старшего поколения» (Senior Corps); «Корпус Америки», объединивший VISTA, «National Civilian Community Corps programs»; «Обучение и служба в Америке» (Serve America). 18 июня 1997 г. был принят «Закон о защите волонтеров» (The Volunteer Protection Act). Целью закона является ограничение возможности подачи исков против волонтеров, служащих в некоммерческих и частных организациях, а также в государственных учреждениях. 21.04.2009 г. президентом США подписан Акт о служении Америке (Serve America Act). Этот документ интегрирует нормативно-правовую базу, регуливающую волонтерство и волонтерские программы, вносит разъяснения и дополнительные поправки к отдельным законам. Данный документ направлен на то, чтобы уточнить отношения между государством и волонтерами, разграничить полномочия добровольческих организаций и государственных учреждений,

предоставляющих различные услуги гражданам США, защитить права и интересы всех взаимодействующих в данном правовом поле лиц.

О нормативно-правовом регулировании волонтерства в России

Правовое регулирование российского волонтерства осуществляется с 1995 г. Развитие волонтерства в нашей стране связано с реализацией Стратегии государственной молодежной политики в РФ, утвержденной Правительством РФ 18 декабря 2006 г. и определяющей «совокупность приоритетных направлений, ориентированных на молодежь, включающих задачи, связанные с участием молодежи в реализации приоритетных национальных проектов» [4]. Один из проектов Стратегии — «Доброволец России».

Ключевым из действующих сегодня российских законов, который содержит правовую норму, касающуюся добровольцев, является федеральный закон № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Он регулирует взаимодействие добровольца и благополучателя, регламентирует условия участия добровольца в благотворительной деятельности юридического лица, открывает НКО возможности для возмещения расходов, связанных с исполнением добровольцами своей добровольческой деятельности.

В 2009 г. утверждена Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ, которая содержит комплекс необходимых мер поддержки развития благотворительного сегмента некоммерческого сектора. Основной целью государственной политики в этой области является активизация потенциала благотворительности и добровольчества как ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющего дополнить бюджетные источники внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев [2].

В отдельных субъектах РФ приняты региональные концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ, как правило, дублирующие основные положения федерального нормативно-правового акта. На текущий момент существует целый ряд отдельных законов (ФЗ № 82-ФЗ, ФЗ № 7-ФЗ, ФЗ № 98-ФЗ и др.), которые регулируют деятельность общественных объединений и некоммерческих организаций и так или иначе затрагивают некоторые аспекты волонтерства.

В отдельные федеральные документы включены пункты, связанные с волонтерством. Например, в ФЦП «Развитие физической культуры и спорта в РФ на 2006–2015 гг.» к одной из основных задач относится создание и развитие системы волонтеров (добровольных помощников) в массовом спорте. В приказе Министерства природных ресурсов РФ от 22.04.2003 г. № 342 утверждены основные направления развития системы государственных природных заповедников и национальных парков в РФ на период до 2015 г. В документе указано, что в сфере эколого-просветительской деятельности представляется необходимым, среди прочего, развивать институт волонтеров для работы в заповедниках и национальных парках. ФЗ № 310-ФЗ «Об организации и

о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи» дает право оргкомитету привлекать граждан РФ, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, законно находящихся на территории РФ, в качестве волонтеров для участия в организации и (или) проведении Олимпийских игр и Паралимпийских игр. Таким образом, в разных правовых документах сделаны попытки выборочного регулирования каких-то аспектов волонтерства, обозначения перспектив развития отдельных видов волонтерской деятельности.

Серия лесных пожаров в России в 2010 г., в борьбе с которыми наибольшую активность и результативность проявили именно добровольцы, стимулировала принятие 6.05.2011 г. ФЗ № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране». Анализ дискуссий на форумах добровольцев, принимавших реальное участие в ликвидации пожаров, а также юристов, обсуждающих закон, позволяет заключить, что данный нормативно-правовой акт принят в недоработанном виде. Он не вводит реальных гарантий со стороны государства добровольным пожарным, но подразумевает дополнительную бюрократическую составляющую, которая не может оказать влияние на результативность деятельности добровольных пожарных.

Советом Федерации Федерального собрания РФ разработан и представлен на обсуждение проект ФЗ «О добровольчестве (волонтерстве)». Вступление Закона в силу планируется с 01.01.2014 г. Данный документ вызвал ожесточенную дискуссию со стороны широкой общественности и профессионального сообщества третьего сектора. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, закон не решает реальных проблем некоммерческих организаций, привлекающих к своей деятельности волонтеров, дублирует уже действующие законодательные нормы, не вносит ясности в размытые юридические нормы, регулирует только отдельные виды волонтерства. Во-вторых, текст закона не проработан, многие положения не получили должного разъяснения, не прояснены механизмы реализации многих мероприятий. По мнению большинства руководителей НКО, благотворительных фондов и добровольческих организаций, закон позволяет многие нормы трактовать неоднозначно, что может привести к большому количеству дополнений или изменений, позволит государственным органам власти ограничивать инициативу волонтеров, даст чиновникам инструменты управления и подавления волонтерской активности, будет способствовать снижению инвестиций в сферу волонтерства и росту коррупции. Данный нормативно-правовой акт, в предложенном для обсуждения виде, решает текущие задачи, удовлетворяя потребности государственного бюрократического аппарата, а не институтов гражданского общества.

Ключевые аспекты нормативно-правового регулирования волонтерства в США и России

Анализ системы нормативно-правовых актов, в рамках которых осуществляется законодательное регулирование волонтерства в России и США, выявляет ряд принципиальных отличий.

История развития волонтерства в США, насчитывающая три столетия, демонстрирует, как институционально сложившиеся условия, в том числе нормативно-правовая база, способствуют национальной дееспособности данного социального института в процессе решения конкретных проблем американских граждан в разные исторические периоды (борьба с безработицей, бедностью, неграмотностью населения и т. д.), выступая в качестве эффективного инструмента внутренней и внешней политики государства. Законодательная база волонтерства в США достаточно динамична. Она все время уточняется и конкретизируется исходя из сложившихся экономических и политических условий, имеет четкую структуру на всех уровнях и направлениях. Законом не свойственен ограничительно-репрессивный характер.

Законодательная база, затрагивающая различные аспекты волонтерства в нашей стране, носит фрагментарный характер. Большинство документов (концепций, программ и т. д.) декларативны по своему содержанию. На текущий момент ситуативно регулируются отдельные направления волонтерства, что, на наш взгляд, является следствием реализации тактики реагирования на возникающие проблемы при отсутствии спланированной стратегии государственной поддержки развития волонтерства в России.

Законодательство США дает четкую трактовку понятия «волонтер» и относит волонтерскую деятельность только с организованными и управляемыми формами деятельности в государственном и некоммерческом секторах экономики. В правовом дискурсе дается следующее определение: «Волонтер — физическое лицо, оказывающие услуги некоммерческой организации или государственному органу, которое не получает компенсации (кроме разумного возмещения или пособия по фактически понесенным расходам), или любой другой ценной вещи, вместо компенсации, стоимость которой превышает 500 долл. в год» [12]. Данный подход к определению волонтерства приводит к тому, что на законодательном уровне четко прописаны не только условия деятельности волонтеров, их права и обязанности, но и поддержка, а также защита их деятельности со стороны государства, конкретные механизмы мотивации волонтеров. Например, в рамках программы «AmeriCorps State and National», ориентированной на молодежь, конкретизированы возможности выплаты волонтерам пособий на проживание, на студенческие кредиты, гарантирована оплата медицинского страхования, выплата денежных средств, необходимых для ухода за детьми. Российские нормативно-правовые акты разных уровней не согласованы между собой и не позволяют дать точные правовые определения волонтерству (добровольчеству), обозначить права волонтеров и сферы их деятельности, разъяснить гарантии в отношении их деятельности со стороны государства, а также четко прояснить экономические и правовые механизмы стимулирования развития волонтерства в деятельности государственного и третьего секторов. Практика правоприменения действующих законодательных норм демонстрирует тот факт, что российские НКО «приспособились» решать свои ключевые задачи и привлекать к своей деятельности волонтеров в рамках существующего нормативно-правового поля. В российском законодательстве определение добровольца достаточно размыто, оно соответствует

ментальному восприятию населением добровольца как человека, самостоятельно принявшего решение помогать другим людям. В ФЗ № 135-ФЗ дается следующее определение: «Добровольцы — физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности)». Ни один нормативно-правовой акт в России не отражает конкретные меры поддержки волонтеров со стороны государства, не обозначает механизмов и форм их мотивации.

Уровень развития практики волонтерства в США и России разный, соответственно, уровень развития нормативно-правовой базы существенно отличается. Содержательно государственная поддержка волонтерства в США реализовывалась поэтапно через различные национальные программы федерального, регионального и местного уровней. Американское правительство активно стимулирует развитие волонтерства, что находит свое отражение в нормативно-правовых актах, программах, в практике государственного финансирования, в различных формах активизации третьего сектора. В современной российской истории отношение государства к некоммерческому сектору достаточно неоднозначное. Принятие новых законов и внесение поправок к уже действующим законам, во многом ограничивающих гражданские инициативы населения и деятельность третьего сектора, а также затрагивающих социально значимые темы (ФЗ №-65 ФЗ «О внесении изменений в кодекс РФ об административных правонарушениях и ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»», ФЗ РФ № 8-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О некоммерческих организациях»»; ФЗ РФ № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» и т. д), не только не способствуют реальному развитию третьего сектора, но и оказывают негативное влияние на отношение людей к новым законотворческим инициативам. Они демонстрируют желание государственных служащих вести учет, регистрировать гражданские инициативы активистов, в том числе и добровольцев России. В США волонтер, прошедший государственную регистрацию, получает реальный «фронт работ», защиту государства и целый ряд экономических и социальных преференций в обществе. Согласно действующему в России законодательству, добровольцы могут ожидать возникновение дополнительных проблем в связи с осуществлением своей деятельности, исходя из неоднозначности трактовок многих правовых норм и дополнительной бюрократизации волонтерской деятельности со стороны государства.

В США волонтерство доступно всем, независимо от возраста, экономического положения или индивидуальных способностей. Государственная корпорация предлагает разнообразные программы, реализуемые НКО. Проект нового российского закона не вводит обязательность регистрации волонтеров, однако ограничивает деятельность незарегистрированных волонтеров в зонах чрезвычайных ситуаций, вводит ограничение волонтеров по возрасту (18 лет), вводит ограничение волонтерской деятельности в определенных сферах, в частности запрещает политическое волонтерство.

Реальное положение дел свидетельствует о том, что проект российского закона о волонтерстве некоторым образом заимствует отдельные аспекты американской модели, исходя из успешности опыта американцев в этом направлении. Однако это заимствование происходит без учета специфики социально-экономического контекста принятия и дееспособности законодательной базы, регулирующей волонтерство в России и США.

1. Аузан А. А., Тамбовцев В. Л. Экономическое значение гражданского общества // *Вопр. экономики*. 2005. № 5. С. 28–49.
2. Концепция содействия развитию благотворительности и добровольчества в Российской Федерации [Электронный ресурс] // *Благотворительность в России* (М.). 2009. № 2. URL: <http://rusblago.ru/arhiv/2009/22009/> (дата обращения: 24.06.2013).
3. *Севергин О.* «Добровольцы» Европы [Электронный ресурс] // *Голос России* : [сайт]. URL: http://rus.ruvr.ru/2012_05_11/74396422/ (дата обращения: 01.07.2013).
4. Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 г. № 1760-р. [Электронный ресурс]. URL: http://newurengoy.ru/youth_and_family/2016/ (дата обращения: 25.06.2013).
5. *Anheier H., Salamon L.* Volunteering in cross-national perspective: Some initial comparisons // *Law and Contemporary Problems*. 1999. № 65. P. 43–78.
6. *Ellis S. J., Campbell K. H.* Volunteering: an american tradition // *The Spirit of Volunteerism*. Washington, 2012. DC 20522-0501.
7. Justia Free Legal Resources [Electronic resource]. URL: <http://regulations.justia.com/regulations/fedreg/agencies/peace-corps> (accessed: 25.06.2013).
8. Justia Free Legal Resources [Electronic resource]. Peace Corps – Federal Register Recent Federal Regulation Documents. URL: <http://regulations.justia.com/regulations/fedreg/agencies/peace-corps> (accessed: 25.06.2013).
9. *Rotolo T., Wilson J.* State-level differences in volunteerism in the United States: research based on demographic, institutional, and cultural macrolevel theories // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2011. № 41(3). P. 452–473.
10. *Salamon M., Sokolowski S., Haddock M.* Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, estimates, and a roadmap to the future // *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2011. Vol. 82, № 3.
11. The Peace Corps Act: Public Law 87-293. Sept. 22, 1961 [Electronic resource]. URL: <http://files.peacecorps.gov/multimedia/pdf/policies/ms101.pdf> (accessed: 20.06.2013).
12. The Volunteer Protection Act of 1997: Public Law 105-19. June 18, 1997. Section 6. Definitions [Electronic resource]. URL: <http://www.mke-skywarn.org/vpa.htm> (accessed: 24.06.2013).

Статья поступила в редакцию 22.11.2013 г.

УДК 159.922 + 378.1 + 316.628

О. С. Виндекер
Д. В. Бердникова

МОТИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С РАЗНЫМИ ИМПЛИЦИТНЫМИ ТЕОРИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА И ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена исследованию двух типов имплицитных теорий у студентов-психологов в связи с их мотивационным профилем. Показано, что «носители» имплицитных теорий «фиксированного» (entity theory) и «наращиваемого» (incremental theory) интеллекта различаются по уровню и структурному своеобразию учебной мотивации. Особое внимание уделяется имплицитным представлениям студентов-психологов о личности как «обогащаемой» или, напротив, «неизменной» в течение жизни.

Ключевые слова: студенты-психологи; имплицитные теории интеллекта и личности; учебная мотивация; мотивация достижения.

В настоящее время актуальны исследования, посвященные изучению учебной и достиженческой мотивации студентов. Отечественные авторы [1, 6] достаточно много внимания уделяют структуре учебной мотивации, выделяя различные компоненты, более или менее тесно связанные непосредственно с учебной деятельностью. На наш взгляд, при этом недостаточно внимания уделяется исследованию представлений самих студентов о феноменах, имеющих отношение к учебной деятельности, в связи с мотивацией достижения и учебной мотивацией. В то же время ряд авторов указывают [3, 4, 7, 13], что

ВИНДЕКЕР Ольга Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: olgatt@yandex.ru).

БЕРДНИКОВА Дарья Владимировна — магистрант кафедры общей психологии и психологии личности Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: dariyab@bk.ru).

© Виндекер О. С., Бердникова Д. В., 2014

именно представления, часто неосознаваемые, или имплицитные, являются верным когнитивным предиктором учебной и достиженческой мотивации.

Имплицитные теории — это стихийно сложившиеся представления, которые относятся субъектом к самому себе и окружающим людям. К. Двек [3, 4, 7, 13] рассматривает имплицитные теории в качестве факторов внутренней детерминации обучения и отмечает, что люди различаются по своим представлениям об интеллекте и личности. Одни люди рассматривают интеллект и личность как неизменные величины («fixed»), другие — как изменяемые, приращаемые в процессе обучения («grow»). При этом в теории К. Двек делается акцент на том, что представления человека о себе, в частности о своем интеллекте и личности, имеют большое значение для достиженческой мотивации и в целом определяют успех человека в жизни. Рассмотрим подробнее эту теорию.

К. Двек, совместно с А. Бандурой [3, 4, 7, 13], выделили два типа имплицитных теорий интеллекта: теорию заданности и теорию приращения. Те, кто придерживаются теории заданности, полагают, что интеллектуальные способности имеют врожденную природу и в течение жизни мало развиваются, те же, кто придерживаются теории приращения, считают, что интеллект можно развивать и улучшать в течение жизни, решающую роль в этом процессе имеют старания, планомерная работа, усидчивость. К. Двек утверждала, что интуитивные теории интеллекта оказывают существенное влияние на постановку жизненных и учебных целей. Те люди, которые разделяют представления об интеллекте как о неизменном свойстве, ценят легких успех, стремятся избежать неудач, получить позитивную оценку своих способностей, ориентируются, прежде всего, на результат. Сторонники теории приращения ставят перед собой учебные и познавательные цели, стремятся повысить свою компетентность и мастерство, предпочитают новые, трудные задачи, которые будут способствовать их развитию. Такие люди ориентированы на самообучение, и возможность узнать что-то новое для них важнее, чем оценки и похвала со стороны окружающих. Именно они выбирают цели учения.

Также К. Двек полагает, что и при построении отношений друг с другом люди используют два типа теорий, которые определяют разные стратегии поведения и представления субъекта о себе и окружающих его людях. Так, одни считают, что нельзя изменить присущие человеку личностные характеристики, другие, наоборот, полагают, что личность можно изменить в результате работы над собой и в ходе взаимодействия с другими людьми.

На наш взгляд, изучение особенностей мотивации достижения, учебной мотивации и их взаимосвязи с имплицитными теориями личности имеет большое значение, прежде всего применительно к студентам-психологам. Поскольку основной инструмент практикующего психолога — собственная личность, нам представляется интересным рассмотреть личностные особенности студентов-психологов, а именно особенности потребностно-мотивационной сферы в связи с имплицитными представлениями о возможности изменения собственных интеллектуальных и личностных характеристик. В современной отечественной психологической литературе есть исследования, посвященные изучению достиженческой и учебной мотивации на выборке студентов-психологов

(работы А. Н. Неврюева [10], Е. И. Сатаевой [11], М. В. Лях [8] и др.). При этом мы не нашли исследований, посвященных анализу взаимосвязи этих параметров с имплицитными теориями интеллекта и личности. Во многом это объясняется тем, что опросник К. Двек, направленный на изучение имплицитных теорий, был переведен и апробирован на студенческой выборке сравнительно недавно [7].

Мы предположили, что «приверженность» студентов-психологов той или иной теории интеллекта и личности связана с разными структурными компонентами учебной и достиженческой мотивации. Кроме того, мы предположили, что у «носителей» контрастных теорий интеллекта и личности характер взаимосвязи между учебной и достиженческой мотивацией будет различным.

Выборку исследования составили студенты 2–4-х курсов департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. Всего в исследовании приняли участие 80 человек, из них 10 юношей и 70 девушек.

Для изучения учебной мотивации студентов были использованы два опросника: методика А. А. Реана и В. А. Якунина в модификации Н. Ц. Бадмаевой и методика изучения мотивации обучения в вузе Т. И. Ильиной. Методика Реана и Якунина в модификации Бадмаевой [1] включает в себя 16 утверждений из опросника Реана и Якунина, к которым добавлены утверждения, характеризующие мотивы учения, выделенные В. Г. Леонтьевым, а также утверждения, полученные Н. Ц. Бадмаевой в результате опроса школьников и студентов. Всего в опроснике представлено 7 шкал: коммуникативные, учебно-познавательные, профессиональные, социальные мотивы, а также мотивы избегания неудач, творческой самореализации и престижа.

Методика изучения мотивации обучения в вузе Т. И. Ильиной [6] включает 3 шкалы: приобретение знаний (стремление к приобретению знаний, любознательность); овладение профессией (стремление овладеть профессиональными знаниями, сформировать профессионально важные качества); получение диплома (стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний).

Опросник имплицитных теорий (ИТ) К. Двек — Т. В. Корниловой [7] представляет собой модифицированный вариант трех опросников К. Двек с добавлением пунктов, относящихся к самооценке обучения. Данная методика направлена на исследование имплицитных представлений испытуемых о развитии интеллекта и личности, а также позволяет выявить преимущественную ориентацию в процессе обучения и оценить интенсивность усилий, направленных на достижение успеха. Таким образом, опросник включает 4 шкалы: наращиваемый интеллект; обогащаемая личность; принятие целей обучения; самооценка обучения.

Для определения преимущественной направленности студентов на достижения или избегание неудач применялись опросники Т. Элерса «Мотивация к успеху» и «Мотивация к избеганию неудач» [6]. Дополнительно в исследовании была использована методика «Мотивация достижения: адаптация и трансценденция» (МДАТ), разработанная на кафедре общей психологии и психо-

логии личности УрГУ (2010) [2]. Данный опросник позволяет выявить адаптивную и трансцендентную составляющие мотивации достижения, а также определить ее общий уровень. Отметим, что адаптивная составляющая мотивации достижения отражает стремление личности к достижению определенных социально значимых ценностей, трансцендентная составляющая отражает стремление к самоактуализации, реализации заложенного в себе потенциала, самосовершенствованию.

Использование двух методик, направленных на измерение мотивации достижения, обусловлено тем, что в данных опросниках эксплицировано разное содержание данного феномена. Методика Т. Элерса позволяет выявить две противоположные тенденции – мотивацию достижения и избегания неудач, тогда как МДАТ позволяет рассмотреть два структурных компонента мотивации достижения – мотивацию адаптации и мотивацию трансценденции.

В качестве статистических методов использовались непараметрические критерии Спирмена и Манна – Уитни.

Мотивация достижения (МД), измеренная по методике Т. Элерса, и мотивация достижения, измеренная по методике МДАТ, положительно связаны с самооценкой обучения ($r_{\text{эмп}} = 0,26$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$ для МД по Т. Элерсу и $r_{\text{эмп}} = 0,40$; $r_{\text{кр}} = 0,30$ при $p \leq 0,01$ для результирующей МД по МДАТ). Это значит, что студенты с выраженной мотивацией достижения высоко оценивают свои усилия, направленные на достижения, и относят себя к успешным студентам. Анализируя полученную взаимосвязь, можно обратиться к работам Х. Шулера [14, 15], где в качестве одного из аспектов мотивации достижения он называет гордость за результат, которая выражается в том, что человек получает удовольствие от собственных достижений.

Мотивация достижения, измеренная по методике МДАТ, коррелирует со всеми шкалами опросника ИТ. В частности, мотивация достижения положительно связана со шкалой «превалирование представления о неизменном или приращаемом интеллекте» ($r_{\text{эмп}} = 0,23$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$), т. е. студенты с выраженной мотивацией достижения придерживаются представления об интеллекте как об изменяемом свойстве. ИТ «наращиваемого интеллекта», в соответствии с теорией К. Двек, предполагает, что интеллект развивается и обогащается в процессе обучения [3, 4, 7, 13]. Люди, разделяющие эту теорию, не боятся трудностей, так как надеются в процессе их преодоления развить свой интеллект, овладеть мастерством, что для них очень важно. Это характерно и для людей с выраженной мотивацией достижения. Д. Макклелланд [9] отмечает у таких людей самостоятельность, активность, инициативность, упорство при работе с задачами разного уровня трудности, а Х. Шулер [14, 15] – желание постоянно повышать уровень знаний, настойчивость, ориентацию на дело, целеустремленность.

Также мотивация достижения коррелирует со шкалой «обогащаемая личность» ($r_{\text{эмп}} = 0,25$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что студенты-психологи с выраженной мотивацией достижения полагают, что личность может изменяться. Люди, являющиеся носителями имплицитной теории «обогащаемой личности», много работают над собой, над изменением своих личностных

характеристик. Поскольку мотивация достижения предполагает, что человек стремится добиваться возможно лучших результатов в области, которую он считает для себя значимой [3, 9, 12, 14, 15], то к деятельности достижения можно отнести и работу над собственным развитием. Получается, что студенты-психологи с выраженной мотивацией достижения стремятся добиться успехов не только в интеллектуальной, учебной деятельности, но и в плане работы над собой.

Кроме того, мотивация достижения положительно связана со шкалой «принятие целей обучения» ($r_{\text{эмп}} = 0,40$; $r_{\text{кр}} = 0,30$ при $p \leq 0,01$). Высокий показатель по данной шкале означает, что студент ориентирован на процесс учения и мастерство. Это же характерно и для людей с выраженной мотивацией достижения [9, 14, 15].

Мотивация трансценденции, выражающаяся в стремлении преодолевать препятствия, развиваться и самосовершенствоваться, связана с наличием у студентов-психологов имплицитной теории наращиваемого интеллекта ($r_{\text{эмп}} = 0,27$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$) и обогащаемой личности ($r_{\text{эмп}} = 0,28$; $r_{\text{кр}} = 0,30$ при $p \leq 0,05$), а также с ориентацией на процесс обучения ($r_{\text{эмп}} = 0,50$; $r_{\text{кр}} = 0,30$ при $p \leq 0,01$) и высокой самооценкой обучения ($r_{\text{эмп}} = 0,50$; $r_{\text{кр}} = 0,30$ при $p \leq 0,01$). При этом мотивация достижения, связанная с соревновательностью, стремлением к престижу, ориентацией на мнение окружающих (шкала «мотивация адаптации»), оказалась не связанной ни с одним из параметров опросника К. Двек — Т. В. Корниловой.

Также нам кажется интересным обратиться и к анализу взаимосвязи между показателями методик, направленных на изучение учебной мотивации и имплицитных теорий личности. Для того чтобы определить, каким образом связаны данные показатели, мы использовали коэффициент корреляции Спирмена.

Учебно-познавательные мотивы, измеренные по методике А. Реана, и мотив овладения профессией, измеренный по методике Т. Ильиной, положительно связаны с имплицитной теорией «наращиваемого интеллекта» ($r_{\text{эмп}} = 0,26$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$). Как мы уже указывали ранее, студенты, придерживающиеся данной теории, склонны ставить перед собой учебные и образовательные цели, предпочитают трудные и разнообразные задачи, которые могут помочь им научиться чему-то. Соответственно, эти стремления проявляются и в ведущей деятельности студентов — учебно-профессиональной, тем самым обуславливая выраженность учебно-познавательного мотива и мотива овладения профессией.

Также профессиональные мотивы, мотивы творческой самореализации и учебно-познавательные мотивы связаны с имплицитной теорией «обогащаемой личности» ($r_{\text{эмп}} = 0,29$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$ для профессиональных мотивов, $r_{\text{эмп}} = 0,24$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$ для мотивов творческой самореализации и $r_{\text{эмп}} = 0,26$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$ для учебно-познавательных мотивов). Поскольку данная теория предполагает стремление человека работать над собой, над собственным развитием и изменением своих личностных характеристик, то можно утверждать, что это стремление проявляется в учебной деятельности как желание овладеть профессиональным мастерством (профессиональ-

ные мотивы), приобрести новые знания, умения, навыки (учебно-познавательные мотивы), реализовать свой творческий потенциал (мотивы творческой самореализации).

Мотивы престижа и социальные мотивы, измеренные по методике А. Ренана и др., отрицательно связаны с принятием целей обучения ($r_{\text{эмп}} = -0,23$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$ для мотивов престижа и $r_{\text{эмп}} = -0,26$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$ для социальных мотивов). Высокий показатель по шкале «принятие целей обучения» предполагает ориентацию студента на процесс обучения, тогда как мотивы престижа и социальные мотивы выражают, прежде всего, стремление к карьерному росту, высокому общественному положению. Студенты с выраженными мотивами престижа и социальными мотивами учатся не столько ради самого процесса учения, сколько ради будущих социально значимых достижений. Также и мотивы избегания отрицательно связаны с принятием целей обучения ($r_{\text{эмп}} = -0,48$; $r_{\text{кр}} = 0,30$ при $p \leq 0,01$). Преобладающий мотив избегания в учебной деятельности отражает стремление студента избежать наказания и осуждения за плохую учебу, при этом желание чему-то научиться отходит на второй план. Этим и можно объяснить отрицательную связь данных параметров.

Кроме того, мотив получения знаний, измеренный по методике Т. Ильиной, положительно связан с принятием целей обучения ($r_{\text{эмп}} = 0,33$; $r_{\text{кр}} = 0,30$ при $p \leq 0,01$). Это объясняется тем, что оба эти параметра отражают ориентацию студента на овладение знаниями и мастерством.

Самооценка обучения отрицательно связана с мотивом избегания в учебной деятельности ($r_{\text{эмп}} = -0,37$; $r_{\text{кр}} = 0,30$ при $p \leq 0,01$), т. е. люди с выраженным мотивом избегания причисляют себя скорее к неуспешным студентам, чем к успешным, низко оценивают свои усилия, вкладываемые в учебные достижения. Вероятно, это связано с тем, что студенты с выраженным мотивом избегания затрачивают много усилий не на то, чтобы научиться чему-то новому, достичь успеха, а на то, чтобы избежать плохих отметок. Соответственно, и свои усилия, направленные на достижения, они склонны оценивать низко. Также самооценка обучения положительно связана с профессиональными ($r_{\text{эмп}} = 0,36$; $r_{\text{кр}} = 0,3$ при $p \leq 0,01$) и учебно-познавательными мотивами ($r_{\text{эмп}} = 0,27$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$), с мотивами получения знаний ($r_{\text{эмп}} = 0,26$; $r_{\text{кр}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$) и овладения профессией ($r_{\text{эмп}} = 0,36$; $r_{\text{кр}} = 0,3$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, студенты-психологи с выраженными учебно-познавательными и профессиональными мотивами вкладывают много усилий в получение новых знаний, умений и навыков, в овладение профессиональным мастерством, в реализацию своих способностей к выбранной профессии. Соответственно, они высоко оценивают свои усилия, направленные на достижение данных целей, и относят себя к успешным студентам, так как много сил и времени уделяют обучению выбранной профессии.

Опираясь на показатели среднего и стандартного отклонения, мы выделили две контрастные группы студентов-психологов, имеющих разные представления о развитии интеллекта и личности. Согласно К. Двек [3, 7, 13], имплицитные теории интеллекта могут значимо влиять на мотивацию достижения и реальные

успехи, в том числе и в учебной деятельности студентов. По параметру «теории интеллекта» было выделено две группы: 1) полагающие, что интеллект можно развивать в течение всей жизни («наращиваемый интеллект», 13 чел.); 2) полагающие, что интеллект является стабильной, неизменной характеристикой («фиксированный интеллект», 12 чел.). При сравнении этих групп по параметрам учебной и достиженческой мотивации (посредством критерия Манна – Уитни) оказалось, что у приверженцев теории «наращиваемого интеллекта» более выражены учебно-познавательный ($U_{\text{эмп}} = 25,5$ при $p = 0,007$) и профессиональный ($U_{\text{эмп}} = 30,5$ при $p = 0,01$) мотивы.

Кроме того, в контрастных группах проводился корреляционный анализ между параметрами учебной и достиженческой мотивации (по Спирмену). Оказалось, что, независимо от приверженности той или иной теории развития интеллекта, у студентов-психологов мотивация достижения связана с мотивом приобретения знаний ($p \leq 0,05$). При этом в группе студентов-психологов, имеющих ИТ «наращиваемого интеллекта», мотивация достижения также связана с учебно-познавательным мотивом ($r_{\text{эмп}} = 0,62$; $r_{\text{кр}} = 0,57$ при $p \leq 0,05$), мотивом овладения профессией ($r_{\text{эмп}} = 0,76$; $r_{\text{кр}} = 0,69$ при $p \leq 0,01$) и высокой самооценкой обучения ($r_{\text{эмп}} = 0,58$; $r_{\text{кр}} = 0,57$ при $p \leq 0,05$). Примечательно, что в группе студентов-психологов, имеющих ИТ «фиксированного интеллекта», мотивация адаптации теснее связана с итоговым показателем мотивации достижения ($r_{\text{эмп}} = 0,69$; $r_{\text{кр}} = 0,69$ при $p \leq 0,01$), тогда как в группе «наращиваемого интеллекта» мотивация адаптации совершенно не коррелирует с результирующей мотивацией достижения. Это подтверждает утверждение К. Двек [3, 7, 13] о том, что представители ИТ «фиксированного интеллекта» в своих успехах и достижениях более ориентированы на внешние критерии оценки их собственной деятельности и в большей степени занимаются той работой, которая может быть оценена по достоинству.

Интересным нам представляется «корреляционное поведение» шкалы мотива избегания. В литературе имеются противоречивые данные о взаимосвязи мотивации достижения и избегания неудач. Часть авторов настаивают на том, что это две противоположные диспозиции, что, в свою очередь, и эксплицировано в соответствующем инструментарии (например, у А. А. Реана [6] шкала мотивации достижения является биполярной: «мотивация к успеху – страх неудачи»). Другие авторы рассматривают мотивацию достижения и мотивацию избегания неудач как две независимые переменные (например, О. П. Феногентова, Л. Я. Дорфман [5]). В данной выборке студентов-психологов мотив избегания действительно «повел себя» как независимая характеристика, но только в группе «фиксированного интеллекта». То есть у студентов-психологов, полагающих, что интеллект является неизменной характеристикой, мотив избегания никак не связан с мотивацией достижения. Напротив, в группе «наращиваемого интеллекта» мотив избегания оказался отрицательно связанным с мотивацией достижения ($r_{\text{эмп}} = -0,62$; $r_{\text{кр}} = 0,57$ при $p \leq 0,05$). То есть в сознании студентов-психологов, придерживающихся теории изменяемого интеллекта, эти конструкты являются противоположными.

Особенно важным мы считаем исследование имплицитных теорий личности у студентов-психологов. Представления о личности как обогащаемой или, напротив, слабо изменяемой в течение жизни могут значимо влиять на эффективность работы психолога, а также на успешность его профессиональной деятельности. В данной выборке студентов были выделены две контрастные группы: 1) полагающие, что личность человека не имеет предела в своем развитии («обогащаемая личность», 12 чел.); 2) полагающие, что в течение жизни личность человека слабо поддается изменениям и «люди не меняются» («ригидная личность», 12 чел.).

В результате сравнительного анализа посредством критерия Манна – Уитни выяснилось, что в группе «обогащаемой личности» достоверно более выражен профессиональный мотив ($U_{\text{эмп}} = 43,5$ при $p = 0,04$) и менее выражен мотив избегания неудач ($U_{\text{эмп}} = 34$ при $p = 0,01$) по сравнению с группой «фиксированной личности».

В результате корреляционного анализа внутри каждой подгруппы были получены следующие результаты. В группе студентов-психологов, полагающих, что личность в течение жизни значительно не меняется, их собственная мотивация достижения оказалась не связанной ни с одним из показателей учебной мотивации. Тогда как в группе студентов-психологов, имеющих представление о личности как обогащаемой, мотивация достижения оказалась значимо связанной с мотивом овладения профессией ($r_{\text{эмп}} = 0,89$; $r_{\text{кр}} = 0,80$ при $p \leq 0,001$) и учебно-познавательным мотивом ($r_{\text{эмп}} = 0,74$; $r_{\text{кр}} = 0,69$ при $p \leq 0,01$). Кроме того, трансцендентная составляющая мотивации достижения связана с мотивом приобретения знаний ($r_{\text{эмп}} = 0,71$; $r_{\text{кр}} = 0,69$ при $p \leq 0,01$), а адаптивная составляющая – с мотивом престижа ($r_{\text{эмп}} = 0,72$; $r_{\text{кр}} = 0,69$ при $p \leq 0,01$).

Интересно, что в группе «обогащаемой личности» профессиональный мотив связан с коммуникативным мотивом ($r_{\text{эмп}} = 0,57$; $r_{\text{кр}} = 0,57$ при $p \leq 0,05$) и мотивом творческой самореализации ($r_{\text{эмп}} = 0,57$; $r_{\text{кр}} = 0,57$ при $p \leq 0,050$), тогда как в группе «ригидной личности» профессиональный мотив не связан ни с одним другим структурным элементом учебной мотивации.

Таким образом, результаты данного эмпирического исследования свидетельствуют о том, что студенты-психологи с разными имплицитными теориями интеллекта и личности имеют различные мотивационные профили. Студенты-психологи, придерживающиеся теории «наращиваемого интеллекта», более мотивированы на получение знаний и овладение профессией, чем те, кто придерживается теории «фиксированного интеллекта».

В сознании студентов-психологов, полагающих, что интеллект – неизменная характеристика, мотивация достижения и мотивация избегания неудач не являются противоположными конструктами. Возможно, на поведенческом уровне у таких студентов желание добиваться успеха может быть тесно связано со стремлением избегать ошибок или неверных действий, что приводит к мотивационному конфликту. Чтобы избежать такого внутреннего конфликта, студенты – сторонники имплицитной теории «фиксированного интеллекта» вынуждены либо браться за простые задачи, либо вообще не приступать к делу, откладывая его «на потом». Однако это предварительный вывод, который

требует дальнейшей экспериментальной проверки с выходом за рамки психометрического уровня исследования.

1. *Бадмаева Н. Ц.* Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей [Электронный ресурс]. Улан-Удэ, 2004. URL: http://transyoga.ru/assets/files/books/sposobnosti/motivacion_factor_razvitie_sposobnostej.pdf
2. *Виндекер О. С.* Структура и психологические корреляты мотивации достижения : дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2010. 24 с.
3. *Гордеева Т. О.* Психология мотивации достижения. М., 2006. 333 с.
4. *Далгатов М. М.* Мотивация деятельности достижения в теориях каузальной атрибуции // Вестн. МГУ. Сер. 14 : Психология. 2006. № 1.
5. *Дорфман Л. Я., Феногентова О. П., Дудорова Е. В.* Я-концепция и мотивы достижения (полиmodalный аспект) // Образование в культуре и культура образования. Пермь, 2003. Ч. 1.
6. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2003. 512 с.
7. *Корнилова Т. В., Смирнов С. Д., Чумакова М. А. и др.* Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) / Психол. журн. 2008. № 3. С. 106–120.
8. *Лях М. В.* Виды мотивов учебно-профессиональной деятельности, их развитие в студенческом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 24 с.
9. *Макклелланд Д.* Мотивация человека. СПб., 2007. 672 с.
10. *Неврюев А. Н.* Особенности мотивации будущих психологов на ранних этапах профессионального становления // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : Психологические науки. 2011. № 4. С. 95–98.
11. *Сатаева Е. И.* Развитие мотивации достижения и познавательной активности студентов-психологов в процессе обучения // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2012. Т. 71, № 7. С. 106–109.
12. *Хекхаузен Х.* Психология мотивации достижения. СПб., 2001. 256 с.
13. *Dweck C. S., Chiu C., Hong Y.* Implicit theories and their role in judgments and reactions: A world from two perspectives // Psychological Inquiry. 1995. № 6. P. 267–285.
14. *Schuler H., Frintrup A.* Das Leistungsmotivations inventar // Wirtschafts psychologie. 2002. № 2. S. 78–82.
15. *Schuler H., Frintrup A.* Der Wille zahlt: Leistungsmotivation // Personal. 2002. Vol. 54, № 1. S. 750–753.

Статья поступила в редакцию 25.02.2014 г.

УДК 159.922.74 + 373.3

О. В. Ломтатидзе
И. А. Ершова

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К ОСНОВНЫМ ВИДАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье устанавливается связь положительного и отрицательного эмоционального отношения к основным видам деятельности у детей с различными половозрастными и типологическими характеристиками. Анализируется динамика эмоционального отношения к основным видам деятельности у первоклассников и второклассников, мальчиков и девочек, детей с разными типами нервной системы. Полученные результаты интерпретируются в контексте проблемы адаптации младших школьников к новой ситуации развития.

К л ю ч е в ы е с л о в а: младший школьный возраст; половозрастные и типологические характеристики детей; ведущий вид деятельности.

В семилетнем возрасте ребенок оказывается в новой социальной ситуации развития — он становится школьником. Психофизиологические особенности определяют степень готовности ребенка к смене ведущего вида деятельности и, следовательно, его возможности соответствовать новым условиям, что для младшего школьника является жизненно важным, так как только в этом случае «он может чувствовать себя на высоте занимаемого положения и испытывать эмоциональное благополучие» [1, 214].

Половозрастные и типологические характеристики детей в немалой степени влияют на их успешность обучения в начальной школе, что, в свою очередь, лежит в основе формирования у них установок и мотивов к учебной деятельности как таковой и определяет отношение к ней на годы вперед. Теоретические аспекты данной проблемы представлены в работах Л. И. Божович, Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина и др.

Данное исследование, проводившееся на базе лицея № 110 г. Екатеринбург, было направлено на изучение динамики адаптации младших школьников к новой социальной ситуации развития с учетом их половозрастных и типологических характеристик. Выборка составила 28 человек, из них 18 человек (64,3 %) мальчики и 10 человек (35,7 %) девочки.

На первом этапе исследования испытуемые являлись учениками первого класса. Второй этап проводился через год, когда эти же испытуемые учились во втором классе.

ЛОМТАТИДЗЕ Ольга Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психофизиологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: olya.l@mail.ru).

ЕРШОВА Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, доцент кафедры психологии развития и педагогической психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: ershova_ekb@mail.ru).

© Ломтатидзе О. В., Ершова И. А., 2014

В исследовании были использованы следующие диагностические методики:

- модифицированный вариант проективной методики И. М. Никольской и Р. М. Грановской: определение эмоционального отношения детей младшего школьного возраста к основным для них видам деятельности [4].

Сначала испытуемым было дано задание нарисовать приятные и неприятные для них ситуации. Затем дети дали названия этим рисункам и составили по ним рассказы. Анализ рисунков позволил выделить наиболее характерные для детей виды деятельности: игра, учеба и «иная» (в тематику рисунков, отнесенных к этой сфере деятельности, вошли отношения с родителями, занятия музыкой, иностранным языком, ситуации, связанные с домашними животными, с выполнением домашних обязанностей, болезни и травмы и др.). Исследуемый материал — рисунки и пояснения детей к ним — позволил определить эмоциональное отношение детей к каждому из трех видов деятельности;

- методика экспресс-диагностики свойств нервной системы по психомоторным показателям Е. П. Ильина (теппинг-тест) [3, 528–530].

Согласно методике, выделяется 5 типов нервной системы: сильный, слабый, стабильный, среднесильный и среднеслабый. По результатам диагностики среднесильный и среднеслабый типы нервной системы были нами отнесены к группе со стабильной нервной системой, мы руководствовались тем, что при небольших размерах выборки анализ групп, в состав которых входит 1–3 человека, не имеет смысла. Таким образом, были выделены 3 группы: дети со стабильным, сильным и слабым типами нервной системы.

Полученные данные были подвергнуты количественной обработке. В статье представлены показатели, выраженные в процентах, при этом анализируемый показатель одного ученика составляет 3,6 %. Для математического анализа результатов исследования применялись дихотомический коэффициент корреляции (ϕ), угловое преобразование Фишера (ϕ^*) и критерий Хи-квадрат (χ).

При анализе результатов, полученных по проективной методике в первом классе, с помощью дихотомического коэффициента корреляции установлено наличие статистически достоверной связи положительного эмоционального отношения детей с игровой деятельностью ($\phi = 0,43$ при $p \geq 0,95$). В рисунках и рассказах с игровыми сюжетами преобладали приятные для детей ситуации.

Статистически достоверных связей эмоционального отношения с другими видами деятельности у первоклассников не обнаружено.

Во втором классе выявлена статистически достоверная связь негативного эмоционального отношения детей с учебной деятельностью ($\phi = -0,41$ при $p \geq 0,95$). Учащиеся второго класса чувствуют дискомфорт, напряжение, когда занимаются деятельностью, связанной с учебой.

Статистически достоверных связей эмоционального отношения с выделенными видами деятельности у мальчиков и девочек, учащихся первого класса, не обнаружено.

Анализ результатов второклассников показал наличие статистически достоверной связи эмоционального отношения к учебной деятельности с полом испытуемых: у мальчиков выявлено преобладание негативного отношения к учебной деятельности ($\varphi = 0,94$ при $p \geq 0,95$).

С помощью углового преобразования Фишера была дана оценка достоверности различий между процентными долями выборок девочек и мальчиков, в которых зарегистрирован интересующий нас эффект. В первом классе мальчиков, чувствующих себя комфортно в учебной деятельности, достоверно больше, чем девочек ($\varphi^* = 2,66$ при $p \geq 0,95$).

Игра довольно редко сопровождается негативными эмоциональными переживаниями, но все-таки в первом классе мальчики достоверно чаще, чем девочки, испытывают неприятные чувства в игровой деятельности ($\varphi^* = 1,79$ при $p \geq 0,99$).

Во втором классе достоверных различий по позитивному отношению к выделенным видам деятельности между группами мальчиков и девочек не выявлено.

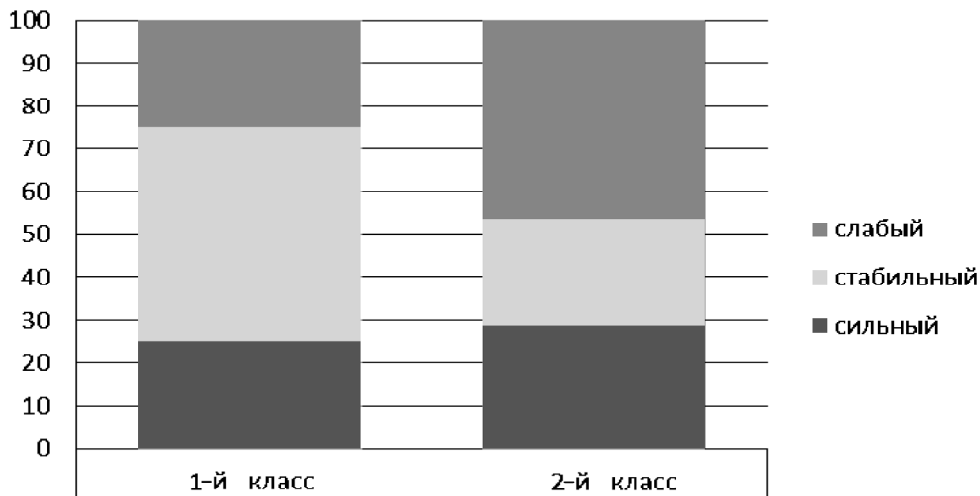
По негативному отношению к выделенным видам деятельности достоверные различия получены по показателям «иной» и учебной деятельности. 70 % девочек и 33,3 % мальчиков второго класса испытывают негативные эмоции в «иной» деятельности (отношения с родителями, занятия музыкой, иностранным языком, ситуации, связанные с домашними животными, с выполнением домашних обязанностей, болезни и травмы и др.). Различия статистически достоверны ($\varphi^* = 1,85$ при $p \geq 0,95$). Мальчиков, переживающих отрицательные эмоции относительно учебной деятельности, достоверно больше, чем девочек ($\varphi^* = 1,82$ при $p \geq 0,95$).

Следующим этапом исследования стало проведение теппинг-теста для определения свойств нервной системы. Получены следующие результаты: в первом классе детей с сильным типом нервной системы 25 %, во втором — 28,6 %. Во втором классе по сравнению с первым в 2 раза сократилось число учащихся со стабильным типом нервной системы (за счет детей со среднеслабым типом, первоначально отнесенных к стабильному): в первом классе 50 %, во втором — 25 % учащихся. В то же время существенно увеличился процент детей со слабым типом нервной системы (у большинства первоклассников со среднеслабым типом во втором классе был диагностирован слабый тип нервной системы): в первом классе 25 %, во втором — 46,4 % детей (см. рисунок).

Анализ преобладающего эмоционального отношения к выделенным видам деятельности у первоклассников с различными типами нервной системы статистически значимых различий не выявил.

В первом классе были установлены достоверные различия между учащимися со стабильным и слабым типами нервной системы ($\varphi^* = 1,47$ при $p \geq 0,95$) по показателю негативного отношения к игровой деятельности. Дети со стабильным типом нервной системы чаще чувствуют дискомфорт в игровой деятельности, нежели дети со слабым типом нервной системы.

Во втором классе эмоциональное отношение к учебной деятельности у детей со стабильным типом нервной системы достоверно отличается от отношения детей со слабым типом нервной системой ($\varphi^* = 1,82$ при $p \geq 0,95$). Учащиеся

Тип нервной системы у детей в 1-х и 2-х классах, %

со стабильным типом нервной системы чувствуют себя комфортнее в учебной деятельности, нежели учащиеся со слабым типом нервной системы.

У второклассников со стабильным типом нервной системы отношение к игре отличается от отношения учеников со слабым типом ($\varphi^* = 2,7$ при $p \geq 0,95$). Негативное отношение более характерно для детей со стабильным типом нервной системы.

Для установления достоверности различий эмпирических данных, полученных по исследуемым группам, был использован критерий Хи-квадрат. Установлены достоверные различия внутри исследуемых характеристик (пол, возраст, тип нервной системы), следовательно, эмоциональное отношение к выделенным видам деятельности связано с половозрастными и типологическими характеристиками младших школьников.

Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом:

- Для первоклассников игра продолжает оставаться предпочитаемым видом деятельности. Она характеризуется детьми как интересная, веселая, доставляющая удовольствие. Активность первоклассников в других сферах — уроки, общение со сверстниками, познание окружающего мира — также включает в себя элементы игры или реализуется в игровой форме.

- Во втором классе игра постепенно перестает быть ведущей деятельностью. На данном возрастном этапе важнейшие изменения, происходящие в процессе развития психики детей, определяет учебная деятельность, однако она требует от ученика терпения и усилий. Ребенок начинает осознавать, что главной его деятельностью является учеба, но, сталкиваясь с трудностями, он испытывает в отношении учебы преимущественно негативные эмоции. Дети во втором классе чаще определяют учебную деятельность как неприятную. Особенно это проявляется у мальчиков, хотя в первом классе мальчиков, чувствующих себя комфортно в учебной деятельности, было больше, чем девочек.

Для многих детей одной из наиболее значимых причин эмоционально положительного отношения к учебной деятельности в первом классе является стремление к завоеванию новой общественной позиции — к получению статуса школьника. Взрослые, начиная с дошкольного возраста, формируют у малышей соответствующую установку на отношение к учебе как к социально значимой деятельности и на ответственное выполнение своих обязанностей ученика.

Эмоциональная привлекательность позиции школьника для старших дошкольников очень высока, первоклассниками она воспринимается как личное достижение. Кроме того, обучение в первом классе не предполагает оценивания знаний, поэтому дети не вполне осознают степень своей успешности или неуспешности в образовательном процессе.

Во втором классе ситуация меняется. Падение интереса к учебе может быть обусловлено различными причинами, например, недостаточным уровнем подготовленности ребенка и, соответственно, трудностями освоения нового материала, перегруженностью и переутомлением (особенно у тех детей, которые помимо школы занимаются в других образовательных и развивающих учреждениях — музыкальных, спортивных). Кроме того, во втором классе учебная деятельность усложняется и требует от детей более высокого уровня развития произвольности. В 7 — 8 лет механизмы произвольности интенсивно формируются, однако возможности ребенка подчинять свои действия необходимости, «умение преодолевать непосредственно более сильные желания ради исполнения менее сильных, но более значимых» [1, 321], носят еще неустойчивый характер. Между тем любая деятельность может быть эмоционально привлекательной для ребенка только в том случае, если он способен соответствовать предъявляемым ей требованиям.

• *В первом классе мальчики чаще, чем девочки, испытывают неприятные эмоции в игровой деятельности.* Негативное отношение первоклассников к игровой деятельности может быть связано с тем, что чем старше становится ребенок, тем активнее он стремится завоевать лидерские позиции среди сверстников. Оказавшись в новой для себя среде, дети поначалу стараются вести себя так, как принято в данной группе, подчиняясь принятой в ней нормам и правилам. Затем у них начинает проявляться стремление к лидерству, к превосходству над сверстниками. У части детей это происходит в рамках основного вида деятельности — учебной, у других — в иных формах активности, например, в играх, спортивных состязаниях.

В групповых видах деятельности (а игра в этом возрасте преимущественно носит групповой характер) ребенок стремится к самореализации, пытается получить одобрение одноклассников, но далеко не каждому это удается. Кроме того, игры мальчиков часто сопряжены с проявлением агрессии, включают в себя силовые воздействия. Это связано с тем, что в возрасте 7–13 лет происходит становление стереотипов полоролевого поведения, ребенок усваивает нормативы мужского или женского стиля поведения (маскулинности или фемининности). Мужской стиль обычно ассоциируется со смелостью, силой, склонностью к риску, уверенностью в себе. Дети, особенно мальчики, боятся

оказаться слабыми, стать объектом насмешек одноклассников. Страх перед проявлением физической агрессии со стороны сверстников характерен «для эмоционально чувствительных, часто болеющих и ослабленных мальчиков» [2, 60]. Таким образом, на данном этапе развития для ребенка все более значимым становится мнение детского коллектива, оно определяет переживания ребенка, оказывает влияние на степень его эмоционального благополучия. Для кризиса 7 лет характерно возрастание детской чувствительности «к оценке своей социальной активности, а круг людей, оценки которых становятся важными для ребенка, существенно расширяется». Изменяется и отношение к себе. Это выражается «в обостренном чувстве самоуважения ребенка, в переживании им своей значимости для других в качестве равноправного партнера» [5, 275].

• *Во втором классе негативные эмоции у детей проявляются преимущественно в отношении «иной» деятельности* (отношения с родителями, занятия музыкой, иностранным языком, ситуации, связанные с домашними животными, с выполнением домашних обязанностей, болезни и травмы и др.), причем у девочек заметно чаще, чем у мальчиков, а также в отношении учебной деятельности (у мальчиков чаще, чем у девочек).

У младших школьников появляются новые сферы деятельности, расширяется круг обязанностей, возрастает мера ответственности. Взрослые предъявляют к ребенку все больше требований, зачастую не учитывая всей сложности и продолжительности процессов становления произвольности. Между тем переход на новый этап развития не предполагает автоматического формирования произвольности и ответственности, а принуждение и наказание могут оказаться не только бесполезными, но и нанести вред психическому развитию ребенка.

Как у первоклассников, так и у второклассников такие свойства внимания, как устойчивость и длительность, еще недостаточно сформированы, преобладает непроизвольное внимание, при котором наиболее значима непосредственная привлекательность стимула, его эмоциональная окраска, поэтому произвольная деятельность легко вытесняется более интересными для ребенка занятиями. В связи с этим неудивительно, что в нашем исследовании дети давали негативную оценку своим эмоциональным состояниям при включении в те виды деятельности, которые требуют произвольности. Кроме того, степень овладения данными видами деятельности у них еще не столь высока, чтобы способствовать развитию устойчивого интереса или усиливать мотивацию (например, занятия музыкой, иностранным языком, ситуации, связанные с выполнением домашних обязанностей).

Еще один фактор, определяющий негативные эмоции в отношении «иной» деятельности, это тревожность (переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагополучия), страхи (предчувствие грозящей опасности), связанные с взаимоотношениями с родителями, болезнями и травмами самих детей, потерей домашних животных. Кризис в отношениях с родителями, которые теперь оценивают ребенка прежде всего с позиций его успешности в школе, характерен для младших школьников. Кроме того, как

указывалось выше, к ребенку предъявляется все больше требований и в других видах деятельности. Соответственно, возрастает зависимость оценки ребенка от соответствия его поведения и результатов его деятельности ожиданиям родителей. Поэтому у детей нередко развивается эмоциональная депривация, им не хватает безусловного принятия, проявлений любви и поддержки со стороны родителей.

Любые травмы, болезни сопровождаются болью, страданием, поэтому воспоминания о них или воображаемые возможные ситуации, связанные с подобными переживаниями, у ребенка имеют негативную эмоциональную окраску. Кроме того, возрастающая степень самостоятельности ребенка, количество времени и ситуаций, в течение которых взрослые не могут контролировать его поведения, заставляют родителей акцентировать тему безопасности в общении с детьми. Для усиления воздействия родители нередко приводят страшные примеры, сопровождают запреты угрозами, порождающими у детей тревожность и страхи.

Негативные эмоции, связанные с переживаниями по поводу болезни или смерти домашних животных, характерны для детей. Животные — их верные друзья, их защита, прежде всего психологическая. Поэтому потерю и смерть любимых животных дети переносят очень тяжело. Это их первый опыт переживания горя от невосполнимой утраты [3].

- *Диагностика типов нервной системы у первоклассников* показала, что для половины испытуемых характерен стабильный тип нервной системы, слабый и сильный типы представлены пропорционально у второй половины респондентов. *Во втором классе по сравнению с первым более чем в 2 раза снизилось количество учащихся со стабильным типом нервной системы, в то же время существенно возросло число детей со слабым.* Таким образом, согласно полученным результатам, у части детей ко второму классу тип нервной системы изменился: если в первом классе он был стабильным, то во втором стал слабым. Этот странный на первый взгляд факт, по-видимому, объясняется тем, что у детей младшего школьного возраста тип нервной системы не сформировался окончательно, у многих из них он еще неопределенный. Изменения в сторону слабого типа могут быть связаны с большими нагрузками, которые испытывают дети, с ответственностью, которую на них возлагают взрослые, с трудностями адаптации к школе: сменой режима дня, неуспешностью в освоении знаний, трудностями коммуникации в классе и т. д. Характерно, что увеличение во втором классе числа детей со слабым типом нервной системы произошло за счет тех респондентов, у которых в первом классе был диагностирован среднеслабый тип.

- *Во втором классе учащиеся со стабильным типом нервной системы чувствуют себя комфортнее в учебной деятельности, нежели учащиеся со слабым типом нервной системы.* Ученики со стабильной нервной системой могут удерживать максимальный темп работы на одном уровне в течение всего времени ее выполнения. У детей со слабым типом максимальный темп быстро снижается и остается на сниженном уровне в течение всего периода выполнения работы. Во многих учебных ситуациях у детей со стабильной нервной

системой есть преимущества перед учениками со слабой нервной системой, например, при ответственной работе (контрольная), длительной и напряженной работе (несколько уроков подряд, на которых требуется высокая степень сосредоточенности), при работе в высоком темпе и др. Однако свои преимущества имеют и у обладателей слабой нервной системы. Они раскрываются в ситуациях монотонной деятельности, например, при решении ряда однотипных задач, в ситуациях планомерной работы, особенно если она не ограничена по времени исполнения, при усвоении материала с использованием различных видов наглядности и т. д.

Чем старше становятся учащиеся, тем более напряженным становится учебный процесс: возрастают разнообразие, объем и сложность материала, который нужно освоить; чаще возникают ситуации, требующие переключения внимания с одного вида работы на другой; темп работы становится более высоким. В этих условиях вероятность успешности выше у детей со стабильным типом нервной системы. Если ребенок со слабой нервной системой регулярно испытывает дискомфорт в учебной деятельности, у него неизбежно будет складываться негативное отношение к ней.

• *В первом классе дети со стабильным типом нервной системы чаще чувствуют дискомфорт в игровой деятельности, нежели дети со слабым типом нервной системы.* Для учащихся со стабильным типом нервной системы во втором классе игра становится еще менее привлекательной деятельностью, чем в первом классе. Так, число детей со стабильным типом нервной системы, испытывающих негативные эмоции в игре, возросло по сравнению с первым классом в 4 раза. Таким образом, для половины второклассников со стабильным типом нервной системы игра приобретает негативную окраску.

Учебная деятельность постепенно становится ведущей для младших школьников, как по времени включенности в нее, так и в качестве социальной ситуации развития. Дети все больше ориентируются на общественную значимость того, что они делают. Возможно, полученные результаты являются следствием становления у младших школьников учебной мотивации. Приобретая в процессе учебной деятельности знания, вырабатывая умения и навыки, дети не только заслуживают одобрение взрослых и одноклассников, но и повышают самооценку. У них развивается мотивация достижения. Как указывалось выше, дети со стабильной нервной системой чаще, чем учащиеся со слабым типом, испытывают положительные эмоции в отношении учебной деятельности. Таким образом, у них мотивация к игре постепенно уступает место мотивации к учебной деятельности.

Детям со слабой нервной системой требуется больше времени на перестройку, они дольше продолжают предпочитать игру учебе, так как склонны к выполнению привычной деятельности, не требующей напряжения и ответственности.

Полученные результаты подтверждают необходимость психологической помощи со стороны педагогов, школьных психологов и родителей младшим школьникам в процессе адаптации к новой для них ситуации социального развития. Общее направление этой помощи должно быть нацелено на форми-

рование индивидуального стиля учебной деятельности у детей с разными типологическими особенностями и выработку компенсаторных приемов, позволяющих ребенку испытывать эмоциональное благополучие в различных видах деятельности.

-
1. Божович Л. И. Проблемы формирования личности. Москва ; Воронеж, 1995. 352 с.
  2. Захаров А. И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб., 2005. 320 с.
  3. Методика экспресс-диагностики свойств нервной системы по психомоторным показателям Е. П. Ильина (теппинг-тест) // Практическая психодиагностика: методики и тесты : учеб. пособие / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2005.
  4. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. СПб., 2006. 342 с.
  5. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии // Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе : учеб. пособие для вузов. М., 2000.

Статья поступила в редакцию 24.01.2014 г.

УДК 316.356.2 + 316.37-058.5

**М. В. Разина
Л. С. Андреева**

ИССЛЕДОВАНИЕ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ К СТАРШИМ И МЛАДШИМ ДЕТЯМ В СЕМЬЕ

Исследуются психологические подходы к феномену родительского отношения к старшим и младшим детям в семье как актуальной проблеме современной социально-демографической ситуации в России. С помощью методик, разработанных А. Я. Варга, В. В. Столиным, И. М. Марковской, Э. Г. Эйдемиллер, выявляются различия в отношении к старшему и младшему ребенку у матерей и отцов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семья; родители; мать; отец; брат; сестра; сиблинг; семейная социограмма; гендер.

В современной России около половины всех семей, имеющих детей, — это двухдетные семьи. Сам по себе этот факт свидетельствует об актуальности и необходимости изучения особенностей развития и психологического благополучия детей в подобных семьях.

РАЗИНА Марина Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии развития и педагогической психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, заместитель начальника Уральского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России, г. Екатеринбург (e-mail: m_razina@mail.ru).

АНДРЕЕВА Людмила Сергеевна — специалист по работе с молодежью МКУ «Центр по работе с молодежью», г. Ревда, Свердловская обл. (e-mail: fedoseeva-lu@mail.ru).

© Разина М. В., Андреева Л. С., 2014

Исследования А. Адлера, У. Тоумена, Р. У. Ричардсона показывают, что порядок рождения детей в семье накладывает отпечаток на их психологические особенности, в том числе в силу различного отношения родителей к старшим, средним и младшим детям [1].

В современной литературе также существует ряд работ, посвященных проблеме родительского отношения. Однако исследования родительского отношения к старшим и младшим детям, воспитывающимся в двухдетной семье, практически отсутствуют. Соответственно, при оказании помощи семье этот фактор не учитывается, что накладывает отпечаток на качество психологического сопровождения.

В данном исследовании, цель которого заключалась в выявлении особенностей отношения к старшему и младшему ребенку у матерей и отцов, приняли участие 47 супружеских пар (94 человека) с равномерной представленностью мужчин и женщин. Мы использовали следующие критерии отбора испытуемых:

- полная семья;
- наличие двух детей;
- разница в возрасте между старшим и младшим ребенком составляет от 3 до 6 лет (возраст младших детей от 3 до 6 лет, возраст старших – от 7 до 10 лет);
- младший ребенок – дошкольник, старший ребенок – младший школьник;
- возраст всех испытуемых колеблется в пределах от 30 до 40 лет, т. е. они представляют один возрастной период – зрелость. Все родители имеют высшее или среднее специальное образование.

Исследование проводилось на базе МБДОУ «Детский сад № 365» (г. Екатеринбург).

Для проведения исследования были использованы следующие методики:

1. Опросник родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин) [2];
2. Опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» (И. М. Марковская) [2];
3. «Семейная социограмма» (Э. Г. Эйдемиллер) [2].

На этапе обработки информации было установлено, что показатели асимметрии и эксцесса по всем шкалам превышают критические значения, соответственно, эмпирическое распределение не подвержено законам нормального распределения. Поэтому для статистической обработки результатов был использован непараметрический критерий – парный критерий Т-Вилкоксона. Данный критерий был выбран для оценки достоверности различий в группах матерей и отцов по отношению к старшим и младшим детям, между группами матерей и отцов по отношению к старшему и младшему ребенку.

По Опроснику родительского отношения (ОРО) в группе матерей была проведена оценка достоверности различий показателей отношения к старшему и младшему ребенку (табл. 1).

Исходя из результатов, представленных в табл. 1, можно сделать вывод о достоверности различий между отношением матерей к старшему и младшему

Таблица 1

Показатели критерия Т-Вилкоксона при сравнении отношения матерей к старшему и младшему ребенку (по методике ОРО)

Шкала опросника	Показатель критерия	Количество сравниваемых пар без учета нулевых сдвигов	Критическое значение на уровне значимости 0,95	Критическое значение на уровне значимости 0,99	Направление сдвига
Кооперация	50	24	91	69	В сторону старшего ребенка
Авторитарная гиперсоциализация	52	20	60	43	В сторону младшего ребенка

ребенку по шкалам «Кооперация» и «Авторитарная гиперсоциализация». Результаты, полученные по шкале «Кооперация», свидетельствуют о том, что матери больше интересуются делами старшего ребенка, стараются во всем ему помочь, поддерживают его. Они поощряют его инициативу и самостоятельность, стремятся быть с ним на равных. Сдвиг в сторону младшего ребенка по шкале «Авторитарная гиперсоциализация» показывает, что по отношению к младшему ребенку матери проявляют более высокий уровень контроля, стремятся добиться от него безоговорочного послушания, а в случае непослушания склонны к наказаниям. Однако по данной шкале различия установлены только на уровне значимости 0,95. По показателям остальных шкал различия не достоверны.

Различия в отношении к старшему и младшему ребенку, установленные при статистической обработке данных, полученных по методике ОРО в группе отцов, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели критерия Т-Вилкоксона при сравнении отношения отцов к старшему и младшему ребенку (по методике ОРО)

Шкала опросника	Показатель критерия	Количество сравниваемых пар без учета нулевых сдвигов	Критическое значение на уровне значимости 0,95	Критическое значение на уровне значимости 0,99	Направление сдвига
Симбиоз	18	15	30	19	В сторону старшего ребенка

Достоверные различия в отношении отцов к старшему и младшему ребенку наблюдаются только по шкале «Симбиоз». Это значит, что отцы стремятся

к симбиотическим отношениям со старшим ребенком. Содержательно эта тенденция означает, что отец ощущает себя с ребенком единым целым, стремится удовлетворить его потребности, постоянно ощущает тревогу за него и не готов предоставить ребенку самостоятельность. По остальным шкалам различий в показателях не выявлено.

Согласно результатам, полученным по методике ОРО, между группами матерей и отцов в их отношении к старшим и младшим детям достоверных различий ни по одной шкале найдено не было.

Следующим этапом стал анализ различий показателей по шкалам опросника «Взаимодействие родителя с ребенком» (ВРР). При проверке достоверности различий в отношении матерей к старшему и младшему ребенку были получены следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3

Показатели критерия Т-Вилкоксона при сравнении отношения матерей к старшему и младшему ребенку (по методике ВРР)

Шкала опросника	Показатель критерия	Количество сравниваемых пар без учета нулевых сдвигов	Критическое значение на уровне значимости 0,95	Критическое значение на уровне значимости 0,99	Направление сдвига
Нетребовательность – требовательность	84	28	130	101	В сторону старшего ребенка
Автономность – контроль по отношению к ребенку	10	47	407	345	В сторону младшего ребенка
Отвержение – принятие	168	32	175	140	В сторону младшего ребенка
Отсутствие/наличие сотрудничества	84	32	175	140	В сторону старшего ребенка
Непоследовательность – последовательность	34	20	60	43	В сторону младшего ребенка
Воспитательная конфронтация	348	47	407	345	В сторону старшего ребенка

Согласно результатам, представленным в табл. 3, матери склонны проявлять большую требовательность к старшему ребенку, нежели к младшему. В то же время стремление к сотрудничеству и партнерству также более характерно для отношений матерей со старшим ребенком, нежели с младшим. С точки зрения матерей, у них с супругом чаще возникают разногласия относительно

мер и способов воспитания старшего ребенка. Однако различия по данному показателю наблюдаются только на уровне значимости 0,95.

В то же время матери больше контролируют младшего ребенка и более последовательны в своих требованиях к нему. Кроме того, отношение к младшему ребенку характеризуется более высоким уровнем принятия, чем старшего. Однако и в этом случае различия наблюдаются только на уровне значимости 0,95.

Далее по методике ВРР был проведен статистический анализ показателей отношения отцов к старшему и младшему ребенку. Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Показатели критерия Т-Вилкоксона при сравнении отношения отцов к старшему и младшему ребенку (по методике ВРР)

Шкала опросника	Показатель критерия	Количество сравниваемых пар без учета нулевых сдвигов	Критическое значение на уровне значимости 0,95	Критическое значение на уровне значимости 0,99	Направление сдвига
Автономность — контроль по отношению к ребенку	78	47	407	345	В сторону младшего ребенка
Отвержение — принятие	158	35	213	173	В сторону младшего ребенка
Отсутствие/наличие сотрудничества	278	47	407	345	В сторону старшего ребенка
Тревожность родителя за ребенка	348	47	407	345	В сторону младшего ребенка
Воспитательная конфронтация	182	47	407	345	В сторону старшего ребенка

Согласно результатам, приведенным в табл. 4, отцы склонны к сотрудничеству со старшим ребенком в большей степени, нежели с младшим. Также у них чаще возникают разногласия с супругой относительно мер и способов воспитания старшего ребенка. Отношения отцов с младшим ребенком характеризуются большей степенью принятия и контроля.

Наблюдаются различия в уровне тревожности (он выше по отношению к младшему ребенку), но и они проявляются только на уровне значимости 0,95.

Помимо представленных результатов, по методике ВРР проводился анализ различий в отношении к старшему и младшему ребенку между группами матерей и отцов. Показатели критерия, которые получены при сравнении отношения родителей к старшему ребенку, представлены в табл. 5.

Таблица 5

Показатели критерия Т-Вилкоксона при сравнении отношения матерей и отцов к старшему ребенку (по методике ВРР)

Шкала опросника	Показатель критерия	Количество сравниваемых пар без учета нулевых сдвигов	Критическое значение на уровне значимости 0,95	Критическое значение на уровне значимости 0,99	Направление сдвига
Эмоциональная дистанция/близость	42	31	163	130	В сторону матерей
Тревожность родителя за ребенка	68	31	163	130	В сторону матерей

Исходя из результатов, представленных в табл. 5, можно сделать вывод, что для матерей в большей степени, чем для отцов, характерна эмоциональная близость со старшим ребенком и тревожность за него. По остальным показателям различий выявлено не было.

Рассмотрим результаты статистической обработки показателей, которые получены по методике ВРР в группах матерей и отцов и касаются их отношения к младшему ребенку (табл. 6).

Полученные результаты свидетельствуют, что для отцов в большей степени, чем для матерей, присущи требовательность (на уровне значимости 0,95) и строгость по отношению к младшему ребенку. Также отцы чаще, чем матери, воспринимают свои отношения с супругой, касающиеся воспитания младшего ребенка, как конфронтующие.

Для матерей характерны большая эмоциональная близость с младшим ребенком и последовательность в отношениях с ним. Также у них выше, чем у отцов, уровень тревожности за ребенка.

На следующем этапе обработки данных был проведен статистический анализ результатов, полученных по методике «Семейная социограмма». Результаты статистической обработки показателей, полученных по данной методике в группах матерей и отцов, представлены в табл. 7.

По результатам, приведенным в табл. 7, можно сделать следующие выводы. У матерей нет различий в характере коммуникации со старшим и младшим ребенком, но по сравнению с отцами они чаще общаются с младшим ребенком, в то время как отцы больше времени и внимания уделяют старшему ребенку. Таким образом, не обнаружено различий по характеру коммуникации со старшим ребенком между родителями обоих полов, а показатель коммуникации с младшим ребенком у матерей выше, чем у отцов.

Таблица 6

Показатели критерия Т-Вилкоксона при сравнении отношения матерей и отцов к младшему ребенку (по методике ВРР)

Шкала опросника	Показатель критерия	Количество сравниваемых пар без учета нулевых сдвигов	Критическое значение на уровне значимости 0,95	Критическое значение на уровне значимости 0,99	Направление сдвига
Нетребовательность — требовательность	192	36	227	185	В сторону отцов
Мягкость — строгость	32	27	119	92	В сторону отцов
Эмоциональная дистанция/ близость	100	36	227	185	В сторону матерей
Тревожность родителя за ребенка	68	27	119	92	В сторону матерей
Непоследовательность — последовательность	84	28	130	101	В сторону матерей
Воспитательная конфронтация	68	24	91	69	В сторону отцов

Таблица 7

Показатели критерия Т-Вилкоксона при сравнении отношения матерей и отцов к старшему и младшему ребенку (по методике «Семейная социограмма»)

Шкала опросника	Показатель критерия	Количество сравниваемых пар без учета нулевых сдвигов	Критическое значение на уровне значимости 0,95	Критическое значение на уровне значимости 0,99	Направление сдвига
Характер коммуникации отцов со старшим и младшим ребенком	42	28	130	101	В сторону старшего ребенка
Характер коммуникации родителей с младшим ребенком	11	25	100	76	В сторону матерей

Обобщая результаты нашего исследования, отметим наличие у матерей и отцов общих позиций по отношению к старшим и младшим детям.

Установлено, что у обоих родителей более выражено контролирующее поведение по отношению к младшему ребенку. Возможно, это связано с тем, что старший ребенок воспринимается ими как более самостоятельный, разумный, ответственный, что снижает стремление контролировать его поведение. Младший ребенок, с точки зрения родителей, постоянно нуждается в их контроле, как в целях безопасности, так и для формирования социально одобряемых моделей поведения. Более того, согласно результатам, полученным по шкале «Авторитарная гиперсоциализация» методики ОРО, различия в контроле по отношению к старшему и младшему ребенку у матерей установлены только на уровне значимости 0,95, что в целом свидетельствует о склонности матерей контролировать как младших, так и старших детей. Отцы больше контролируют младших детей и, по-видимому, поощряют самостоятельность старших.

Также у обоих родителей была отмечена склонность к сотрудничеству и общению на равных со старшим ребенком. Данный феномен можно объяснить тем, что старший ребенок воспринимается ими как более взрослый, и поэтому родители в большей степени ориентированы на равноправное взаимодействие с ним. Причем различий по данному показателю между матерями и отцами обнаружено не было.

В то же время как у матерей, так и у отцов имеется ряд особенностей в их отношении к старшему и младшему ребенку.

Установлено, что в отношениях с младшим ребенком матери более последовательны, что, возможно, связано с наличием родительского опыта. Кроме того, данный показатель выше у матерей, чем у отцов. Следовательно, такая характеристика родительского отношения, как «последовательность взаимодействия», является устойчивой характеристикой материнского отношения к младшему ребенку.

Материнское отношение к старшему ребенку характеризуется более высоким уровнем требовательности, чем к младшему. Скорее всего, это связано с преобладанием предметного начала в структуре родительского отношения к ребенку младшего школьного возраста. На данном возрастном этапе родители в большей степени ориентированы на развитие интеллектуальных способностей ребенка и привитие ему социальных норм поведения, что подразумевает наличие высоких требований к ребенку. Помимо этого у матерей были отмечены небольшие различия в степени принятия старшего и младшего ребенка. Но учитывая тот факт, что они проявляются только в показателях методики ВРР и достоверны на уровне значимости 0,95, можно сделать вывод, что принятие старшего ребенка только в незначительной степени ниже, чем принятие младшего и носит скорее ситуативный характер. В отличие от отцов, у матерей был отмечен более высокий уровень тревожности за ребенка, причем в отношении старших и младших детей этот показатель не различается. Следовательно, данная характеристика отражает материнский тип родительского отношения к детям. Кроме того, для матерей характерна эмоциональная близость с ребенком, и учитывая отсутствие раз-

личий в показателях по этой шкале, характеризующих отношение к старшему и младшему ребенку, также можно утверждать, что данная характеристика является структурной составляющей материнского типа отношения к обоим детям.

Анализ ответов отцов показал склонность к симбиотическим отношениям и более активный характер коммуникации со старшим ребенком.

В то же время у отцов была отмечена, с одной стороны, большая степень принятия ими младшего ребенка, с другой – повышенный уровень требовательности и строгости по отношению к нему в сравнении со старшим ребенком. Учитывая тот факт, что различий по данному показателю относительно старших и младших детей как в группе матерей, так и при сравнении ответов матерей и отцов, касающихся старшего ребенка, не было выявлено, можно утверждать, что высокий уровень строгости и требовательности к младшему ребенку характеризует отцовский тип родительского отношения. Полученные результаты могут свидетельствовать о более выраженной оценочной позиции отца в отношении младшего ребенка и реализации более жесткой воспитательной стратегии, направленной на формирование у него определенных качеств, ценных с точки зрения отца.

Помимо отличий в отношениях матерей и отцов к старшим и младшим детям, была выявлена особенность взаимодействия супругов в вопросах воспитания детей: как у матерей, так и у отцов получены высокие показатели по шкале «Воспитательная конфронтация». И те и другие отмечают, что в отношении старшего ребенка у них возникают разногласия по поводу мер и способов воспитания, причем у отцов они более выражены. При анализе различий между показателями отцов и матерей, характеризующими их отношение к младшему ребенку, установлено, что отцы отмечают наличие несогласованности в воспитательном взаимодействии, а матери нет. Это означает, что родители отдают себе отчет в несовпадении их методов воспитания старшего ребенка, в то время как отцы не согласны с теми способами взаимодействия, которые выбирает мать в воспитании младшего ребенка, но, по-видимому, не проявляют своей позиции, так как матери не отмечают несогласованности в их действиях по воспитанию младшего ребенка. Возможно, это связано со следующей тенденцией. Отцы склонны предъявлять больше требований к младшему ребенку, надеясь, что таким образом смогут учесть ошибки, допущенные в воспитании старшего ребенка, и не повторить их при воспитании младшего. При этом они нацелены на сотрудничество со старшим ребенком, считая, что он уже готов к такому стилю взаимодействия. У матерей противоположная тенденция: они предъявляют больше требований к старшему ребенку, а более последовательны в воспитании младшего. В результате при совместном воспитании детей у родителей возникает несоответствие требований и направленности на взаимодействие. Также необходимо учитывать тот факт, что традиционно сферой влияния отца являлось воспитание старшего ребенка, так как именно он раньше начинал помогать отцу в хозяйственных делах, в то время как младший ребенок большую часть времени проводил с матерью. В современном обществе отсутствие острой необходимости в помощи детей при решении хозяйственных проблем

приводит к изменению сфер влияния, причем отцы приспосабливаются к данным изменениям тяжелее, чем матери [3]. Совокупность данных факторов приводит к тому, что отцы, считая воспитание старшего ребенка своей прерогативой, не согласны с требованиями, которые матери к нему предъявляют, в то время как свои требования к младшему ребенку они стараются не озвучивать, считая воспитание младшего сферой влияния супруги.

На основании проведенного анализа результатов исследования можно сделать следующие выводы:

1. Отличительной особенностью родительского отношения к младшему ребенку является стремление контролировать его, при этом данная особенность характерна как для матерей, так и для отцов.

2. В отношении старшего ребенка родители склонны проявлять сотрудничество и взаимодействовать с ним на равных.

3. Материнский тип родительского отношения характеризуют такие черты, как тревожность и эмоциональная близость по отношению к обоим детям. В то же время в отношении старшего ребенка матерям присуща требовательность, а в отношении младшего — последовательное воспитательное воздействие.

4. Во взаимодействии с младшим ребенком отцы проявляют высокий уровень требовательности и строгости, со старшим — склонность к симбиотическим отношениям, их коммуникация носит более активный характер.

5. Отличительной особенностью взаимодействия между родителями по проблемам воспитания детей является воспитательная конфронтация, которая более выражена у отцов.

Результаты проведенного исследования можно рекомендовать для ознакомления и использования психологам и педагогам, работающим в сфере дошкольного и школьного образования.

Учет особенностей родительского отношения к ребенку, исходя из sibлинговой позиции ребенка, позволит согласовать воспитательное воздействие родителей и педагогов, уменьшит риск возникновения конфликтов между ними. Кроме того, это позволит психологам и педагогам более эффективно взаимодействовать с ребенком и корректировать его поведение.

В то же время результаты, полученные в нашем исследовании, отчасти могут объясняться особенностями данной выборки и нуждаются в проверке на других выборках. Перспективным направлением дальнейшего изучения проблемы родительского отношения представляется проведение исследования с учетом гендерных особенностей старших и младших детей в семье.

---

1. Андреева Т. В. Психология современной семьи : моногр. СПб., 2005. 436 с.

2. Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи : учеб. пособие-практикум для студентов фак. психологии высш. учеб. заведений. М., 2006. 432 с.

3. Родители и дети: психология взаимоотношений : сб. / под ред. Е. А. Савиной, Е. О. Смирновой. М., 2003. 230 с.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ФАСИЛИТАЦИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ПРОЦЕССЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Автор обосновывает актуальность проблемы самоопределения старшеклассников как онтогенетическую необходимость, обусловленную зоной «ближайшего развития» (Л. С. Выготский) и социальной возможностью своевременного самоопределения в период ранней юности (Э. Эриксон). Для решения проблемы предлагается использовать концепцию и технологию психолого-педагогической фасилитации (К. Роджерс). В качестве важного результата работы предполагается создание и апробация психолого-педагогической модели поддержки и сопровождения старшеклассников. Исследуются социальный, личностный, гендерный и гражданский аспекты социализации и идентификации личности в образовательном процессе. Эти подходы автор реализует в своей работе со старшеклассниками в разнотипных образовательных учреждениях г. Екатеринбурга и пос. Лосинный Свердловской области.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социокультурные трансформации; социализация; идентификация личности; самоопределение старшеклассников; психолого-педагогическая фасилитация.

В статье рассматривается психолого-педагогическая фасилитация как концепция и технология поддержки, сопровождения учащихся 9–10-х классов в целенаправленно изучаемом и своевременно корректируемом процессе. Актуальность исследования обусловлена онтогенетической необходимостью (зона «ближайшего развития») и социальной возможностью своевременного самоопределения личности в период ранней юности в современном образовании на основе развития самосознания, ориентации в ценностях, приобретения компетентности в деятельности и общении. Это создает базу для последующего позитивного развития личностного конструкта.

Проводя анализ научной литературы, мы обнаружили, что еще с советского времени данная проблема рассматривалась многими авторами и в основном касалась профессионального самоопределения, в том числе и разработки диагностических методик изучения личности школьников в целях оказания им индивидуальной и групповой помощи в выборе профессии (И. С. Кон, В. Д. Шадриков, А. А. Деркач, Э. Ф. Зеер, А. Е. Голомшток, Е. А. Климов, А. К. Маркова, Т. В. Черникова, Н. С. Пряжников, В. Т. Лисовский, Н. П. Воронин, Ю. М. Забродин и др.).

Что касается таких аспектов самоопределения старшеклассников, как социальный, гражданский, гендерный, личностный, то они мало исследованы, особенно принимая во внимание современную социокультурную и правовую ситуацию [2, 3]. Поэтому мы полагаем, что актуальным является теоретико-

методологическое обоснование феномена самоопределения старшеклассников в динамично меняющейся среде гуманизирующегося и демократизирующего российского общества, испытывающего влияния глобализации, информатизации и компьютеризации, в том числе в культуре и в образовании, а также создание модели психолого-педагогического сопровождения старшеклассников в практической деятельности для образовательных учреждений, апробация необходимого инструментария для диагностики и коррекции процесса поддержки, сопровождения процесса фасилитации учащихся старших классов.

Предполагаемая научная новизна, теоретическая и практическая значимость заключаются: в уточнении понятия «процесс самоопределения старшеклассников», раскрытии его содержания и структуры; выявлении потенциала образования, ориентированного на фасилитацию процесса самоопределения старшеклассников; разработке модели и программы психолого-педагогической поддержки; использовании соответствующего диагностического инструментария, предполагающего мониторинг оценки «актуального и ближайшего» развития личности (лонгитюд и консультирование субъектов процесса — старшеклассников, их родителей и педагогов). На основе полученных результатов предполагается разработка методических рекомендаций по созданию моделей психолого-педагогического сопровождения в образовательных учреждениях. При этом мы принимаем во внимание, что потребность в квалифицированной профессиональной помощи психолога испытывают дети, их родители, педагоги и менеджеры разнотипных образовательных учреждений, поэтому нацелены на индивидуальную, групповую и фронтальную работу в практической, методической и научно-исследовательской деятельности субъектов образования.

Выделив предметом исследования психолого-педагогическую модель фасилитации процесса самоопределения старшеклассников, мы имеем в виду многоаспектный характер самоопределения — социальное, гражданское, гендерное, личностное на основе развития рефлексии в образовательном пространстве и за его пределами. Отсюда вытекают цель и задачи исследования, связанные с анализом зарубежных и отечественных научных источников для выявления и обоснования комплекса необходимых и достаточных психолого-педагогических условий успешной поддержки и сопровождения каждого старшеклассника, участвующего на формирующем этапе совместной работы всех субъектов образовательного процесса.

Методологическую основу исследования составили: положения культурно-исторической теории личности и ее развития в единстве сознания и деятельности, речи и мышления (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Г. П. Щедровицкий, А. Г. Асмолов), поиска смысла жизни (В. Франкл); рефлексия в проблематике психологии мышления (В. В. Давыдов, Ю. Н. Кулюткин, И. Н. Семенов, В. Ю. Степанов), в коммуникативных процессах (М. М. Бахтин, В. С. Библер, С. Ю. Курганов); закономерности профессионального самоопределения (Е. А. Климов, Л. М. Митина, Н. С. Пряжников, А. К. Осницкий, Т. В. Черникова); рефлексия как фундаментальный механизм самопознания и самопонимания и педагогический инструмент организации учебной деятельности (Л. В. Занков, О. С. Анисимов, А. З. Зак, А. В. За-

харова); положения зарубежной гуманистической психологии о самоактуализации, «пирамиде потребностей», Я-концепции, фасилитации, идентичности личности (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Эриксон), поэтапности морального становления личности (Ж. Пиаже, Л. Кольберг, Ю. Хабермас).

Решение поставленных задач осуществляли с использованием теоретических и эмпирических методов (анализ психологической, педагогической, философской и социологической литературы по изучаемым проблемам, моделирование; наблюдение, беседа, анкетный опрос, методика оценки уровня рефлексивности А. В. Карпова, «Ценностные ориентации» М. Рокича, опросник «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда), а также разработанной нами методики оценки сформированности представлений относительно различных аспектов процесса самоопределения. Для обработки полученных результатов использовали статистический анализ данных с применением параметрического критерия достоверности (t) Стьюдента.

Возрастная ситуация старшего школьника актуализирует смысложизненные проблемы и стимулирует развитие всех сфер личности, и прежде всего потребностно-мотивационной. Актуальной становится потребность разобраться в самом себе и в окружающем мире, что заставляет пересмотреть ранее сложившиеся подходы к деятельности, общению и поведению. Появляется осознание центральных мотивов деятельности, чего раньше не наблюдалось. Эти «смыслообразующие» мотивы становятся реально действующими, однако при определенных социальных и психолого-педагогических условиях. К числу наиболее благоприятных мы относим социальный запрос освоения гуманистической образовательной парадигмы, учитывающей ценность личности, ее права, свободу и достоинство. Это закреплено в Конституции Российской Федерации, Законе «Об образовании», значит, обусловлено на правовом уровне, а также в концепциях образовательных учреждений.

Гуманистический подход к ученику потребовал от профессионалов перехода в воспитании и обучении от *нормативно-регулирующей этики* к *нравственно-ориентирующей*. Первая, традиционная, отводила обучаемому в любом возрасте объектную позицию, когда ученик являлся объектом обучения, а учитель — субъектом. Значит, цели обучения и воспитания у них могли не совпадать, речи о свободе, правах и достоинстве личности учащихся не было. Вторая, гуманистическая, изначально предполагает вместо «субъектно-объектных» отношений «субъектно-субъектные». И это реально, как показывают многочисленные психолого-педагогические исследования, при применении концепции фасилитирующей психологии и педагогики, помогающей, поддерживающей, сопровождающей процесс обучения и воспитания, развития личности в том или ином возрастном периоде.

Однако подчеркнем, что это многофакторный сложный и противоречивый процесс. Жизненное самоопределение старшеклассников происходит в сложной социальной ситуации, когда нарастают экономические проблемы, связанные с утверждением частной собственности, рыночных отношений, наличием имущественного неравенства, резкого социального расслоения в российском обществе и в школьном классе.

Проблема самоопределения старшеклассников становится все более трудно решаемой в контексте быстрой смены ценностных ориентаций, жизненных идеалов и средств их достижения, образа жизни и социального, гендерного ответственного/безответственного поведения детей и взрослых. Причина и в том, что для многих современных старшеклассников характерно искаженное восприятие реальной жизни (особенно у живущих в материальном достатке), которое постоянно усиливается ярким красочным видеорядом рекламы, гламурных журналов и звуковым, часто деструктивным сопровождением тяжелой музыкой («восьмой нотой»), а также виртуальным общением.

Решение актуализированной нами проблемы осложняется постоянным недовольством многих взрослых — родителей и учителей, раздраженных перманентно проводимыми реформами, принимаемыми и отменяемыми законами, коррумпированностью власти на всех уровнях, распространением антиобщественных форм, в которые вовлекаются уже и школьники, начиная с подросткового возраста. В молодежной среде легко приобретается девиантное поведение. В ситуации отторжения мировоззренческих, этических, правовых и нравственных традиционных представлений их место занимают новые стереотипы и модели поведения. Самоопределиться в этой жизненной ситуации подростку и старшему школьнику без квалифицированной психолого-педагогической поддержки необычайно трудно. Следовательно, необходимо сопровождение этого процесса, чтобы способствовать развитию у подростков готовности и способности сделать осознанный жизненный, личный, социальный, профессиональный, гендерный, гражданский выбор. В начале своей деятельности мы гипотетически полагали, что наша задача состоит в том, чтобы помочь девушкам и юношам старшего школьного возраста вовремя самоактуализироваться в этой проблеме и продвигаться в ней через нарастание «пирамиды потребностей» (А. Маслоу).

Противоречивость социальной ситуации развития современных старшеклассников заключается в том, что, во-первых, у них уже имеется определенный социальный опыт, который подлежит изучению. В силу высокой степени информатизации он позволяет адекватно реагировать на жизненные реалии. Школьники предъявляют высокие требования к гражданскому, семейному, образовательному статусу, ориентированы на достойное отношение к названным социальным институтам, понимание и исполнение своих прав и обязанностей. Во-вторых, продолжается фактическое подавление свободы выбора, созвучное российской многовековой ментальности, развивавшейся вне демократических реалий. Отсюда закрепление инфантильного статуса старшеклассников, пребывающих в состоянии «подготовки к жизни», поэтому безответственных в своем поведении. Чаще всего такая жизненная ситуация стимулирует поиск и нахождение без особого труда самых разнообразных средств психологической защиты, всевозможных вытеснений, что еще больше усиливает возникновение и укрепление искаженных представлений о мире и себе в нем. Поиск путей эмоционального благополучия порой приводит к дезориентации в смысле жизни и ее ценностях. Отсюда нарастание конфликтов и неадекватное поведение не только девушек и юношей, но и взрослых, в том числе учителей и родителей.

Не имея цели обвинять педагогов в профессиональной некомпетентности («профессиональном маргинализме», С. А. Минюрова), мы исследуем ее истоки, сущность и содержание, чтобы, помогая родителям и учителям, поддерживать старшеклассников в процессе их самоопределения. Не вдаваясь в подробности, скажем, что отсутствие в прежнем виде социального заказа на воспитательный идеал, а также собственный экзистенциальный опыт взрослых, включая и профессионалов, воспитанных в авторитарной педагогике и психологии бихевиоризма, привели к методологической и методической растерянности. Этим также объясняется нарастание конфликтов и неумение их своевременно предвидеть и продуктивно решать, достигая компромисса и консенсуса. Поэтому роль, можно сказать, миссию психологов и педагогов мы видим в фасилитации процесса самоопределения старшеклассников, их поддержки и сопровождения на поворотном этапе жизненного пути.

Вступление молодого поколения во взрослую, самостоятельную жизнь происходило стихийно или целенаправленно в любом культурно-историческом пространстве-времени и происходит в настоящее время. Не только на житейском уровне, но и в педагогике, в системе образования укоренилось понятие «подготовка к взрослой жизни», в отрыве от осознания феномена самоопределения как сознательного выбора себя в социуме. И только в последнее время стало больше внимания уделяться вопросам экзистенциального, ценностно-мотивационного, эмоционального выбора (Л. И. Божович, А. М. Голуб, К. С. Дивисенко, В. Пантин, В. Е. Семенов).

В то же время именно период ранней юности признается важнейшим в самоопределении личности в силу объективной и субъективной ситуации развития, связанной с приближающимся окончанием школы, необходимостью выбора себя в настоящем для будущего.

Встающие перед старшеклассниками проблемы самоопределения, особенно напряженные в современном демократизирующемся российском обществе, усугубляются противоречивостью ситуации. С одной стороны, огромный потенциал успешной социализации и идентификации каждой девушки и каждого юноши в личностном, гендерном, социальном, гражданском, профессиональном планах, реальная возможность индивидуальных маршрутов для полноценного физического, психического и социального развития. С другой стороны, нарастающая эгоизация, принимаемая за идентификацию личности в процессе присвоения материальных благ общества потребления, праздное времяпрепровождение, обусловленное искаженным пониманием призыва «живи здесь и сейчас». Отсюда опасное для здоровья и благополучия старшеклассников самоопределение в отношении к потреблению табака, алкоголя, наркотиков, ранние сексуальные отношения. Значит, для профессионалов педагогов и психологов важно не уходить от специфики современной социокультурной ситуации, но искать надежные пути реализации потенциальных способностей каждого старшеклассника к свободному, ответственному выбору на основе развитого рефлексивного осознания себя в процессе самоопределения, приобретения потребности и мотивов внутренней позиции взрослеющего человека. Этому может содействовать, во-первых, реальное расширение социокультурного

пространства школы и жизни, в котором старшеклассники осуществляют выбор собственного пути, и, во-вторых, реальная их психолого-педагогическая поддержка, сопровождение в ситуации самоопределения.

Хорошо понимая противоречивость социальной ситуации развития каждого старшеклассника, мы обращаемся к концепции *психолого-педагогической фасилитации* (англ. *facilitate* — облегчать, содействовать). Она связана с именем гуманистического психолога К. Роджера, исследовавшего процесс развития личности в деятельности и общении, направленных на поддержку каждого обучаемого психолого-педагогическими средствами. Речь идет, согласно автору, о личностно-центрированном подходе как продуктивном в своей оптимальности, преодолевающим обезличенность в учебно-воспитательном процессе, значит, созидательном, творческом для педагога и обучаемого. Считая всех детей одаренными, психолог верил в огромный потенциал развития личности на основе Я-концепции. После того как эти идеи стали доступны российским специалистам, было проведено немало исследований (Э. Ф. Зеер, И. В. Жижина, Н. С. Глуханюк, М. Н. Дудина, Р. В. Овчарова, Л. Н. Куликова, А. Б. Орлов), подтвердивших верность концептуальных положений К. Роджерса в теории и практике обучения и воспитания.

Мы нашли методологическое созвучие данной концепции с культурно-исторической теорией личности Л. С. Выготского, его возрастной периодизацией и психодиактикой. Задумываясь над вопросами о том, что является основанием для выделения того или иного возрастного периода и каковы критерии определения конкретных эпох, возрастов развития личности, он ввел понятие «*возрастные новообразования*». И определил, как «...новый тип строения личности и ее деятельности, те психические и социальные изменения, которые впервые возникают на данной возрастной ступени и которые в самом главном и основном определяют сознание ребенка, его отношения к среде, его внутреннюю и внешнюю жизнь, весь ход его развития в данный период» [1, 248].

Далее Выготский определил сущность стабильности и кризиса, которые характеризуют динамику перехода от одного возраста к другому. При этом есть общее у новообразований критического возраста — их своеобразие и специфичность, когда «...развитие здесь, в отличие от устойчивых возрастов, совершает скорее разрушительную, чем созидательную, работу. Прогрессивное развитие личности ребенка, непрерывное построение нового, которое так отчетливо выступало во всех стабильных возрастах, в периоды кризиса как бы затухает, временно приостанавливается» [Там же, 251].

Опираясь на эти положения Выготского, мы стали использовать понятие «идентичность», введенное психологом Э. Эриксоном и понимаемое как тождественность самому себе, «субъективное и вдохновенное ощущение тождественности и целостности». Это позволило нам сосредоточить свое внимание на проблемах неуравновешенности, колебания между позитивной и спутанной идентичностью. Психологи и педагоги отмечают, что подросток во всех культурах — уже не ребенок, но и не взрослый человек. В периодизации Эриксона это пятая из восьми стадий жизненного пути человека от рождения до

смерти, которую он называет ключевой (возраст тинейджеров — от 11 до 19 лет включительно).

Для теории и практики самоопределения старшеклассников, по нашему мнению, особый интерес представляет вопрос о преемственности данной стадии, которая характеризуется трансформацией предшествующих новообразований и возникновением качественно новых. Это поиск самотождественности в период полового созревания и «выработки надежных ориентиров для окончательной идентификации». Эриксон называет это поворотным пунктом в выборе пути: созидательным, если будут использованы возможности роста, личностный потенциал развития, и негативным, если этого не происходит. Он видит преемственность в приобретении таких новообразований, как доверие, произвольность в свободе желания и свободное проявление себя в юности [4, 33].

Исследуя феномен самоопределения старшеклассников как процесс социализации и идентификации, мы пришли к выводу о том, что оно является центральным новообразованием, определяющим основные социальные и психолого-педагогические задачи в работе со старшими школьниками. Самоопределение заключается в упорядочивании и иерархизации всех сфер психики на основе устремленности в будущее, складывающейся картины мира, выработки собственной точки зрения на явления социума и нахождение себя в нем. В данном контексте мы можем говорить о формировании зрелой мотивационной структуры. В 16–17 лет этому способствует динамика мыслительной деятельности на основе дальнейшего развития абстрактного и понятийного мышления. Это важнейшее приобретение, начавшееся в предыдущем возрастном периоде, должно быть поддержано соответствующей психодидacticкой, конкретными методиками. Психолог Л. С. Выготский писал: «Целый мир глубоких связей, лежащих за внешней видимостью явлений, мир сложных взаимозависимостей и отношений внутри каждой сферы действительности и между ее отдельными сферами раскрывается только перед тем, кто подходит к нему с ключом понятия» [1, 58]. В раннем юношеском возрасте это мышление направлено не только на внешний план, но и внутренний, следовательно, старшеклассник может полнее понять собственные переживания, приобретаемый опыт жизни, качества личности. Так происходит завершение формирования обобщенного представления своего Я, когда личность может осознанно рационально принимать решения, следовать им, *целелолая*.

Используя совокупность вышеназванных психологических подходов в нашем исследовании, мы разработали технологию психолого-педагогической фасилитации процесса самоопределения старшеклассников и соответствующий диагностический инструментарий. Их основу составляют положения К. Роджерса о самооценности личности и ее достоинстве, независимо от возраста и достигнутого уровня интеллектуального, эмоционального, деятельностного, коммуникативного и рефлексивного развития; о ценности свободы и способности к свободному выбору, ответственности за него; ценности обучения как творческого, созидательного процесса, как сотворчества, сотрудничества в конгруэнтном самовыражении, искреннем, без каких-либо условий позитивном отношении и безоценочном принятии других такими, какие они

есть, в активном диалоге всех субъектов образовательного процесса — учащихся, их родителей и педагогов.

Далее скажем о содержании и технологии психолого-педагогического сопровождения и тех психолого-педагогических условиях, которые, на наш взгляд, необходимы и достаточны для достижения целей. При этом исходим из определения понятия «самоопределение старшекласников», его сущности, содержания и технологической инструментальности. Во-первых, речь идет о компетентной, продуктивно-результативной организации и оказании превентивной и оперативной помощи старшекласникам в решении их индивидуальных проблем, касаются ли они физического, психического или социального здоровья. Во-вторых, предполагается создание ситуации успеха для каждого обучаемого, обеспечение успешности в обучении как продвижении, связанном с достижением позитивной динамики в освоении учебных программ и курсов, что, на наш взгляд, требует соответствующей методической компетентности учителей, направленной на развитие у ученика мотивации познания и овладения способами деятельности. В-третьих, вопросы межличностной коммуникации воспринимаются как основа гуманистических отношений (в частности, принятие каждого таким, какой он есть, и оказание ему необходимой помощи; наличие у учителя эмпатии, умения сочувствовать, радоваться и огорчаться, веры в ученика и в себя как компетентного профессионала, никогда не провоцирующего обучаемых на конфликтные отношения, умеющего предвидеть возможность их возникновения и профилактику). Наконец, в-четвертых, речь идет о жизненном самоопределении в экзистенциальных проблемах — решении вопросов гражданской, профессиональной, семейной ориентации на основе индивидуального, творческого, свободного выбора и умения быть в нем ответственным. Верность этих положений подтверждалась разными исследованиями, выполненными с привлечением разновозрастных категорий учащихся, обучаемых в разнотипных образовательных учреждениях (Э. Ф. Зеер, Л. И. Жижина, М. Н. Дудина, Р. В. Овчарова, Е. Н. Пакалина, В. В. Колпачников и др.).

Далее скажем о результатах, полученных нами в четырех разнотипных образовательных учреждениях (Специализированный учебно-научный центр УрФУ (СУНЦ), занимающий 4-е рейтинговое место в оценке Министерства образования и науки России; престижная гимназия № 35 Кировского района г. Екатеринбурга; периферийная общеобразовательная школа № 167 г. Екатеринбурга (с широким этническим составом учащихся и различным социальным статусом родителей); поселковая школа, пос. Лосинка Свердловской области (в одном классе обучаются детдомовские дети и дети из семей). На констатирующем этапе были использованы три методики: тест ценностных ориентаций Рокича; методика оценки уровня рефлексивности А. В. Карпова; опросник «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда, в модификации Овчинниковой. В исследовании участвовал 151 старшекласник: 25 чел. — из средней школы № 167 г. Екатеринбурга; 23 чел. — из школы пос. Лосинка; 64 чел. — из СУНЦа; 39 чел. — из гимназии № 35.

Анализ полученных результатов показал значимые различия лишь в сформированности представлений девушек и юношей относительно самоопределе-

ния в будущей профессии. Не получив по остальным критериям существенных различий, мы сделали вывод, что проблема самоопределения (ориентация в ценностях, формирование моральных убеждений, формирование собственной позиции на основе рефлексии «кто есть я?») одинаково актуальна для возрастного периода старшеклассников в современной социальной ситуации развития, будь то школьники специализированного лицея, престижной гимназии, окраинной районной школы мегаполиса или школы в поселке. Несмотря на значительную разницу в социальной и культурной среде образовательного учреждения, потребность старшеклассников в самоопределении является смысложизненной. Это определило цель дальнейшего исследования, которой стала разработка авторской методики диагностики динамики представлений относительно различных аспектов процесса самоопределения: профессионального, гендерного, гражданского и личностного.

В заключение подчеркнем, что технология психолого-педагогической фасилитации имеет двухстороннее, двухмерное действие: не только педагог благотворно влияет на процесс самоопределения старшеклассников, но они поддерживают педагога — содействуют развитию личности, компетентности профессионала. Мы убедились, что это нетрудно отследить с помощью анализа предлагаемых старшеклассникам творческих заданий и аналитически-рефлексивной деятельности педагога. Относим этот аспект рассматриваемой проблемы к перспективному направлению исследования.

---

1. *Выготский Л. С.* Проблемы возрастной периодизации детского развития // Собр. соч. : в 6 т. М., 1984. Т. 4.

2. *Логинова Е. В.* Социально-психологические особенности самоопределения в юношеском возрасте в ситуации нестабильности общества : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2006.

3. *Попович А. Э.* Профессиональное самоопределение старшеклассников в педагогическом процессе общеобразовательной школы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011.

4. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Статья поступила в редакцию 10.03.2014 г.

УДК 7.036(437)(061) + 7.036(470)(061) + 314.74

Д. А. Костина

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ЭМИГРАНТСКИМ И МЕСТНЫМ СООБЩЕСТВАМИ В 1920–1930-е гг. В ПРАГЕ

Статья посвящена анализу выставок русского искусства в Праге в 1920–1930-е гг., выявлению их значения в процессе сближения и налаживания коммуникации между русскими эмигрантским и локальным художественными сообществами в этот период. Кроме того, в тексте анализируется реакция русских и чешских художественных деятелей на выставки русского искусства и выявляется место этих выставок в контексте общего художественного процесса того времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: искусство русской эмиграции первой волны; «русская Прага»; «Русская акция»; выставки русского искусства за рубежом.

В 1920–1930-е гг. Прага превратилась в один из самых крупных культурных центров русской эмиграции наряду с Парижем и Берлином. Расцвет «русской Праги» связан с «Русской акцией» первого президента Чехословацкой Республики Томаша Гаррига Масарика, которая заключалась в существенной материальной и организационной помощи русским. По различным сведениям, в 1920–1930-х гг. в Праге проживало от 20 до 40 тыс. русских. Помощь была направлена, прежде всего, на поддержку либеральных российских и украинских политических сил, а также научной и образовательной деятельности русских эмигрантов. В результате для жизни и деятельности эмигрантов были созданы особенно благоприятные условия, чего не было ни в одном государстве, где оказались русские после революции.

Исследователь искусства русского зарубежья А. В. Толстой отмечает, что подавляющее большинство эмигрантов, приехавших в Прагу, не стремились внедряться в чешское общество [8]. Причина была простой — практически

КОСТИНА Дарья Алексеевна — аспирант кафедры истории искусств Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: darja.kostina@gmail.com).

никто из них на первых порах не рассматривал возможность обоснования в чешской столице. Большинство русских считали Прагу временным пристанищем — до той поры, когда можно будет вернуться на родину. С годами, однако, перспектива возвращения в Россию, уже ставшую тогда советской, становилась все более туманной. В. Ф. Булгаков писал: «...и не видно было конца-краю нашего пребывания за границей, хоть и в симпатичном, но все же чужом краю, с чужим и трудно усвояемым языком. Ниоткуда не появлялось надежды на возвращение в родную Москву... “Видно, в самом деле придется здесь, за рубежом, сложить свои кости!” — пробегало не раз в голове» [2, 149].

Тем не менее осознание невозможности скорого воссоединения с родиной не стало препятствием для реализации Булгаковым чрезвычайно значимого проекта по сохранению культурного наследия русской эмиграции — созданию Русского культурно-исторического музея. Как и Булгаков, наиболее активная часть русских эмигрантов, привыкшая к интенсивной научной или культурной деятельности в России, не могла в Чехословакии отказаться от привычного образа жизни. Очутившись за границей, они искали возможности публиковаться, преподавать, участвовать в выставках и т. д. Постепенно возникали различные культурные объединения и организации, в которые входили как чехи, так и русские, например, «Чешско-русское объединение» (Česko-ruská jednota), первым председателем которого был Франтишек Таборский, переводчик, художественный критик и популяризатор русской литературы в Чехии. Другим важным для русской эмиграции культурным учреждением был фонд «Русский очаг», открытый в 1925 г. по инициативе Алисы Масариковой, дочери президента Масарика. Тремя годами позже был зарегистрирован Союз русских художников в Чехословацкой Республике. Интересом заслуживает и организованное в 1930 г. украинским художником Сергеем Мако интернациональное объединение славянских художников «Скифы», в выставках которого участвовали не только русские и украинские художники, но и чехи, словаки и другие представители славянских наций. Составитель и автор книги о русских в Праге С. П. Постников писал: «Русские писатели, журналисты, музыканты, певцы и художники часто испытывали отрадное чувство, делясь плодами своей научной и художественной деятельности с чешским обществом, которое в свою очередь знакомило русских с проявлением чешского гения» [6, 118].

Во многом создание русско-чешских и русских художественных объединений стало возможным благодаря активной деятельности чешских культурных организаций, таких как «Объединение художников» (Jednota výtvarných umělců), «Художественная беседа» (Umělecká beseda), «Салон Ф. Топича» (Topičův salon), «Манес» (Mánes), «Художественное объединение» (Krasoumná jednota) и др. Эти организации не раз инициировали проведение выставок русского искусства в чешских землях в конце XIX — начале XX в. В данной статье речь пойдет о выставках преимущественно русского искусства, проходивших в Праге в 1920–1930-е гг. Нужно отметить следующую логическую закономерность: количество выставок русского искусства в Праге в этот период существенно увеличилось по сравнению с периодом 1900–1920-х гг. Выставки организовывались

как русскими художественными объединениями, так и чешскими, а также при сотрудничестве обеих сторон.

Художественная выставка, будучи публичным событием, одной из разновидностей эмигрантской активности наряду с литературными кружками, театральными представлениями и концертами, способствовала налаживанию коммуникации между эмигрантским и местным сообществами. Совместные культурные мероприятия реально сближали представителей профессиональных творческих русских и чешских сообществ, а также знакомили с русским искусством широкую публику, приходившую на выставки. Общение происходило на стадии подготовки выставки, на вернисаже, в процессе ее освещения в прессе на русском, чешском и немецком языках. Дочь художника Г. А. Мусатова Элеонора так передавала воспоминания своей матери об этом времени: «Этого события [выставку], рассказывала мама, ждали. Освещали газеты, а по случаю выставки в стенах, где она проходила, Общество [“Художественная беседа”] устраивало что-то вроде “званого вечера”, куда почитали за честь быть приглашенными “тузы” города, в расчете на то, что из них в будущем вылупятся меценаты. Что и происходило. Приходили видные деятели культуры, писатели»¹.

Наряду с вербальной (статьи, рецензии, отклики в русской и чешской прессе, обсуждения и пр.), выставки провоцировали и чрезвычайно важную в условиях эмиграции визуальную коммуникацию, которая обеспечивалась трансляцией образов и смыслов русской культуры через произведения изобразительного искусства.

С 1900 по 1920 г. в Праге в основном показывались произведения уже известных русских художников, среди которых были Н. К. Рерих, В. В. Верещагин, И. Е. Репин, В. Д. Поленов, другие мастера «Товарищества передвижных художественных выставок», а также «Мира искусства» [9]. В 1920–1930-х гг. палитра русского искусства была существенно расширена, так как чехи получили возможность познакомиться с творчеством не только именитых представителей столичных художественных школ (московской и Санкт-Петербургской), но и с искусством художников, формировавшихся на периферии. В этом смысле показательна «Историческая выставка русского искусства XVIII–XX вв.», состоявшаяся в 1935 г. во дворце Клам-Галласов и включившая в себя работы самых разных русских художников. Александр Бенуа, оценивая выставку, писал: «...с большой полнотой оказались представлены дальнейшие периоды русского искусства на выставке — вплоть до наших дней, и это вполне объяснимо, ибо больше половины замечательных русских художников оказались после революции за пределами России, и лишь немногие из них не пожелали участвовать в пражской выставке. <...> выставка... убеждает, что и оторванные от родной почвы художники не растеряли себя, а продолжают с упорством и успехом преследовать намеченные задачи. <...> Выставка имеет большой успех» [1, 201–202].

¹ Письмо Э. Г. Мусатовой к Д. А. Костиной от 30 апреля 2010 г. Архив Д. А. Костиной.

В 1920–1930-е гг. выставляются и относительно молодые русские художники-эмигранты, получавшие или продолжавшие образование уже в Чехословакии в таких учебных заведениях, как Чешское высшее техническое училище, Художественно-промышленное училище, пражская Академия художеств и др. Творчество этих художников дало возможность чешской публике наблюдать непосредственно за процессом развития русского искусства в эмиграции. Так, известный художественный критик тех лет Николай Еленев в своей обзорной статье о русском изобразительном искусстве в Праге выделил целую группу молодых художников, сложившихся уже в эмиграции [5]. В скульптурных портретах Н. Н. Акатьева, обладавшего «мастерством настоящего большого художника» [Там же, 301–302], он, в частности, обнаружил отсутствие «той субъективной нервности и чрезмерно личного признака, которые так присущи искусству наших дней, когда общезначимая форма, свободная от новаторства, расценивается как упражнение старых навыков» [Там же, 302–303]. Еленев отметил также акварели В. И. Крашенинникова («обещают в нем художника», – по словам критика [Там же, 300]), иконописные опыты княгини Н. Г. Яшвилль, в которых есть связь с традицией русской православной иконописи, скульптуры А. С. Головина, в которых проявилось тяготение к «неосознанному, но бесспорному шаржу» [Там же, 304].

По замечанию А. Толстого, «выставочные возможности в Праге в этот период привлекали пристальное внимание русских художников, живших не только в Финляндии и Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, но и в Париже» [8, 71]. В 1920–1930-е гг. в Праге прошли персональные выставки Бориса Григорьева (1926), Марка Шагала (1934), Александры Экстер (1937). Эти выставки не остались незамеченными чешскими художниками, стремившимися к освоению завоеваний западноевропейского, в первую очередь французского, искусства. Некоторые чешские художники ездили учиться в Париж и там знакомились с модернистскими течениями, а некоторые осмыслили французский модернизм через работы приезжих парижан, в том числе и «русских парижан», влившихся в общеевропейскую линию развития искусства. Восприятие французского передового искусства через творчество русских эмигрантов, работавших во Франции, также может рассматриваться как фактор сближения эмигрантского и местного сообществ в Праге, так как многие из этих художников оставались верны русским мотивам и образам русской культуры. Н. Еленев, анализируя выставку Б. Д. Григорьева 1926 г., организованную чешским объединением «Манес» совместно с «Русским очагом» и оказавшую большое влияние не только на русских, но и на чешских мастеров, писал: «Один из наиболее спорных и волнующих его циклов – это “Расея”, с ее ликами и личинами, вскрывающий толщу русского народа, народа первичного и древнего» [5, 294–295].

Закономерно, что произведения русских художников, привозившиеся в Прагу или создававшиеся там, открывали для чехов по-новому русскую культуру. В качестве примера может служить выставка иллюстраций художника Г. А. Мусатова к романам Ф. М. Достоевского «Бесы», «Братья Карамазовы», «Униженные и оскорбленные», «Идиот», состоявшаяся в 1931 г. в зале объединения

«Красивая горница» (Krásná jizba). Иллюстрации были сделаны по заказу крупного пражского издательства «Мелантрих» (Melantrich), выпустившего все эти романы в переводах Бржетислава Хулы и Богумила Матезиуса и с рисунками Мусатова (роман «Идиот» вышел без иллюстраций). Судя по отзывам на эту выставку в чешской прессе, иллюстрации Мусатова в определенной степени способствовали более глубокому пониманию, а вероятно, и переосмыслению чешскими читателями гения Достоевского. Так, критик газеты «Розправы Авентина» писал: «Рисунки русские... в них беспокойство линий и какая-то одержимость бесом, как это и должно быть в иллюстрациях к Достоевскому <...> Мусатов идет правильным путем, и его иллюстрации внесут ценный вклад в представление читателей» [3]². Обозреватель газеты «Легие» отметил, что Мусатову «удалось создать несколько типов, отвечающих нашему представлению» [4]. А автор рецензии в газете «A-Zet» уверял: «Счастье заключалось, главным образом, в том, что за дело взялся русский художник Григорий Мусатов... который с успехом выполнил возложенную на него почти невыполнимую задачу» [7].

Характерно, что чешские критики и искусствоведы в отзывах на выставки русских художников неизменно подчеркивали экзотичность и наличие специфических русских черт в их работах. Яромир Печирка во вступительной статье каталога выставки объединения славянских художников «Скифы» так характеризовал творчество украинца Сергея Мако: «Его картины наполнены тем удивительным варварским мистицизмом, которым насыщено неопцененное искусство Марка Шагала, живой русской душой, широкой, глубокой, эмоциональной, экзотической» [11]. В 1933 г. крупный чешский собиратель славянского искусства Йиржи Карасек писал о Платоне Дееве: «Произведения, которые представляет на суд зрителя наша выставка, принадлежат русскому в душе художнику, ученику чешского мастера Я. Обровского, но они являются настолько русскими, что нам кажется, что они не могли быть созданы под иным небом, кроме русского» [цит. по: 10, 296]. Исследователь Ю. Янчаркова справедливо замечает, что «упорные утверждения о проявлениях некоей “русскости” в творчестве мастеров, звучащие в чешской критике на протяжении лет, можно рассматривать двояко: либо как штамп, возникший в начале 1920-х годов... либо как барьер, поставленный обществом и позволявший иммигрантам интегрировать в его глубины лишь до определенного уровня» [10, 296]. Тем не менее можно предположить, что сам факт повторения тезиса о русских чертах искусства эмигрантов свидетельствует о процессе осмысления чешскими специалистами этого феномена «русскости».

Еще один неочевидный аспект имели художественные выставки как способ коммуникации: благодаря их проведению художники становились публичными, известными людьми, в результате эмигрантский мир и мир местного сообщества еще более сближались. Некролог о Г. А. Мусатове, написанный

---

² Библиография газетных статей не полная, так как единственный доступный автору данного текста архив публикаций включает только переводы статей на русский язык без указания имен авторов, номеров и страниц.

чешским художником В. Рабасом и напечатанный в каталоге коллективной выставки «Художественной беседы» в 1941 г., свидетельствует о том, что чешская интеллигенция пыталась осознать специфику существования эмигрантов и тяжесть эмигрантской доли. «Если мы осознаем сегодня, — утверждал Рабас, — что человек без страны, сохранявший только свою жизнь и жизнь супруги, построил в чужой среде не только настоящий дом для себя и своей возлюбленной, но что он смог завоевать уважение и любовь народа, среди которого он имел когда-то клеймо нарушителя, то мы понимаем необыкновенность и величину, и даже трагедию той борьбы. <...> Мы не можем даже представить себе бремя, которое лежало с самого начала на плечах Мусатова в нашей среде. <...> [Мусатов] нес неизлечимой раной в своем сердце трагизм своей жизни и своего народа. И своими работами он построил мост, с помощью которого преодолел разрыв со всем, что было потеряно и затонуло» [12, 11–12].

Подытоживая, можно сказать, что пражские художественные выставки русского искусства и экспозиции чешского искусства, включавшие работы русских художников, неизменно становились поводом для общения русских и чехов. Они способствовали сближению двух культур и являли собой своеобразный инструмент интеграции русского эмигрантского творческого сообщества в локальную чешскую художественную среду.

1. *Бенуа А. Н.* Из писем в парижскую газету «Последние новости» // Прага: Русский взгляд. Век восемнадцатый — век двадцать первый / авт.-сост. Н. Л. Глазкова. М., 2003. С. 197–202.
2. *Булгаков В. Ф.* Русский культурно-исторический музей (1934–1939) // Ариаварта. 1999. № 3. С. 149–198.
3. Выставка Мусатова // *Rozpravy Aventina* (Прага). 1931. 30 апр. (Архив семьи Г. А. Мусатова; пер. В. Г. Мусатовой).
4. Выставка рисунков Мусатова // *Легие* (Прага). 1931. 30 апр. (Архив семьи Г. А. Мусатова; пер. В. Г. Мусатовой).
5. *Еленев Н.* Русское изобразительное искусство в Праге // Русские в Праге: 1918–1928 гг. / под ред. С. П. Постникова. Прага, 1928. С. 284–310.
6. *Постников С. П.* Культурные организации и кружки // Русские в Праге: 1918–1928 гг. / под ред. С. П. Постникова. Прага, 1928. С. 117–145.
7. Рисунки Григория Мусатова, иллюстратора Достоевского // *A-Zet* (Прага). 1931. 23 апр. (Архив семьи Г. А. Мусатова; пер. В. Г. Мусатовой).
8. *Толстой А. В.* Художники русской эмиграции. М., 2005.
9. *Фиала В.* Русская живопись в собраниях Чехословакии. Л., 1974.
10. *Янчаркова Ю.* Чешская культурная среда и русские художники-эмигранты // *SLAVIA časopis pro slovanskou filologii*. 2011. № 2–3. С. 289–302.
11. *Pečírka J.* K výstavě «Skythů» // *Výstava skupiny slovanských umělců. Francouzský ústav Arnošta Denise v Praze. 18.5.–15.6.1931 : katalog. Praha, 1931* (пер. Д. А. Костиной).
12. *Rabas V.* Dva nekrology // *Členská výstava Umělecké besedy. 28.11.1941–11.1.1942 : katalog. Praha, 1941. S. 11–12.* (пер. Д. А. Костиной).

Статья поступила в редакцию 21.01.2014 г.

УДК 7.033.5(44) + 726:2-523.4

И. Ф. Обухова

У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ ГОТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ: ЖАК-ЖЕРМЕН СУФФЛО И КОЛЛЕГИАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ БОГОМАТЕРИ В МАНТ-ЛА-ЖОЛИ

Статья посвящена проблеме оценки готической архитектуры в странах Западной Европы (со времен итальянского Возрождения до эпохи французского Просвещения). На примере коллегиальной церкви Богоматери в Мانت-ла-Жоли рассматривается вопрос о значении готических принципов строительства в творчестве французского архитектора Ж.-Ж. Суффло.

Ключевые слова: готическая архитектура; коллегиальная церковь Богоматери в Мانت-ла-Жоли; готическая структура; история изучения готики; французский неоклассицизм; Жак-Жермен Суффло.

Обращаясь к проблематике изучения готической архитектуры в ту или иную эпоху, нужно прежде всего отметить, что на протяжении веков принципы и методы рассмотрения вопросов о происхождении и развитии готического стиля менялись в зависимости от культурных ценностей и мировоззрения конкретного общества. Эпоха французского Просвещения занимает особое место в истории изучения средневекового зодчества, именно она положила начало научным исследованиям готической архитектуры. После эпохи итальянского Возрождения, сформировавшей негативное отношение к готике, архитекторов французского неоклассицизма привлекает не только эстетическое и техническое совершенство античных построек, они пытаются разобраться в средневековых принципах строительства, что уже само по себе противоречило мировоззрению первых историков искусств XV–XVI вв.

Достаточно вспомнить знаменитого теоретика архитектуры Филарета¹, который в своем *Trattato di Architettura* (закончен к 1465 г.) призывает навсегда отказаться от современного стиля варваров, который несет в себе пережитки вчерашнего дня. После Антонио ди Пиетро Аверлино другой итальянец, стоящий у истоков истории искусств, знаменитый Вазари критикует манеру *tedesco*² в средневековом зодчестве и впервые называет ее искусством готов, чьи племена ассоциировались в эпоху итальянского Возрождения с варварскими разрушениями античных построек.

¹ Антонио ди Пиетро Аверлино (Antonio di Pietro Averlino или Averulino), больше известный как Филарет (Filarete, 1400–1469), говоря о *style moderne barbare* в своем *Trattato di Architettura*, написанном в 1460–1464 гг., до его возвращения во Флоренцию, критикует готические постройки в Ломбардии.

² Манера *tedesco* (в пер. с ит. — *немецкая манера*) — так называли готический стиль в средневековой архитектуре Италии, так как этот стиль пришел к ним из немецких регионов. В Германии готические принципы строительства называли *francigenum opus* (французский способ).

ОБУХОВА Ирина Федоровна — ассистент кафедры музееведения и прикладной культурологии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: i.obukhova@rambler.ru).

© Обухова И. Ф., 2014

Начиная с XV в. критические высказывания о средневековом искусстве XII–XIV вв. имели место и в других европейских странах, но в изучении этого вопроса необходимо дифференцировать взгляды и мнения первых теоретиков искусства и архитекторов разных стран. В Северной Европе зодчие всегда принимали во внимание достижения средневековых мастров. Даже среди итальянских архитекторов далеко не все с презрением относились к непонятной, вычурной, лишенной строгих пропорций готической архитектуре своих северных соседей. Так, сам Филарет свою критику относил в первую очередь к средневековым памятникам Ломбардии, где готический стиль сильно отличался от архитектуры северо-западных европейских стран и не имел того технического совершенства и изящества, которым могли похвастаться соборы Франции, Англии и Германии и которым восхищались Петрарка и Гете. В данных странах термин «готика» входит в повсеместное обращение только в XVII–XVIII вв., теряя свое «варварское» значение. На это были свои объективные причины, которые нужно искать не в исторических проблемах времен готов, а в культурно-общественном развитии этих стран в постсредневековый период. Дело в том, что стилевые принципы итальянского Возрождения проникают в их архитектуру достаточно поздно. Прежде всего, потому, что на западе и на севере Европы античное искусство хоть и существовало, но оно не достигло тех высот, которыми восхищались весь мир Рим и Греция, и возродить, по сути, в этих странах было нечего, а значит, и не было почвы для развития идей Возрождения на местной культуре. Во французской архитектуре этот стиль начинает широко применяться только при Франциске I, что во многом было связано с приездом Леонардо да Винчи в эту страну.

На большей части территории стран Западной и Северной Европы готическая архитектура не теряет своего значения и после средневекового периода. Зодчие этих стран продолжают обращаться к готическим принципам строительства, внося в них современные элементы как в процессе реставрации старых зданий, так и при постройке новых. В XV и XVI вв. создаются готические шедевры в светской архитектуре Франции, Англии и Германии. Многие английские соборы, церкви, часовни получают свои изощренные своды в стиле перпендикулярной готики именно в этот период. Во Франции при Генрихе IV (1553–1610) возобновляются работы в соборе в Орлеане, которые будут продолжаться до 1829 г. в соответствии с первоначальным замыслом XIII в. С 1603 по 1613 г. в аббатской церкви Святого Стефана в Канне очень искусно была проведена реставрация, никак не изменившая средневековый облик церкви, начало строительства которой относится к эпохе Вильгельма Завоевателя (1027–1087). В XVIII в. работы ведутся в соборе в Нуаёне (с 1732 г. по 1755 г.) и во многих средневековых церквях, пострадавших во время религиозных войн в долине Роны.

Элементы итальянского Возрождения постепенно вливаются в архитектуру поздней готики стран Западной и Северной Европы, придавая ей своеобразие и еще большую изощренность. Вкрапления ренессансных форм в готическую архитектуру можно проследить в часовнях королевского колледжа в Кембридже и Вестминстерского аббатства, во Дворце правосудия в Руане,

в церкви Сент-Осташ в Париже³. Тем не менее эти памятники остаются готическими по многим параметрам и еще раз подтверждают, что принципы и методы средневекового строительства вовсе не были отвергнуты в этих странах. Более того, французские зодчие последующих эпох восхищались конструктивными достижениями готики. Филибер Делорм (Philibert de l'Orme) хоть и поддерживал итальянские негативные оценки вычурных декоративных элементов готических церквей, но при этом он тщательно изучал структуру свода и посвятил готическому типу сводчатых перекрытий три главы в своем трактате *L'Architecture* (1567). Веком позже архитектор иезуитского ордена Франсуа Деран (Francois Derand), изучая церкви иезуитов, высказывает в 1643 г. мнение, что главным элементом готической структуры является свод на перекрещивании оживов⁴, и указывает на важность готической нервюры в конструкциях иезуитских церквей. Готический свод на перекрещивании оживов является объектом исследований вплоть до наших дней. Такое пристальное внимание к готическому своду и роли оживов в конструкции церквей приводит к тому, что в конце XIX в. термин «готический» постепенно предлагают заменить на «оживальный», что точнее отражало, по мнению специалистов конца XIX – начала XX в., суть архитектурного стиля.

В XVIII в. знаменитый французский зодчий неоклассицизма Жак-Жермен Суффло (Jacques-Germain Soufflot, 1713–1780) изучает уже не отдельные элементы, а всю сложную структуру готических построек. Архитектор знаменитой неоклассической церкви Святой Женеьевы⁵ в центре Парижа полностью реабилитирует готический принцип строительства в академических кругах. Ж.-Ж. Суффло проводит основательную работу по изучению средневековых памятников при написании своей дипломной работы (*Mémoire sur l'architecture gothique*), которую он впервые в истории искусствознания посвящает конкретно готической архитектуре. В первый раз он представляет свои исследования экзаменационной комиссии Лионской академии наук 12 апреля 1741 г.⁶, в возрасте 28 лет. Через 20 лет он выносит на суд Королевской архитектурной академии в Париже свою вторую диссертацию, которая была рассмотрена 22 декабря 1761 г. Диссертация была не только дополнена новыми исследованиями, но и снабжена для большей наглядности рисунками художника Ле

---

³ Теме готического стиля в эпоху Ренессанса был посвящен международный colloquium «Le Gothique dans la Renaissance», проходивший с 14 по 16 июня 2007 г. в Centre André Chastel (Galerie Colbert (INHA), Париж).

⁴ Ожива (фр. ogive) – в готической архитектуре французское название стрельчатой арки или стрельчатого свода. Оживы несли на себе всю тяжесть перекрытия (отсюда название). В отличие от боковых, стрельчатых арок, диагональные (оживы) всегда оставались полуциркульными.

⁵ В 1755 г. Суффло получает заказ от маркиза де Мариньи на разработку плана для церкви Святой Женеьевы, покровительницы города Парижа. Первый камень церкви был заложен 6 сентября 1764 г. самим Людовиком XV. Строительство было закончено через 10 лет после смерти архитектора. В 1791 г. церковь была переименована в Пантеон и с конца XVIII в. считается усыпальницей великих людей Франции. Могила Суффло находится в крипте церкви.

⁶ В некоторых русскоязычных источниках ошибочно указывается 1747 г., во французских источниках и в архивах Академии наук г. Лиона стоит 1741 г., эту же дату приводят французские специалисты в своих работах, например, Roland Recht [9, 435].

Жоливе-Жалье (Le Jolivet-Jallier), который вместе с архитектором путешествовал по стране, изучая готические памятники. В своей работе, будучи уже известным придворным архитектором, Суффло обращает внимание своих коллег на особенности готических принципов строительства, с помощью которых средневековые мастера добивались видимой легкости конструкций. Он говорит о структуре и композиции колонн, которые «стремятся придать легкость конструкции», но в большинстве случаев, отмечает Ж.-Ж. Суффло, готические колонны главного нефа «такие же солидные, как и наши». Анализируя конструктивные элементы, он указывает на «удивительное умение колонн передавать основную тяжесть свода в места сопротивления силе ее распора». Затрагивает он и вопросы пропорций готических церквей, отмечая, что «высота готических нефов всегда в 2,5–3 раза превышает их ширину <...> и если мы входим в готическую церковь, такие пропорции создают обманчивое восприятие для наших глаз, наполняя душу чувством удовлетворения...» [цит. по: 9, 436].

Суффло создавал свои неоклассические шедевры, адаптируя принципы готической архитектуры к элементам античности и классицизма в современном для его времени архитектурном контексте. Именно при изучении «загадочной легкости» готических церквей Суффло находит ответы на многие конструктивные проблемы, которые возникли при строительстве церкви Святой Женеьевы. Он сам указывает на влияние готики на эволюцию плана своего главного творения. Легкость конструкции и утонченность стен в сочетании с солидными опорами, необходимыми для возведения 83-метрового купола, он берет из готики.

Свои утверждения о значимости готических конструкций для совершенствования современных методов строительства он подкрепляет детальными планами и чертежами таких построек, как церковь Богоматери в Дижоне и коллегиальная церковь Богоматери в Мант-ла-Жоли⁷, выполненными Перроне (Perronet)⁸. Коллегиальной церкви в Мант-ла-Жоли он уделяет особое внимание и делает дополнительные чертежи ее абсиды. Почему именно небольшая коллегиальная церковь на границе парижского региона и Нормандии привлекла внимание одного из самых знаменитых архитекторов неоклассицизма? Ответ дает сам Суффло в своей работе. Гармоничная конструкция, изящество свода на перекрещивании оживов и ритмичность чередования несущих и несущих тяжесть свода колонн поражают архитектора.

Коллегиальная церковь Богоматери в Мант-ла-Жоли⁹ была построена во второй половине XII в. возле королевского замка Капетингов. Перестройка

⁷ Мант-ла-Жоли (Mante-la-Jolie) — город в 70 км западнее Парижа. До XVIII в. город назывался просто Мант, вторую часть своего имени *la Jolie* (в пер. с фр. — *красивая*) он получает только при Людовике XV.

⁸ Планы и чертежи коллегиальной церкви Богоматери в Мант-ла-Жоли рассматривались на специальном заседании комиссии Королевской академии архитектуры 1 февраля 1762 г.

⁹ Город Мант-ла-Жоли в Средневековье был важным экономическим и политическим центром, служил для защиты Парижа от нападений извне. Королевский замок существовал в Мант-ла-Жоли с X в. и имел стратегическое значение для французских королей до присоединения Нормандии Филиппом II Августом к французской короне. Короли довольно часто бывали в этом замке. В 1223 г. здесь скончался Филипп II.

романской церкви, существовавшей со времен герцога нормандского Вильгельма Завоевателя, начинается в 50-е гг. XII столетия, на десятилетие раньше собора Парижской Богоматери. Время не сохранило до нас сведения о возведении готического здания и до сегодняшнего дня остается загадкой кто, на какие средства и почему построил церковь, не уступающую своими композиционными масштабами, качеством работы и совершенством архитектурных форм многим кафедральным соборам. В XII в. во главе капитула в Манте стояли члены королевской семьи, сначала младшие братья Людовика VII — Генрих и Филипп, а в 1152 г. сам король становится аббатом семи королевских коллегиальных церквей, раскиданных по домену, в числе которых была и церковь Богоматери в Манте. Если нам неизвестно, кто из аббатов — Филипп или Людовик VII начинает перестройку небольшой романской церкви, то цели, которые преследовал заказчик грандиозного проекта, очевидны — это желание воздвигнуть в стратегической точке, рядом с королевским замком, символ могущества королевской и духовной власти на границе с владениями герцога Нормандского, главного соперника Капетингов в эпоху Средневековья.

Без сомнения, лучшие мастера того времени разрабатывают проект в соответствии с новыми принципами строительства, появившимися при перестройке аббатской церкви Сен-Дени и главного кафедрального собора французского королевства — собора Святого Стефана в Сансе. Церковь Богоматери в Манте по праву считается одним из первых готических памятников, при строительстве которого совершенствуются основные принципы готической архитектуры и формируются элементы региональной стилистической группы Иль-де-Франс, к которой принадлежат соборы Богоматери в Санлисе и Париже. Многие структурные принципы и методы строительства, разработанные зодчими в Манте, были применены при возведении собора Парижской Богоматери, строительство которого начинается в 1163 г. Коллегиальная церковь в Манте поражает своими масштабами и архитектурными находками, благодаря которым удалось увеличить размеры церкви, преодолевая ландшафтные проблемы. Для изменения ширины и длины здания архитектор воздвигает на склоне с северной стороны огромную платформу, на которой находятся сегодня боковой неф и северная башня западного фасада. Свод церкви Богоматери в Манте, достигающий тридцатиметровой высоты, был всего на 4 м ниже парижского собора. Во второй половине XII в. это были два самых высоких свода в королевстве.

Суффло был прекрасно знаком со средневековой архитектурой собора Парижской Богоматери, где на протяжении почти 20 лет он руководил работами по перестройке отдельных частей здания. В связи с чем он тщательно изучал готическую структуру и сделал первые исследовательские обмеры эмпор и абсиды собора. По заказу капитула он изменяет центральный портал западного фасада, строит сокровищницу капитула, по его проекту ведутся работы в северном боковом нефе и лучистых часовнях абсиды.

В отличие от столичного собора, первоначальный облик которого претерпел существенные изменения уже к XVII в., коллегиальная церковь в Манте сохранила свой облик более чем на 80 %. Наибольшие изменения церковь получила во время реставраций XIX в., проводимых под руководством архи-

тектора исторических памятников Альфонса Дюрана, в соответствии с теорией Виоле-ле-Дюка. А. Дюран посвятил более 30 лет реконструкции церкви своего родного города, максимально приблизив ее облик к парижскому собору Богоматери, что подтверждало убеждение западных историков искусств, которые до конца прошлого столетия считали, что церковь в Мант-ла-Жоли создавалась по модели столичного собора, и относили начало строительства современного здания к последней четверти XII в. С легкой руки А. Дюрана церковь в Манте стали называть младшей сестрой собора Парижской Богоматери.

Суффло изучал структуру коллегиальной церкви еще до реставраций XIX в. и мог судить о достижениях средневековых мастеров, не приподнимая завесу реставрационных работ эпохи романтизма. Он отмечает гармоничность всей готической структуры и анализирует отдельные элементы, с помощью которых архитектор XII в. добивается совершенства архитектурной композиции. Это, прежде всего, система сопротивления распору такого высокого по тем временам свода, которой и была подчинена вся архитектурная структура здания. Церковь не имеет трансепта и в первоначальном замысле была лишена лучистых капелл, которые, как и знаменитая Наваррская часовня, были пристроены в XIV в.¹⁰ Такая единая структура длиной почти в 70 м позволяет окунуться в залитое светом пространство, где качество деталей и пропорциональное решение архитектурной композиции, как отмечает Суффло, не имеет себе равных.

Церковь имеет трехэтажное построение с просторными эмпорами в среднем уровне, которые в первоначальном виде были перекрыты стрельчатыми полукруглыми сводами¹¹, сохранившимися сегодня только в абсидной части. Боковые эмпоры были перестроены в стиле лучистой готики в середине XIV в. Главный неф поднимается на высоту более 30 м, при этом толщина наружной стены уже на втором уровне уменьшается в несколько раз и составляет всего 42 см¹². Главный неф перекрыт тремя шестичастными сводами¹³, каждый из которых охватывает по две травеи, создавая тем самым чередование несущих и ненесущих опор. Чередование примыкающих к опорному столпу пучков колон и простой гладкой колонны-опоры создает в интерьере главного нефа особую ритмичность и свето-теневые эффекты, которые мы встречаем довольно часто в первых готических постройках (соборы в Сансе, Лане). Впервые такое дробление главного нефа будет подчинено единой, более масштабной ритмичности здания в соборе Парижской Богоматери, где архитектор упразднит визуальную разницу чередующихся опор.

---

¹⁰ Наваррская часовня (Chapelle de Navarre или chapelle de Rosairre) была пристроена с южной стороны церкви в первой половине XIV в.

¹¹ Полукруглый свод, в основе которого лежит стрельчатая арка. Встречается редко и использовался в основном в XII в.

¹² Толщина наружной стены боковых нефов и первого уровня хоры достигает 1 м 82 см, а толщина стены верхнего этажа с большими окнами составляет 63 см.

¹³ Шестичастные, или шестилопастные, своды — когда две травеи объединены под одним сводом, поделенным двумя перекрещенными оживами и дублирующей аркой на шесть частей, или лопастей, свода.

Суффло обращает особое внимание на изящество оживов в Манте. Оживы и дублирующая арка шестичастного свода имеют одинаковую двойную филировку, простую, без декоративных деталей, но достаточно тонкой работы. Такое профилирование нервюр встречается во многих церквях и соборах Иль-де-Франс во второй половине XII в., а вот замковые камни имеют свои отличительные особенности. Это небольшие розетки с тонким орнаментом, которые по своей форме перекликаются с круглыми окнами эмпор абсидной части церкви. Геометрический рисунок розеток замковых камней церкви в Манте был взят Виоле-ле-Дюком за основу при восстановлении роз-окон в двух, прилегающих к трансепту травей главного нефа в соборе в Париже и в круглых окнах эмпор абсиды.

Столь же важное значение имеет для Суффло и внешняя система погашения распора свода, состоящая из эмпор, аркбутанов и контрфорсов. Анализ этой системы церкви в Манте и сопоставление ее с системой в церкви Нотр-Дам в Дижоне¹⁴, где эмпоры отсутствуют, а их роль берут на себя отчасти трифорниум, отчасти аркбутаны, позволяет Суффло разработать при строительстве купола церкви Святой Женеьевы систему «скрытых» аркбутанов — двойных арок, которые передают часть силы распора купола на колонны-опоры и стены здания.

Коллегиальная церковь Богоматери в Манте восхищала Жака-Жермена Суффло не только ясностью своей конструкции и ее рациональностью, но и элегантностью и красотой раннеготической архитектуры, лишенной излишеств вычурного, «чудного» для архитекторов XVII в. готического декора. Она и сегодня сохраняет всю элегантность ранней готики, характерной для региональной архитектуры Иль-де-Франс.

Суффло был не единственным представителем неоклассицизма, обратившимся к так нелюбимому итальянским Возрождением средневековому стилю. Его открытия вызвали целую серию исследований готических памятников и оказали огромное влияние на развитие французского зодчества не только второй половины XVIII в., но и XIX в. Архитектор Эмилиян Готе (Émiland Gauthey) в 1771 г. в своей работе «О применении механических принципов при строительстве сводов и куполов» [4, 83] рассматривает готические прототипы сводчатых перекрытий церкви Святой Женеьевы и проект Суффло представляется ему замечательным синтезом конструктивной «гениальности готики и греческих теорий о красоте». Готе скажет о Суффло, что «он сумел донести до нас чистоту и элегантность греческой архитектуры в сочетании с выдающимися примерами, которые оставили нам архитекторы готов в искусстве строительства». В 1780 г. его ученик Максимилиан Бребион (Maximilian Brebion) в своей работе *Memoire a monsieur le comte de la Billarderie Angiviller* продолжит линию исследований своего учителя: «При создании своей церкви Ж.-Ж. Суффло преследовал цель собрать воедино в самых красивых формах легенды о строи-

¹⁴ На очередном заседании Королевской академии архитектуры, 20 декабря 1762 г., Суффло анализирует чертежи и план церкви Нотр-Дам в Дижоне, выполненные также архитектором Ле Жоливе-Жалье (Le Jolivet-Jallier).

тельстве готических зданий и совершенство греческой архитектуры» [9, 436]. Другой французский архитектор Пьер Патт (Pierre Patte) основательно исследует систему готического свода на перекрещивании оживов, уделяя особое внимание системе распора свода и аркбутанам. В 1777–1778 гг. он издает два последних тома *Лекций по архитектуре* своего учителя Жака-Франсуа Блонделя (Jacques-Francois Blondel, 1705–1774), который, читая курс лекций в Королевской академии архитектуры, с восторгом отзывался о готических церквях и соборах, он писал, что они обладают «такой легкостью и были построены с таким величием, что мы не можем отказать им в восхищении» [2, 173].

Сам Ж.-Ж. Суффло не построил ни одного здания в готическом стиле, но был первым, кто попытался теоретически осмыслить новаторские идеи готических конструкций и применить их в столь отличной от Средневековья архитектуре неоклассицизма. Эта сторона творчества одного из самых известных представителей французского Просвещения никогда широко не освещалась в отечественном искусствознании и до наших дней остается в тени его достижений в неоклассическом зодчестве. В настоящее время, в связи с началом реставрационных работ во французском Пантеоне и с празднованием 300-летия со дня рождения Ж.-Ж. Суффло, тема влияния готической архитектуры на технические находки архитектора при строительстве церкви Святой Женевиевы вновь привлекает внимание французских искусствоведов. Особое место в современных исследованиях занимает дипломная работа Суффло, над темой которой он продолжал работать более 20 лет. Его изыскания имели неоценимое значение не только для изучения средневековой архитектуры, но и для разработки оригинальных проектов неоклассицизма. Сегодня эта работа интересна тем, что она была первой попыткой научно объяснить готические принципы строительства. Невозможно переоценить значение и ее иллюстративного материала, благодаря которому мы можем сегодня судить, как выглядели описанные Суффло памятники до революционных разрушений конца XVIII в. и масштабных реставраций эпохи романтизма.

1. *Базен Ж.* История истории искусства от Вазари до наших дней / пер. с фр. К. А. Чекалова. М., 1995.
2. *Blondel F.* Cours d'architecture civile. Paris, 1771–1774. Vol. 1–4; 1777–1778. Vol. 5–6.
3. *Braham A.* The Architecture of the French Enlightenment. Londres, 1980.
4. *Gauthey É.* Mémoire sur l'application des principes de la mécanique à la construction des voûtes et des dômes. P., 1771.
5. *Pérouse de Montclos J.-M.* Jacques-Germain Soufflot. P., 2004.
6. *Picon A.* Architectes et ingénieurs au siècle des Lumières. Marsyille, 1988.
7. Procès-verbaux de l'Académie royale d'Architecture 1671–1793. P., 1922.
8. *Rabreau D.* La basilique Sainte-Geneviève de Soufflot // Panthéon: De l'église de la nation au temple des grands hommes. P., 1989.
9. *Recht R.* Notre-Dame de Dijon ou le gothique revisité par Soufflot et Viollet-le-Duc // Academie des inscriptions et belles-lettres. P., 1999. P. 435–445.
10. Soufflot et son temps // Caisse des monuments historiques, catal. expos. P., 1980.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДОСУГ

Мы продолжаем публиковать в этой рубрике статьи, содержащие нестандартный взгляд авторов на проблему, часто не относящуюся к основному профилю их научной деятельности. Именно эта «неотнесенность» позволяет увидеть исследуемую тему в неожиданном ракурсе.

К такого рода научным материалам относится и представляемая статья кандидата педагогических наук М. Д. Семенова, преподавателя кафедры физики филиала одного из самых известных технических вузов страны. Речь идет об оригинальной и, возможно, с научной точки зрения, рискованной попытке проанализировать, каким мог бы быть творческий путь одного из великих русских поэтов, если бы его не настигла трагическая смерть. Прогностический анализ выполнен на основе изучения материалов ученых нескольких направлений и, с точки зрения редакции, может послужить отправной точкой интересной дискуссии как для ученых, так и для рядовых любителей литературы.

УДК 159.923.5 + 821.161.1 Лермонтов

М. Д. Семенов

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ: ВЗГЛЯД В НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ БУДУЩЕЕ

Рассматриваются варианты прогнозирования дальнейшего творческого пути М. Ю. Лермонтова в работах философов, публицистов и литературных критиков XIX–XXI вв. Обсуждается вопрос об актуальности художественного наследия поэта в наши дни.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов; литературное будущее; прогнозирование; познавательная деятельность.

Всякий дар исходит от Бога,
а дар писателя — особый дар.
Это апостольский дар.

отец Дмитрий Дудко

Миссия Лермонтова — одна
из глубочайших загадок нашей
культуры.

Даниил Андреев

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит...

[10, 543].

Удивительные стихи! «Какая печаль отрешенности, но и завораживающая полнота чувства жизни! — пишет В. Ф. Михайлов. — Какая всеохватность напоенного любовью бытия! Тут сказано несказанное про вечную жизнь, которую живет человеческая душа на земле. Тут все земное смыкается с небесным и растворяется в нем, душа соединяется с духом, земля переходит в небо — а небо в землю» [13, 577]. Действительно, читая эти лермонтовские строки, невольно начинаешь думать, что слышал их в прошлой жизни, что они существовали всегда. Их естественно восприняли бы люди и библейских времен, и наши далекие потомки из четвертого или пятого тысячелетия. Не случайно ведь Д. С. Мережковский называл М. Ю. Лермонтова «поэтом сверхчеловечества» и сравнивал его с «метеором, заброшенным к нам из каких-то неведомых пространств» [12, 486].

СЕМЕНОВ Михаил Дмитриевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики Озерского технологического института — филиала НИЯУ МИФИ (e-mail: smd1953@yandex.ru).

© Семенов М. Д., 2014

Поэт всегда, с самых юных лет, был необыкновенен во всем. Об этом, в частности, свидетельствует его автобиографическая запись, сделанная 8 июля 1830 г.:

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет.
1837–1838

Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду?

Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. — К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. <...> Я не помню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. — Один раз, я помню, я вбежал в комнату: она была тут и играла с кузиною в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. — Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь: с тех пор я еще не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! — И так рано!.. <...> Горы кавказские для меня священны... [11, 525–527].

Эту запись поэт сопровождает следующим примечанием: «Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. — Я думаю, что в такой душе много музыки» [Там же, 527]. Не отсюда ли у Лермонтова стремление к прекрасному? Не об этом ли писал он в стихотворении «Небо и звезды»:

Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы хотел.

[10, 228].

Об удивительной способности Лермонтова к пророчествам написано много. Он предсказал «России черный год», свою раннюю гибель с такой ясностью, которая для обычных людей совершенно невозможна. Но понимаем ли мы, что сбылась и оценка, данная им людям в предисловии ко второму изданию «Героя нашего времени»? Увы, но ни у кого из присутствовавших в тот роковой вечер 13(25) июля 1841 г. в доме Верзилиных в Пятигорске не хватило ни ума, ни сердца предотвратить убийственную дуэль.

И еще. Дыхание Вселенной слышится в словах «Спит земля в сиянье голубом...», написанных Лермонтовым на исходе жизни. Что это? Удачно найденная метафора, полет поэтической фантазии или предчувствие космической эры? Так или иначе, но через 120 лет — в апреле 1961 г. — это «голубое сияние» первым из землян увидел из иллюминатора космического корабля «Восток» Юрий Гагарин. А четыре года спустя — в марте 1965 г. — еще один

русский человек — космонавт и художник Алексей Леонов осуществил первый в истории выход в открытый космос из корабля «Восход-2» и запечатлел увиденное на своих живописных полотнах.

Известный писатель и публицист В. А. Солоухин говорил о поэте: «Последние его стихи, записанные в тетрадь Одоевского: “Сон”, “Спор”, “Утес”, “Дубовый листок оторвался от ветки родимой...”, “Выхожу один я на дорогу...” и, наконец, “Пророк” — последнее, что написал Лермонтов, — это крутая, если не вертикальная, линия вверх. Шедевры один ярче, лучше и глубже другого» (здесь и далее выделено мной. — М. С.) [18, 6]. Прочитав эти строки, невольно задаешься трудными, но неизбежными вопросами. Каких высот в литературе достиг бы Лермонтов, если бы не погиб в неполные 27 лет? В каких творениях художественного слова мог бы найти свое выражение его, без преувеличения, апостольский дар? В чем заключается актуальность художественного наследия поэта в наши дни? Вопросы эти далеко не риторические, и приближающееся 200-летие со дня рождения русского национального гения обязывает нас хотя бы задуматься над ними.

* * *

К жизни и творчеству М. Ю. Лермонтова обращались выдающиеся исследователи разных эпох — от первых биографов поэта В. Х. Хохрякова и П. А. Висковатова до наших современников В. Ф. Михайлова и В. Г. Бондаренко.

И. Е. Репин. Пророк. Иллюстрация к стихотворению М. Ю. Лермонтова. Около 1890

Одним из немногих, кто еще при жизни Лермонтова почувствовал не только огромность художественного дарования, но и масштаб личности поэта, был В. Г. Белинский. В письме писателю и искусствоведу В. П. Боткину от 16 апреля 1840 г. литературный критик восклицал: «Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! <...> Каждое его слово — он сам, вся его натура, во всей глубине и целостности своей. Я с ним робок, — меня давят такие целостные, полные натуры, я перед ними благоговею и смиряюсь в сознании своего ничтожества» [3, 65–66].

Поразительное высказывание о поэте оставил потомкам Л. Н. Толстой. Посетивший в августе 1883 г. Ясную Поляну друг писателя Г. А. Русанов вспоминает:

Толстой стал говорить о Лермонтове:

— Вот кого жаль, что рано так умер! Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу, как власть имеющий. У него нет шуточек, — презрительно и с ударением сказал Толстой, — шуточки не трудно писать, но каждое слово его было словом человека, власть имеющего.

— Тургенев — литератор, — дальше говорил Толстой. — Пушкин был тоже им, Гончаров — еще больше литератор, чем Тургенев; Лермонтов и я — не литераторы [16, 47].

Заметим: эти слова были произнесены, когда гениальный автор «Войны и мира» уже имел всемирную славу, а яснополянская усадьба стала местом настоящего паломничества множества его почитателей. И вполне закономерно, что литературовед и искусствовед С. Н. Дурылин назвал приведенное свидетельство Толстого о поэте «золотым венком на лермонтовскую могилу» [9, 504].

Иной круг мыслей вызвало творчество Лермонтова у религиозного философа, литературного критика и публициста В. В. Розанова. Свое видение духовной миссии поэта он выразил следующими замечательными словами:

...За Пушкиным... Лермонтов поднимался неизмеримо более сильною птицею. <...>
<...>

Странная мысль у меня мелькнула. И вытекла она оттого, что Лермонтов был деловая натура. Что в размеры «слова» она бы не уместилась. Но тогда куда же? «В Кутузовы» бы его не позвали, к «Наполеону» — не сложилась история, и он бы вышел в самом деле «в пророки на русский лад». Мне как-то кажется, что он ушел бы в пустыню и пел бы из пустыни. А мы его жемчуг бы собирали, собирали в далеком и широком море, — умилялись, слушались и послушались.

<...>

...Лермонтов был чистая, ответственная душа. Он знал долг и дал бы долг. Но как — великий поэт. Он дал бы канон любви и мудрости. Он дал бы «в русских тонах» что-то вроде «Песни песней» и мудрого «Экклезиаста», ну и тронул бы «Книгу царств»... И все кончил бы дивным псалмом. По многим, многим «началам» он начал выводить «Священную книгу России» [15, 641–643].

Ряд исследователей отмечали ярко выраженный патриотизм Лермонтова, народный характер его творчества и славянофильскую направленность его личности. Так, известный публицист, критик и литературовед XIX в. В. Д. Спасович в статье «Байронизм у Лермонтова» писал: «По условиям своего проис-

хождения и воспитания... по сильной любви к родине своей — самой тесной, по нерасположению своему к европеизму и глубокому религиозному чувству, вдохновляющему “Ветку Палестины” и множество прекраснейших молитв, Лермонтов был снабжен всеми данными для того, чтобы сделаться великим художником того литературного направления, теоретиками коего были Хомяков и Аксаковы, художником народническим, какого именно и недоставало этой школе» [17, 369]. На эту же отличительную черту творчества поэта обратил внимание и Н. В. Гоголь. В статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» Николай Васильевич, в частности, подчеркивал: «В нем слышатся признаки таланта первостепенного... <...> Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубленья в действительность жизни — готовился будущий великий живописец русского быта...» [8, 194–196]. А В. Г. Белинский в статье «Стихотворения М. Лермонтова» провидчески замечал: «И мы видим уже начало истинного (не шуточного) примирения всех вкусов и всех литературных партий над сочинениями Лермонтова, — и уже недалеко то время, когда имя его в литературе делается народным именем и гармонические звуки его поэзии будут слышимы в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах...» [4, 696].

Приведенные выше высказывания представляют несомненный интерес: в них просматриваются попытки прогнозирования¹ литературного будущего так рано убитого на дуэли поэта. Однако едва ли не самое необычное и удивительное суждение о М. Ю. Лермонтове в этом плане можно найти в книге поэта и мистика-духовидца XX в. Д. Л. Андреева «Роза мира», посвященной опыту метаисторического познания и плану спасения человечества общими усилиями мировых религий — лепестков единой Розы. В своей работе автор стремится представить траекторию дальнейшего творческого пути поэта, опираясь на анализ двух тенденций в его поэзии: богоборческой и, противоположной ей, «светлой, задушевной, теплой веры»².

Очевидно, — размышляет Д. Л. Андреев, — в направлении еще большей, предельной поляризации этих двух тенденций, в их смертельной борьбе, в победе утверждающего начала и в достижении наивысшей мудрости и просветленности творческого духа и лежала несвершенная миссия Лермонтова. <...> Вся жизнь Михаила Юрьевича была, в сущности, мучительными поисками, к чему приложить разрывающую его силу. <...> Какой жизненный подвиг мог найти для себя человек такого размаха, такого круга идей, если бы его жизнь продлилась еще на 40 или 50 лет? <...> Монастырь, скит? Действительно: ноша затвора была бы по плечу этому духовному атлету... Но православное иночество несовместимо с художественным творчеством того типа, тех форм, которые

---

¹ Прогнозирование в психологии и педагогике является важным звеном процесса познавательной деятельности. Анализ прогнозирования предполагает учет его принципиальной основы. Так, например, В. Д. Спасович в вышеупомянутой статье опирается на условия воспитания М. Ю. Лермонтова и его личностные качества, а Д. Л. Андреев в своей книге — на анализ двух противоречивых тенденций в творчестве поэта.

² Эти тенденции находят отражение в таких стихотворениях, как, например, «Нет, я не Байрон, я другой...» (1832), «Молитва» (1829), «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837), «Я, Матерь Божия...» (1837) и др.

оно приобрело в наши поздние времена, а от этого творчества Лермонтов, по-видимому, не отрекся бы никогда. Возможно, что этот титан так и не разрешил бы никогда заданную ему задачу: слить художественное творчество с духовным деланием и подвигом жизни, превратиться из вестника в пророка. Но мне лично кажется более вероятным другое: если бы не разразилась пятигорская катастрофа, со временем русское общество оказалось бы зрителем такого — непредставимого для нас и неповторимого ни для кого — жизненного пути, который привел бы Лермонтова-старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно, где все блуждания и падения прошлого преодолены, осмыслены и послужили к обогащению духа и где мудрость, прозорливость и просветленное величие таковы, что все человечество взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и с трепетом радости.

<...>

Значительную часть ответственности за свою гибель Лермонтов несет сам. Я не знаю, через какие чистилища прошел в посмертии великий дух, развязывая узлы своей кармы. Но я знаю, что теперь он — одна из ярчайших звезд в Синклите России, что он невидимо проходит между нас и сквозь нас, творит над нами и в нас и что объем и величие этого творчества непредставимы ни в каких наших предвещениях [1, 391–393].

Впрочем, избавим читателей от дальнейшего цитирования подобных сочинений. Как бы ни был притягателен вопрос о литературном будущем поэта, думается, он навсегда останется загадкой для всех живущих на Земле: не помогут в его решении ни «яйцеголовые», ни суперкомпьютеры, ни методы психологического прогнозирования. Но если это так, то правомерно спросить: а какая польза может быть извлечена из всех этих публикаций?

* * *

Рассмотренные выше исследования философов, публицистов, писателей и литературных критиков содержат индивидуальные оценки и интерпретации художественного наследия М. Ю. Лермонтова, которые, безусловно, имеют право на существование. Их изучение помогает не только глубже понять одного из самых загадочных поэтов России и получить «стереоскопическое» представление о его творчестве, но и ответить на последний из трех поставленных нами вопросов.

Понимая невозможность рассмотрения этого вопроса во всей его полноте в рамках одной отдельно взятой журнальной статьи, попытаемся тем не менее выделить несколько наиболее важных, с нашей точки зрения, моментов, касающихся актуальности лермонтовского творчества в наши дни, и прокомментировать их.

Лермонтов и современное российское общество

Напомним: творчество поэта пришлось на 30-е — самое начало 40-х гг. XIX в. Пороки того времени, а точнее, безвременья, словно в магическом зеркале, отразились в поэтических строках: «Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете...»; «Печально я гляжу на наше поколение! / Его грядущее — иль пусто, иль темно...»; «И ненавидим мы, и любим мы случайно, / Ничем не жертвуя ни зlobe, ни любви...»; «Вы, жадною толпой стоящие у трона...»; «Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя...». Написано в позап-

рошлом веке, но как на редкость точно соотносится с нашей эпохой! Поэт будто незримо присутствует среди нас, с глубокой укоризной взирая на наши деяния. Недаром критик и публицист В. Г. Бондаренко в своей недавно вышедшей книге-биографии «Лермонтов: Мистический гений», обращаясь к проблемам дня сегодняшнего, утверждает:

...Время Николая I... по многим параметрам совпадает с нашим путинским временем. Без высоких идей, без великих замыслов. <...> Чем закончится? Новым крымским поражением? <...> Да и герой — тот же, волевой, смелый, мужественный, решительный, но лишённый всякого смысла жизни, кроме удовлетворения своей похоти. Вряд ли Владимиру Путину полюбился бы нынешний Печорин, как и Николаю I. Ближе Максим Максимыч, «слуга царю, отец солдатам...», но где их нынче взять? [5, 351].

Таким образом, с Лермонтовым можно вести продуктивный диалог о современной России. Участниками такого диалога могут стать не только филологи, но и специалисты самых различных направлений: историки, политики, социологи, культурологи, педагоги...

Лермонтов и «светская чернь»

Известно, что последние шестнадцать строк стихотворения «Смерть Поэта», написанные на девятый день после кончины А. С. Пушкина, завязали трагический узел взаимоотношений Лермонтова с властью. Стихи эти отражают гражданскую позицию автора и дышат праведным гневом:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!..

[10, 414].

Кого конкретно имеет в виду поэт? «Роды», обиженные «игрою счастья», — это Пушкины и носители других древних русских фамилий, отстраненные от государственных дел в послепетровский период различными проходимцами. Эти проходимцы достигли высокого положения при русском дворе не благодаря дарованиям и честному служению России, а путем дворцовых интриг, любовных связей и обмана. Не случайно подобная «публика» в отечественной литературе впоследствии была метко названа «светской чернью» и «временщиками»³ — никому из них не были дороги понятия чести и совести, бесконечно далеки были они от национальных интересов России.

И Лермонтов, написав эти строки, вольно или невольно затронул проблему отношений народа с подобными представителями власти, проблему, оказавшуюся чрезвычайно актуальной на всем протяжении Новой и Новейшей российской истории. И как удивительно точно соотносится мнение поэта

³ Имена этих «наперсников разврата» можно найти в исследованиях И. Л. Андроникова (см. [2, 10]).

с точкой зрения современного публициста В. С. Томского. «Непозволительно, находясь во власти, — замечает он, — оставаться чернью, не задумываться о границе своих полномочий и прав, не заботиться о расширении своих горизонтов реальности ежедневно и ежечасно. *Следует, наконец, определить и внедрить эффективные барьеры для уменьшения вероятности попадания во власть представителям российской черни.* Мы имеем уникальный, многовековой исторический опыт, когда эта трусливая, подлая чернь, прекрасно осознавая свою бесконтрольность и безнаказанность, сбивается в волчьи стаи, начинает творить такие чудеса и эксперименты над своими гражданами, что отдыхают виртуозные авторы садистских триллеров. У нас есть все основания прислушаться к голосам и мыслям своих лучших мыслителей и аналитиков. Они адресованы нам прямо, позорная глухота нации к воплям собственных пророков давно стала проблемой национальной безопасности номер один» [20, 210].

Народность творчества Лермонтова

Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая в сентябре 2013 г. перед участниками Валдайского клуба, заявил:

...Для воспитания личности, патриота нам нужно восстанавливать роль великой русской культуры и литературы. Они должны быть фундаментом для самоопределения граждан, источником самобытности и основы для понимания национальной идеи. <...>

<...>

Упрочив свою национальную самобытность, укрепив свои корни, оставаясь открытыми и восприимчивыми к лучшим идеям и практикам Востока и Запада, мы должны и будем идти вперед [14, 8–9].

Эти слова В. В. Путина в настоящее время являются в высшей степени актуальными в связи с теми негативными тенденциями, которые имеют место в отечественной культуре. По этому поводу писатель и публицист Ю. П. Власов справедливо замечает:

Национальное, сердцевинное постепенно выедается. Народ не отдает себе отчета в том, что же это такое, не противится новой жизни, довольствуясь сохранением внешних признаков русского: песнями и танцами нескольких чудом уцелевших при Ельцине хоров, надписями старой русской вязью на бутылочных наклейках с водкой, пивом и квасом, некоторыми экранизациями русских народных сказок и бесконечной матерщиной блатных песен...

Но народность в искусстве — это не кафтан или образная речь простого человека, не танцы или песни, а всегда выражение основных чаяний и душевных переживаний народа, и прежде всего это выражение смысла его веры [7, 95].

Национальное, народное — важнейшие отличительные черты человека, общества, культуры. Культура античной Греции, искусство итальянского Возрождения, русская классическая литература XIX в. — все они глубоко национальны, внесли свое самобытное в общечеловеческое и поэтому живут в веках. Заметим: вокруг нас множество безродных космополитов — обладате-

лей безнациональных талантов. Но что они дали миру? И сумеют ли их сочинения «прорвать громаду лет»? Ответ очевиден.

И только высокая классика способна в минуту испытаний поддержать и возродить угасающий национальный дух народа, так как классические произведения, в отличие от учебников, научных и публицистических изданий, обращены напрямую к сердцам и генетической памяти потомков. Таковой и является поэзия Лермонтова, которого В. Г. Бондаренко охарактеризовал следующими словами: «Более русского по стихам, по выражению своей русскости в русской поэзии XIX века не найти. Он и был светлым предвестником Сергея Есенина» [5, 402].

Психологическая составляющая лермонтовских произведений

Закономерен интерес, который проявляют психологи к художественной литературе. Она может выступать как объектом психологического исследования (иллюстративная функция литературы и научный анализ ее произведений), так и ее субъектом, т. е. носителем вненаучного психологического знания, посредством которого она оказывает психотехническое воздействие на читателя [19].

Имеется ряд причин, позволяющих считать поэзию и прозу Лермонтова весьма интересной с точки зрения психологической науки:

- М. Ю. Лермонтов, рассматривая интимные, сокровенные переживания своих героев, проявил себя великим знатоком человеческих душ. Фактически он является основоположником русской психологической прозы.

- Многие его произведения (прозаический отрывок <«Я хочу рассказать вам» >, стихотворение «1831-го июня 11 дня», роман «Герой нашего времени», поэма «Демон», драма «Маскарад» и др.) либо автобиографичны, либо носят исповедальный характер — их героев автор наделил собственными мыслями и психологическими чертами. В связи с этим они могут рассматриваться как источник изучения личности самого Лермонтова — ведь сведения о его жизни весьма скудны.

- Душа поэта со всей полнотой раскрывается и в картинах природы, непревзойденным художником которых он является. «Лермонтов роднит нас с природою, — пишет В. В. Розанов. — Это гораздо больше, чем сказать, что он дружит нас с нею. И это достигается особенным способом. Он собственно везде открывает в природе человека — другого, огромного; открывает макрокосмос человека, маленькая фотография которого дана во мне» [15, 96].

Гармония в лермонтовской поэзии

Великий датский физик XX в. Нильс Бор в статье «Единство знаний», рассуждая о взаимоотношении между наукой и искусством, писал:

Причина, почему искусство может нас обогатить, заключается в его способности напоминать нам о гармониях, недостижимых для систематического анализа. Можно сказать, что литературное, изобразительное и музыкальное искусства образуют

последовательность способов выражения, и в этой последовательности все более полный отказ от точных определений, характерных для научных сообщений, представляет больше свободы игре фантазии. В частности, в поэзии эта цель достигается сопоставлением слов, связанных с меняющимся восприятием наблюдателя, и этим эмоционально объединяются многообразные стороны человеческого познания [6, 493].

Ведь не случайно великие творения науки и техники рождаются людьми высокой общей культуры, в интегральном интеллекте которых содержатся не только узкопрофессиональные знания, но и гуманитарная составляющая. Осознаем ли мы в потоке суетной жизни, что в космических ракетах С. П. Королева, самолетах А. Н. Туполева, ядерных реакторах Н. А. Доллежала незримо присутствует дух русской классики?

Думается, что произведения великих поэтов и писателей золотого века русской словесности являются замечательным, незаменимым средством развития у людей всех возрастных групп и профессий чувства гармонии и эмоционального интеллекта. И поэзия М. Ю. Лермонтова здесь вне всякой конкуренции. Тот же Д. Л. Андреев очень точно заметил по этому поводу, что «...иностранцы любой национальности... будь то немец или японец, поляк или араб, заряжаются эмоциональным звучанием и признают наличие мировых масштабов не у Пушкина, а у Лермонтова» [1, 387]. Даже не владея русским языком, они проникаются небесной гармонией лермонтовских стихов!

* * *

М. Ю. Лермонтов — поэт на все времена. Каждое новое поколение будет вновь и вновь, соприкасаясь с его творчеством, пытаться найти ответы на вечные вопросы бытия, черпать духовные силы в метафизических глубинах его поэзии, страдать и плакать над его собственной судьбой и жизнью героев его произведений. В этой востребованности, очевидно, и заключается будущее поэта, будущее не придуманное, не спрогнозированное, а реальное!

-
1. Андреев Д. Л. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1997. Т. 2 : Роза мира. 608 с.
  2. Андроников И. Л. Лермонтов: исследования и находки. 2-е изд., испр. М., 1967. 610 с.
  3. Белинский В. Г. Избранные письма : в 2 т. М., 1955. Т. 2. 532 с.
  4. Белинский В. Г. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1948. Т. 1 : Статьи и рецензии. 800 с.
  5. Бондаренко В. Г. Лермонтов: Мистический гений. М., 2013. 575 с.
  6. Бор Н. Избранные научные труды : в 2 т. Т. 2 : Статьи 1925–1961 / под ред. И. Е. Тамма, В. А. Фока, Б. Г. Кузнецова. М., 1971. 676 с.
  7. Власов Ю. П. Временщики: Судьба национальной России. Ее друзья и враги. М., 1999. 464 с.
  8. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1959. Т. 1: Избранные статьи и письма. 564 с.
  9. Дурьлин С. Н. В своем углу / сост. и прим. В. Н. Тороповой ; предисл. Г. Е. Померанцевой. М., 2006. 880 с.
  10. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. М. ; Л., 1958. Т. 1. 756 с.
  11. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. М. ; Л., 1959. Т. 4. 827 с.
  12. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д. С. Избранное : роман, стихотворения, эссе, исследования. Кишинев, 1989. С. 473–506.

13. Михайлов В. Ф. Лермонтов: Один меж небом и землей. М., 2012. 619 с.
14. Путин В. В. Выступление на Валдайском форуме // Наш современник. 2013. № 10. С. 4–9.
15. Розанов В. В. Собрание сочинений: О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. 735 с.
16. Русанов Г. А., Русанов А. Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж, 1972. 280 с.
17. Спасович В. Д. Сочинения : в 10 т. СПб., 1889. Т. 2 : Литературные очерки и портреты. 407 с.
18. Солоухин В. А. «По небу полуночи ангел летел...» // Лит. газ. 1984. 17 окт. С. 6.
19. Степанова М. А. Психологическое лицо литературы // Вопр. психологии. 2006. № 3. С. 109–122.
20. Томский В. С. Неизвестный Королёв: главный конструктор будущего. М., 2011. 288 с.

Статья поступила в редакцию 03.12.2013 г.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

УДК 791.61(470.5)

М. А. Мясникова

КИНО В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Рец. на кн.: *Кириллова Н. Б. Кино Урала: от прошлого к будущему.* — Екатеринбург : ИПП «Уральский рабочий», 2013. — 408 с. : ил.

Книга известного екатеринбургского кинокритика, киноведа, доктора культурыологии, профессора Уральского федерального университета Н. Б. Кирилловой «Кино Урала: от прошлого к будущему» вышла в издательстве «Уральский рабочий» в 2013 г., в год 70-летия Свердловской киностудии, 55-летия Свердловского областного отделения Союза кинематографистов России и 30-летия Екатеринбургского дома кино. Круглые и полукруглые даты подтверждают своевременность выхода этой книги — первого, по сути, обобщающего труда, посвященного кинематографу и кинематографистам Урала. Книга четко структурирована. Она разделена на шесть глав, каждая из которых отражает тот или иной конкретный аспект темы. Первая глава повествует об истории становления кино на Урале; вторая — о судьбах неигрового кинематографа; третья — о мастерах игрового кино; четвертая — о людях разных кинопрофессий; пятая — о кинопроизводстве на Урале; шестая — об основных уральских киноцентрах — Союзе кинематографистов, Доме кино, музеях кино и кинофестивалях.

Книга представляет собой научно-публицистическое издание, которое содержит огромное количество фактов и, безусловно, может служить серьезным источником справочной информации. В связи с этим следует отметить библиографический и фильмографический разделы, дающие не только точные, но и довольно развернутые сведения о большом количестве фильмов, созданных

МЯСНИКОВА Марина Александровна — доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: avt89@yandex.ru).

© Мясникова М. А., 2014

за 70 лет на Свердловской киностудии. Книга богато иллюстрирована и с хорошим вкусом оформлена художественным редактором С. В. Малышевой. Издание приятно взять в руки и просто полистать, чтобы увидеть портреты уникальных мастеров, представителей разных поколений и кинематографических профессий, кадры из фильмов, эскизы и афиши к ним, фоторепортажи со съемочных площадок, изображения студийных корпусов и зданий первых городских кинотеатров. Среди всех этих иллюстраций встречаются и редкие архивные снимки. Помощь автору в издании этого труда оказал целый ряд организаций, включая Министерство культуры Свердловской области, Музей кино Свердловской киностудии, Свердловское областное отделение Союза кинематографистов России, редакцию журнала «Уральский федеральный округ», и отдельные коллеги-кинематографисты. Материалы для книги собирали сотрудники Уральского научно-методического центра медиакультуры и медиаобразования, руководителем которого и является Н. Б. Кириллова. Прделанная работа — итог многолетней деятельности автора, на протяжении десятилетий не только активно занимающегося исследованием истории медиа (и прежде всего кино), проблем медиасемиотики, теории и практики медиакультуры, медиаменеджмента и медиапедагогики, но и лично причастного как кинокритик и киноменеджер к процессам, происходящим в отечественном, и уральском в том числе, кинематографе второй половины XX — начала XXI в. Данному изданию предшествовали книги Н. Б. Кирилловой: «Кино Урала. 1943–1993: Портреты. Рецензии. Обзоры. Интервью» (авторский сборник статей разных лет, вышедший к 50-летию Свердловской киностудии), «Феномен уральского кино», «Классик уральского кино: Штрихи к портрету Ярополка Лапшина».

«Запечатленное время» — так определил когда-то искусство кино Андрей Тарковский. Действительно, экран является «необычайно чутким барометром, в его зеркале больше, чем в каком-то ином виде творчества, отражается движение Времени, духовное состояние общества, его надежды и идеалы, иллюзии и разочарования. Прошлое, хотим мы того или не хотим, всегда с нами: его нельзя подправить, изменить, можно только осмыслить», — пишет Н. Б. Кириллова в одной из своих книг [2, 4]. Этим осмыслением исследователь занимается и в рецензируемой работе. Закономерно, что открывается она объемным историческим разделом, повествующим об этапах становления кино на Урале. Начиная с рассказа о первых киносеансах, состоявшихся в Екатеринбурге, как и в обеих российских столицах, в 1896 г., автор последовательно ведет своего читателя от одного исторического этапа к другому. Рассказывает о местонахождении и репертуаре городских кинотеатров, первый из которых в 1906–1907 гг. открыл в Екатеринбурге (на месте нынешнего здания театра музыкальной комедии) французский предприниматель Кай Лоранж (Лагранж); об организации родоначальником фотографического и кинооператорского дела на Урале В. Л. Метенковым *первой* в нашем крае кинопрокатной конторы, а затем и запуске им собственного кинопроизводства; наконец, о строительстве *первой* в Уральском регионе профессиональной фабрики кино — сначала *Свердловской студии кинохроники* (19 марта 1933 г.), а затем и *Свердловской*

киностудии (9 февраля 1943 г.). Исследователь создает собственную научную периодизацию развития кино на Урале, выявляя семь исторических этапов: рождение кинохроники (1920–1930-е гг.); появление документального и художественного кино (1940-е гг.); период «малокартинья» с производством научно-популярного и учебного кино (рубеж 1940-х — 1950-е гг.); расцвет уральского кино (конец 1950-х — 1980-е гг.); этап «перестройки» (1985–1991 гг.), связанный с разрушением идеологической и экономической платформ старого советского кинематографа; фаза «клинической смерти» (1990-е гг.) и, наконец, период постепенного перехода к формированию нового постсоветского кино (2000-е гг.).

Кроме крупного пласта этой исторической информации книга несет в себе и значительный объем аналитических материалов, авторских комментариев и киноведческих разборов, касающихся отдельных произведений и их создателей. В книге даются портреты замечательных уральских документалистов: А. Литвинова, Л. Рымаренко, В. Волянской, Б. Галантера, Б. Урицкого, А. Балужева, И. Персидского, С. Мирошниченко, А. Морозова, В. Тарика, Г. Шеварова; мастеров игрового и анимационного кинематографа: Л. Оболенского, Я. Лапшина, О. Николаевского, Г. Бокарева, В. Хотиненко, В. Макеранца, Н. Гусарова, С. Мартыанова, В. Лаптева, А. Федорченко, Г. Тургеневой, В. Фомина, В. Петкевича, А. Петрова, А. Караева, О. Черкасовой, С. Айнутдинова, А. Харитиди, А. Золотухина, В. Ольшванга, Г. Малышева, З. Киреевой; представителей разных кинематографических профессий — операторов, художников, кинокомпозиторов, звукорежиссеров, продюсеров.

Специального внимания заслуживает раздел, освещающий становление и развитие кинопроизводства на Урале в новом, XXI в. Автор анализирует сложные процессы разделения Свердловской киностудии, создания отдельных кинопроизводств. И здесь возникает многоголосие (прием, кстати сказать, не раз примененный в книге). Исследователь включает в текст два интервью 2005 г.: первое — оптимистичное, полное планов на будущее, с новым генеральным директором Свердловской киностудии М. А. Чурбановым и второе — последнее интервью с мэтром уральского кино Я. Л. Лапшиным, грустное, отмеченное скепсисом и тревогой за судьбу единственной в центре нашего Отечества крупной универсальной кинофабрики: «...все большая концентрация кинопроизводства в Москве и Санкт-Петербурге досадна и недопустима в такой огромной стране, как Россия. Но молодежь, выучившись во ВГИКе, упорно не хочет возвращаться в родные пенаты, и ее можно понять: что делать молодым на нашей Свердловской киностудии, не отвечающей уровню современных технологий? Понять таких молодых можно, только вот смириться с этой ситуацией нельзя...» [1, 294]. Однако знаменитая Свердловская киностудия, ставшая прародительницей нескольких новых кинокомпаний, выпускающих сегодня прекрасные игровые, документальные и анимационные картины, признанные на крупнейших мировых кинофорумах, все-таки существует, активно работает. И автор верит в ее будущее.

Итак, перед нами — большой, обобщающий труд об уральском кино. Книга касается огромного спектра событий кинематографической жизни Урала —

как довольно далекого прошлого, так и самых последних месяцев нашей быстротекущей жизни. Достаточно сказать, что в рецензируемом исследовании учтены фильмы, совпавшие по времени выхода с годом издания самой книги, 2013-м. Так, в разделе «Кинофестиваль как феномен Уральского региона» («Кинематографические центры Урала») упоминаются самые новые работы уральских кинематографистов (А. Балужева, А. Титова, П. Фаттахутдинова), представленные на XXIV Открытом фестивале документального кино «Россия» в октябре прошедшего года. При этом исследователь рассматривает региональные фестивали как весьма плодотворное явление кинематографической жизни последних лет, фактор интеграции экранного пространства и своеобразную форму «самосохранения и самосознания кино», не менее важную для него, «чем критика и история» [1, 358]. «Думается, фестивали тоже пишут “свою” историю — кино и общества, не только производя “селекцию” фильмов, но и давая оценку самой действительности», — справедливо замечает исследовательница, осмысляя деятельность и того фестиваля, к которому она сама была причастна с самого основания — фестиваля «Новое кино России» [Там же].

Идея данного кинофорума родилась у Н. Б. Кирилловой-киноменеджера, а в дальнейшем и теоретика медиаменеджмента как интегрированной системы управления информационно-коммуникационной сферой, в ситуации кризиса отечественного кино, «“американизации” медиакультуры и падения престижа “самого важного из искусств”» [Там же, 365]. Фестиваль состоял, по сути, из серии мероприятий, направленных на спасение отечественного кино (теперь уже в масштабах всей страны) и привлечение к нему внимания жителей целого ряда городов Уральского региона. По словам автора, в 1995 г. свидетелями этого яркого кинособытия стали более 50 тыс. зрителей, а 4 года спустя их число доросло уже почти до 80 тыс. «Активность зрителей убеждала в его необходимости, в том, что фестиваль — одна из форм поддержки отечественного кино и сохранения духовных традиций общества», — пишет автор [Там же, 366].

Такая удивительная зрительская отзывчивость — по-видимому, характерная особенность нашего Уральского региона. Об этом говорят и гости Открытого фестиваля «Россия», который в нынешнем году отметит свое 25-летие. В Екатеринбурге также существуют и успешно развиваются международный фестиваль-практикум киношкол «Кинопроба» и Российский фестиваль антропологических фильмов. Кстати, все три проходят при активном участии преподавателей и студентов екатеринбургских вузов и особенно Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Работа на фестивале «Россия» студенческого пресс-центра, в котором активно задействованы будущие специалисты¹, обучающиеся в департаменте «Факультет журналистики» УрФУ, давно замечена кинематографистами страны.

---

¹ Некоторые из них стали уже яркими профессиональными документалистами, обладателями призов международных фестивалей.

Между прочим, конечной целью и данной книги сама исследовательница считает, в свете ее научных интересов, направленных на изучение актуальных проблем медиакультуры, медиаменеджмента и медиаобразования, привлечение внимания «к такому “разному уральскому кино”» именно молодежи [1, 6], с которой Н. Б. Кириллова теснейшим образом связана как педагог и которой данная книга может пригодиться не только в качестве научного труда и учебного пособия, но и практического руководства в творческой и организаторской деятельности.

-
1. Кириллова Н. Б. Кино Урала: от прошлого к будущему. Екатеринбург, 2013. 408 с. : ил.
  2. Кириллова Н. Б. Кинометаморфозы: Заметки, интервью, портреты, рецензии, статьи. Екатеринбург, 2002. 320 с. : ил.

Статья поступила в редакцию 14.03.2014 г.

УДК 304.44 + 316.42 + 37.013

В. Ф. Олешко

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Рец. на кн.: Социально-гуманитарные науки в модернизации образования / под ред. проф. Л. Я. Рубиной. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — 114 с.

Рецензируемая книга, написанная авторским коллективом, состоящим из преподавателей нескольких ведущих вузов Екатеринбурга, имеет актуальное для современной педагогической практики название «Социально-гуманитарные науки в модернизации образования». Это издание монографического характера было приурочено к 20-летию деятельности одного из авторитетных в данной среде профессиональных сообществ — Академии социальных наук Российской Федерации. И как отмечено в аннотации, в нем в основном обобщаются, систематизируются и представляются широкой общественности результаты научной и научно-практической работы членов Уральского отделения АСН РФ, их коллег и учеников.

Вместе с тем данная книга имеет отнюдь не «юбилейный» характер. Это, строго говоря, не отчет о проделанной работе, а вычленение остроактуальной проблематики, характерной для приоритетных направлений развития современного образовательного процесса. Междисциплинарность как основной подход к си-

---

ОЛЕШКО Владимир Федорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: Vladimir.Oleshko@usu.ru).

© Олешко В. Ф., 2014

стематизации и подаче очень объемного по содержанию итогового материала проведенных исследований определила логику в его отборе и в целом структуру издания. В каждом из разделов, посвященных роли отдельных социально-гуманитарных наук — социологии, философии, культурологии, а также роли государства в целом в модернизационных процессах, обращено внимание прежде всего на результаты теоретико-методологического обоснования трансформационных процессов в данной сфере. И, как отмечается во введении, — на «региональные достижения как “благодаря”, так и “вопреки”, а также на неразрешенность многих противоречий глобального и локального, традиционного и осовременяемого, официально декларируемого и реального, нашего и “чуждого” и др.» (с. 7).

Любая публикация, тем более книга, на тему модернизации образования, конечно же, не может обойти стороной проблему имеющих противоречий институционального характера. Потребность такого рода изменений на уровне взаимодействия всех сфер жизнедеятельности общества, прежде всего институтов власти и гражданского общества, представлена доказательно, обоснована как настоятельная необходимость. Безусловно, содержание Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. известно всем заинтересованным субъектам, но практика свидетельствует, что при его реализации, особенно на низовом уровне, нередко возникает немало вопросов. И «важно понять, — отмечается в представленной книге, — кто, какие структуры репрезентируют в обществе интересы обозначенных здесь субъектов (человек, семья, общество, государство. — В. О.), в какой мере государственная политика позволяет реализовать интересы личности, малых и больших групп населения, работодателей (самого государства и бизнеса)» (с. 8).

Первая часть книги, озаглавленная «Социология — образованию», посвящена осмыслению границ проблемного поля социологии образования как самостоятельной и, как убедительно доказывают авторы, по-настоящему прикладной отрасли социологического знания. Исторический экскурс в 70-е гг. прошлого столетия, когда проводились первые крупные исследования, их качественное развитие в более поздний период, анализ вклада в конкретизацию знания представителей уральской школы исследователей, активное сотрудничество с ведущими зарубежными социологами, выявление противоречий, которые обуславливали необходимость качественных изменений в образовании, — все это и сегодня актуально не только в историографическом плане. Эти и другие характерные тенденции помогли позднее, как доказывается, понять, благодаря полученным, к примеру, в 2006–2008 гг. результатам социологического исследования, специфику модернизации в образовании, исходя из ее принципов и механизмов, действующих в тех сферах, где она началась раньше. Из представленного в книге материала становится ясно, что авторы совершенно правы, отмечая, что «его результаты и выводы не утратили актуальности в настоящее время, несмотря на то, что необходимость разрешения противоречий нашла свое организационное и правовое обоснование и обеспечение в новом законе “Об образовании в РФ”» (с. 20).

Ключевыми моментами миссии высшей школы оставались и остаются гарантии обеспечения качества подготовки современно и творчески мыслящих специалистов-профессионалов, а также забота о сохранении и оптимизации кадрового потенциала общей и высшей школы. «Но всегда ли удастся ее реализовать на практике?» — задаются вопросом авторы. В связи с такой постановкой проблемы выглядит не просто закономерным, но во многом прогнозным формулирование в данном монографическом издании возможных рисков, связанных с нерешенностью выявленных в ходе ряда исследований проблем высшего образования.

Исследовательская логика привела авторов в дальнейшем, как мы уже отмечали, и к необходимости обращения к очень важной стороне институционального анализа — духовной стороне социального взаимодействия, складывающегося в сфере институционального регулирования. Этому аспекту посвящен системно представленный материал разделов «Философия — образованию», «Культурология — образованию», «Государство и модернизация общества».

В целом же можно сказать, что, как убедительно доказал очень авторитетный авторский коллектив, представивший в данной книге результаты своей научной и научно-практической деятельности, большая теоретико-методологическая работа по осмыслению роли социально-гуманитарных наук в образовании актуальна и должна быть востребована не только педагогической ответственностью, но и властными структурами. А такая, к примеру, дискуссионная проблематика, как «Роль массмедиа в образовательном процессе», «Социальная потребность в разработке сущностных составляющих диалога педагогов и общественности», которая пока, как нам кажется, не нашла полного отражения в системных исследованиях по данному направлению, в дальнейшем позволит в определенной мере расширить их горизонты.

Статья поступила в редакцию 23.01.2014 г.

SUMMARY

PERIODICAL PRESS AND MASS-MEDIA

- Amiri L. P.* Ambiguity as a potential component of language play, or one variety of “punning” in contemporary advertising communication 6
This article examines ambiguous interpretation of an advertising due to the potential of the language lexical system. The mechanism of language play, created by exploiting the polysemy of the word, is studied from the standpoint of intentional ambiguity, and analyzed as a type of expressive means of manipulating the text’s recipient as a potential consumer of the product.
K e y w o r d s: advertising text; language play; pun; intentional ambiguity.
- Boychuk A. N., Zinovyev I. V.* Fiction elements in the crime programs of Russian federal TV channels 13
The article is devoted to the main types of fiction elements in Russian modern crime TV programs. The causes and consequences of using fiction elements in crime TV programs of channels Rossia 1, Perviy canal, NTV are identified.
K e y w o r d s: Russian television; crime documentary on TV; fiction elements; staging, Rossya 1; Perviy canal; NTV.
- Bulatova E. V.* Sense and tone visual signs in the polycode mediatext 20
The article offers classifications of visual signs. The specific character of mediatext key visual signs and key tone signs is described. The practice of defining them is examined. The conclusion about utilization of the visual signs in the polycode mediatext is made.
K e y w o r d s: poly-code text; key sign; visual sign; tone sign; media text; semantic structure of text.
- Gorina. E. V.* Manipulative potential of constituent characteristics of the Internet 29
The article is devoted to the issues of manipulation of the user’s emotions and perceptions on the Internet. The originality of this study is focused on justifying the idea concerning the manipulative nature of the Internet being based on fundamental characteristics of the virtual space.
K e y w o r d s: Internet; Internet discourse system; manipulation; cognition; variation; interactivity; discovery of psychic abilities and social skills.
- Dzhazoyan A. Ye.* Blogs and user-generated content as a new method of the representation of integrative mass media function 39
The development of interactive technologies of the net’ environment that constituted reader’s engagement with creation, discussion and distribution of the content of mass media has inflicted a transformative change on the news industry. The paper reviews the issues of a transformation of mass media’ integrative function that occurred under the influence of user-generated content (UGC) technologies and the development of alternative channels of mass communication.
K e y w o r d s: mass media; interactivity; web 2.0; journalism; UGC.

- Dziuba T. A.* Two “confessions” of national identity (V. Korolenko, V. Antonovych) in journalistic interpretation by S. Yefremov 49

Based on the material of journalistic heritage by S. Yefremov, the author analyzes the problem of national identity, in particular the self-typification modus of Ukrainian intelligentsia. Author analyzes the influence of social and cultural mechanisms through which the individual national self-determination occurs. The issue of “Ukrainian dualism” and the moral choice is revealed through the example of the S. Efreinov publications’ heroes – especially V. Korolenko and V. Antonovich.

Key words: journalism; national identification; social constructivism; Ukrainophilism; «penitential nobles».

- Krasnova T. I.* Quantifier “all” in affective discourse (based on the material of newspapers of the Russian diaspora, 1918–1921) 56

The following article is devoted to the study of the semantic-functional of referential and social-evaluative functions of the quantifier «all» in the anti-Bolshevik press discourse of 1918–1921. It is proved that the term “all” absorbs intellectual and affective content; acts as a resonator, creating painful speech with modus of the prosecution and desire (need). Everything depends on the different patterns of compatibility, ultimately, from the speaker’s view (the subject of ideological newspapers).

Key words: quantitative semantics; multiple/single; affectation decreases sharply; modus; measure; the newspaper of the Russian abroad; discourse; ideological subject.

- Nakhimova E. A.* Precedent situations connected with the activity of Napoleon Bonaparte in the Russian national historical memory 71

The problems of national historical memory attracts considerable attention of historians. Though the true understanding of the named phenomenon can be achieved also by means of other sciences including philological methods, such as fixation, systematization and cognitive analysis of allusions to past events in modern mass media. Modern mass media precedent situations connected with the activity of Napoleon Bonaparte often contain the urbonym Toulon, hydronym the Berezina, chrononyms 100 days and 18 brumaire, insulonyms Elba, Saint Helena, toponyms Borodino, Austerlitz and Waterloo.

Key words: precedent situation; historical memory; national picture of the world; forms of historical memory; Napoleon Bonaparte; Waterloo; the Berezina; Austerlitz; Borodino.

- Starkova G. I.* The youth press in the process of socialization of the udmurtian younger generation in 1920–1930 s. 80

The article studies the role of the youth press in the process of socialization of the younger generation of Udmurtia; techniques and methods of the editorial work in the pioneer and komsomol newspapers; formats and genres of the materials. Example of social activities of youth audience are provided.

Key words: youth press; the socialization of young people; social adaptation and activity of the Russian and Udmurt youth.

EDUCATION

- Doroshenko V. A., Moskalenko M. R.* “The concept of modern natural science discipline” in the system of higher education 88

In the article the value and best methodological structure discipline concepts of modern natural science “for professional and economic-managerial profile are described. The issues of teaching improvement, including distance education and the introduction of grade and rating system of control and evaluation of students’ knowledge are studied.

Key words: contemporary natural history; methodology; domain-driven education; grade and rating system for assessing knowledge.

- Zimina L. E.* Usage of the active training methods while forming cultural and professional competences among students 95

Article is devoted to the issue of common cultural and professional competences formation during the educational process over using active methods of training. Author generalizes her own experience on application of the playing methods of training, as well as exercises, practice situations, video training. Material, which were received in the course of social and psychological training are considered. In the article it is shown, what type of competences are formed while using different training methods.

Key words: active training methods; business play; exercise; practice situation; general cultural and professional competences.

SOCIOLOGY

- Ambarova P. A.* Disciplinary and interdisciplinary approaches to the the definition of the nonlinearity concept 103

The article studies the issue of actuality and prerequisites for the research of the social nonlinear phenomenon. The understanding of «nonlinearity» in natural and social sciences is disclosed. The main characteristics of the nonlinear social phenomenon and processes are shown, the importance of temporal factors in their functioning is proved.

Key words: nonlinearity; cultural relativism; multivector and the probability of historical and cultural process; nonlinear dynamics of social time, mobility of social time.

- Britvina I. B.* Transforming cultural practices of communication among the generations 111

The article contains information about new practices of communication between the generations. They arise from the technological changes of the late XX– beginning of the XXI century. Mobile telephony and Internet are channels of information transmission. They change the form of communication, its content and direction.

Key words: intergenerational communication; prefigurative and cofigurative culture; cultural experience; cultural practices of communication.

- Didkovskaya Y. V.* The career strategy dynamics of youth under the conditions of transformation of the professional self-Identification model 117

The article deals with the analysis of the dynamics of strategies for post-University professional careers youth of quantitative and qualitative methods. It is argued that the formation of strategies for professional careers nowadays occurs under the the conditions of transformation of the model of professional self-determination. The author considers the essence of the transformation of the model of professional self-determination in changing the nature of the relationship between processes of professional career and professional self-determination. Interrelation of processes of professional career and professional identity is revealed through the action of the social mechanisms at the institutional-structural level and the level of individuals.

Key words: professional career; professional self-determination; strategy of career.

- Pevnaya M. V., Kuzminchuk A. A.* Analysis of volunteering' legislation in the USA and Russia 131

This article analyses the main features of legislation of volunteering in the United States and Russia. The author evaluates the practice of regulatory volunteering in these countries from a sociological point of view. The article briefly describes the structure of legislation concerning volunteering and the content of legal norms. Finally it investigates social and cultural, economic and political context that defines their effectiveness.

Key words: volunteering; legislation of volunteering; social institute; institutional context.

PSYCHOLOGY

- Vindeker O. S., Berdnikova D. V.* Motivational features of psychology students with different implicit theories of intelligence and personality 140

The article is dedicated to the study of implicit theories of psychology students in correlation with their learning and achievement motivation. The students who believe that intelligence is malleable and the students who believe that intelligence is fixed, differ from each other from the motivational point of view. There are also two types of implicit theories of personality to which special attention is paid: incremental theory and entity theory.

Key words: psychology students; implicit theories of intelligence and personality; academic motivation; achievement motivation.

- Lomtatidze O. V., Ershova I. A.* A study of emotional attitude of junior school children towards the leading activities 149

The author establishes the connection between positive and negative emotional states of children of different age, gender and different types of nervous system towards the leading activities. The article studies the dynamics of emotional attitude towards the main types of activities of the first and second grade students, including boys and girls, as well as children with different types of nervous system. Obtained results are interpreted in the context of the adaptation problem of elementary school students to the new stage of development.

Key words: elementary school students children; different age and gender characteristics; type of nervous system; leading activities.

- Razina M. V., Andreeva L. S.* A study of parental relation to the older and younger children in the family 157

This article examines the psychological approaches to the phenomenon of the parental relation to the older and younger children in the family as urgent problem connected with the modern demographic situation in Russia. The authors seek to identify differences in relation to the eldest and youngest children based on scientific concepts of various foreign and domestic researchers (A. Adler, P. S. Vygotsky, V. N. Druzhinina, E. A. Savina, E. O. Smirnova, V. M. Tseluyko, E. Schaffer and others). The empirical part of the article describes the results of research of a parental relationship, which was conducted with the help of the techniques worked out by Y. A. Varga, V. V. Stolin, I. M. Markovskaya, E. G. Eidemiller.

Key words: family; parents; mother; father; brother; sister; sibling; family sociogram; gender.

- Kuznetsov D. V.* Psychological and pedagogical facilitation during the process of self-determination 167

The author justifies the relevance of the problem of higher school students' self-determination as an ontogenetic necessity stipulated by their zone "of nearest development" (L. Vygotsky) and the possibility of social self-determination in due time during early adolescence (E. Erikson). The author considers these approaches while working with high school students in diverse schools in Yekaterinburg and Losiniy village in the Sverdlovsk region. The author offers solution in terms of concepts and techniques of psychological and pedagogical facilitation (C. Rogers). As an important result of the project, models of psychological and pedagogical support as well as accompanying high school students are presented and supposed to be tested. In the framework of the following project the author explores social, personal, gender and civil aspects of socialization and identification in the educational process.

Key words: social and cultural transformation; socialization; personal identification; self-determination of high school students; psychological and pedagogical facilitation.

CULTURE STUDIES

- Kostina D. A.* Art exhibition as a way of communication between emigration and local communities in 1920–1930s in Prague 176

The article is devoted to the analysis of exhibitions of Russian art in Prague in 1920–1930s and to delineation of their significance in the process of approachment and communication between Russian emigration community and local art communities during that period. Besides, the author studies the the reaction of Russian and Czech art figures to the shows of Russian art and identifies the place of these shows in the context of general art process of that time.

Key words: art of the first wave of the Russian emigration; “Russian Prague”; “Russian Action”; exhibitions of Russian art abroad.

- Oboukhova I. F.* At the origin of the study of Gothic architecture: Jacques-Germain Soufflot and The Church of the Our Lady in Mante-la-Jollie 182

The article is devoted to the problem of evaluation and studying of Gothic architecture in Westesrn Europe from the Italian Renaissance to the Age of Enlightenment. The author focuses on the role of Gothic principles of construction in the works of French architect J.-G. Soufflot based on the example of The Church of the Our Lady in Mante-la-Jollie.

Key words: gothic architecture; the Church of the Our Lady in Mante-la-Jollie; gothic structure; the history of studying of Gothic art; French neoclassicism; Jacques-Germain Soufflot.

INTELLECTUAL LEISURE HOURS

- Semenov M. D.* Mikhail Lermontov: a look into abandoned future 191

The article considers the variants of the prognostication of M. Lermontov’s further creative way in works of philosophers, publicists and literary critics of the XIX–XXI centuries. The issue of topicality of the poet’s artistic legacy in our time is discussed.

Key words: M. Lermontov; literary future; prospects; cognitive activity.

BOOK REVIEWS

- Myasnikova M. A.* Cinema within the time context (Book review: Kirillova N. B. The cinema of the Urals: from the past to the future. Yekaterinburg, 2013) 202

- Oleshko V. F.* The role of the social and humanitarian sciences in the education modernization (Book review: Social and humanitarian sciences in the education modernization. Ekaterinburg, 2013) 209

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2014
№ 2 (126)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Редактор и корректор *Н. В. Чаноева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 28.05.2014. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,0. Усл.-печ. л. 17,55. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 1447.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48321 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по педагогическим наукам, филологии, психологии, культурологии и социологии Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 82410;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (предоставленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу), **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>) и отсканированную **внешнюю рецензию** (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе или на одном факультете с автором статьи). Официально заверенный оригинал внешней рецензии автор предоставляет в редакцию по почте или лично. Статьи без анкеты и внешней рецензии не рассматриваются.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. В целях обеспечения высокого научного уровня публикаций редакция оставляет за собой право на направление статьи на дополнительное рецензирование.

4. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

5. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

6. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество – полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовки статьи на русском языке;

г) краткая, 5–7 строк, аннотация к статье на русском языке (по ГОСТу 7.9.–95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

- д) ключевые слова по исследуемой проблеме;
- е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);
- ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;
- з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.

...

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8–10.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

...

21. *Шацлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56–64;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

[ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Excel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:

ул. Тургенева, 4, отдел допечатной подготовки (для *Ларисы Александровны Хухаревой*).

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru